

Марк Яковлевич Домнич

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

М.: издательство Академии Наук СССР. 1960

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010.

В книге рассказывается о том, как во время Великой французской буржуазной революции XVIII в. католицизм, враг прогресса, поднял руку на революцию, на народ. Церковь пыталась тогда расколоть нацию и разжечь междоусобицу. Автор повествует о смертельной схватке между патриотами и «контрреволюционерами в рясах». В работе освещаются политика Учредительного и Законодательного собраний и в особенности Конвента по отношению к церкви.

Ответственный редактор А.З.МАНФРЕД

Введение

Католическая церковь накануне революции

Секуляризация церковных имуществ

Гражданское устройство духовенства

Ватикан и французская революция

Контрреволюционная деятельность католического духовенства

Вандея 1790—1791 гг.

Народные массы в борьбе с клерикальной контрреволюцией

Церковная политика Законодательного собрания

Революционная война французского народа против феодально-монархической Европы и католическая церковь

Народные методы подавления клерикальной контрреволюции

От антиклерикализма к борьбе с католицизмом

Вандейский мятеж и католическая церковь

Конституционная церковь в 1793 г.

Начало дехристианизации

Культе Разума

Осуждение культа Разума

Новый этап антицерковного движения

Культе Верховного существа

Заключение

Примечания (библиография)

Тематические материалы в нашей библиотеке:

[А.Олар. Христианство и Великая французская революция 1789-1802](#)

[А.Олар. Культе Разума и культе Верховного существа во время Великой французской революции](#)

[А.Олар. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции](#)

[М.Домнич. К истории секуляризации церковных имуществ во Франции](#)

[С.Блуменау. Церковные реформы начала революции и французское общество](#)

[ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО](#)

Декрет о присяге духовенства

Из декрета 29 ноября 1791 г. против неперисяжных священников

Из декрета Законодательного Собрания от 27 мая 1792 г. против неперисяжных священников

Декрет 16 февраля (6 декабря 1793 г.) о свободе культов

[Ж.-М.Ролан. О контрреволюционной роли духовенства: речь в Законодательном собрании 16 апреля 1792 г.](#)

[ДЕХРИСТИАНИЗАЦИЯ в ПРОВИНЦИИ \(ПО ПРОТОКОЛАМ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ\)](#)

[ЯКОБИНСКИЕ КЛУБЫ в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ \(Париж, Тюлле, Лимож\)](#)

[ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ \(из АРХИВА ШОМЕТТА\)](#)

[ДУХОВЕНСТВО и КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ](#)

Доклад комиссаров в Вандее Законодательному собранию 9 октября 1791 г.

Речь председателя Чрезвычайной депутации департамента Буш-дю-Рон в Законодательном собрании 17 марта 1792 г.

Письмо дирекции департамента Жиронды министру внутренних дел 19 мая 1792 г.

[Сложение сана священниками в Конвенте](#)

[Адрес Нэжона Национальному собранию](#)

[Прокламация Фуше в Невере и Мулене 19 февраля II года](#)

В книге рассказывается о том, как во время Великой французской буржуазной революции XVIII в. католицизм, враг прогресса, поднял руку на революцию, на народ. Церковь пыталась тогда расколоть нацию и разжечь междоусобицу. Автор повествует о смертельной схватке между патриотами и «контрреволюционерами в рясах». В работе освещаются политика Учредительного и Законодательного собраний и в особенности Конвента по отношению к церкви.

Ответственный редактор

А. З. МАНФРЕД

с 987603.

Введение

Современное движение народов за мир и национальную независимость, за коренные демократические преобразования наталкивается на упорное сопротивление реакционных сил. Среди них заметную роль играет римская католическая церковь. Это не случайно. Всякий раз, когда трудящиеся поднимались на борьбу за свое социальное освобождение, церковь занимала антинародные позиции. Так было и в годы французской буржуазной революции конца XVIII в.

Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. явила собой пример острой классовой борьбы. Она, по определению Энгельса, «была победой третьего сословия, т. е. большинства нации, занятого в производстве и торговле, над до тех пор привилегированными сословиями — дворянством и духовенством»¹. Католическая церковь противопоставила себя большинству нации и получила жестокие удары — она потеряла множество приверженцев, а феодальный режим, защиту которого церковь сделала главной своей заботой в революции, рухнул во Франции окончательно.

Католицизм вызвал против себя массовое антицерковное движение, он себя разоблачил как антинародная, враждебная интересам нации сила. Никогда уже не вытравить из сознания народа, что в те героические годы, когда закладывались основы современной Франции, духовенство в исступленной ненависти к революции и прогрессу готово было предать все огню, испепелить страну, усеять ее трупами граждан, лишь бы отстоять самодержавно-крепостнический режим.

Католическая церковь Франции вступила в XIX век забрызганная кровью.

В условиях ранней буржуазной революции, когда рабочий класс был еще «классом в себе», антицерковное движение не могло привести к распространению в народе атеизма. Но борьба против церкви как силы реакции и антиклерикальная пропаганда эпохи революции отнюдь не пропали даром. Они оставили глубокий след в духовной истории Франции, на них воспитывались поколения передовых деятелей и рабочий класс.

В революциях XIX в. церковный вопрос уже не занимал более такого места, но сама церковь не стояла в стороне от этих социальных потрясений. Примирившись окончательно с мыслью о невозможности возврата к феодализму, она стала союзницей капитализма и весь свой огонь направляла отныне против пролетариата, против социализма. В 1850 г. буржуазия, напуганная восстанием парижского пролетариата в июне 1848 г., призвала на помощь церковь и все дело народного образования было отдано католическому духовенству. В 1871 г., в дни Парижской Коммуны католическая церковь освящала оружие, которым Тьер и генерал Галифе расстреливали коммунаров.

История Великой французской буржуазной революции служит нашему поколению оружием в борьбе за мир и демократию. Изучение роли церкви в истории этой революции позволяет сделать вывод, что католическая церковь всегда была преградой на пути к счастью и прогрессу человечества.

Предлагаемая читателю книга построена в значительной мере на первоисточниках — различных документах, газетах, а также брошюрах той эпохи, в том числе таких, которые не использованы в исторической литературе даже во Франции. Автор ставил перед собой задачу не только осветить взаимоотношения церкви и революции, антигосударственную подрывную деятельность католического духовенства, но и показать решающую роль народных масс в подавлении клерикальной контрреволюции.

Католическая церковь накануне революции

Французская буржуазная революция явилась классовой битвой за уничтожение феодального строя. В этой борьбе католическая церковь, как и следовало ожидать, оказалась «по ту сторону баррикад». Она защищала феодальный режим и свои сословные привилегии. А привилегии эти были поистине колоссальны.

Среди прочих феодальных институтов церковь занимала особое место, ее функции тесно переплетались с функциями государства. И частная жизнь и общественная деятельность каждого француза находились под бдительным надзором духовенства.

Католическая церковь представляла собой важную политическую силу на службе у феодалов. Да она и сама составляла органическую часть этого класса. Вся ее внутренняя структура, система строжайшей централизации управления, беспрекословное подчинение духовенства папе и епископату — все это являлось точной копией феодального строя.

Духовенство было освобождено от налогов, оно лишь «дарило» государству один раз в десять лет ничтожную для него сумму в 10 млн. ливров.

Церковь присвоила себе многие функции суда: существовали специальные церковные трибуналы, которые имели право судить не только служителей культа, но и граждан, нарушающих клятвы, совершающих святотатства и т. д.

В руках церкви было просвещение. Специальные монашеские ордена ведали церковно-приходскими и высшими школами. Образование велось в духе богословия: Народ, особенно крестьяне, оставался неграмотным. Монашеским корпорациям милосердия принадлежали все богадельни, больницы, сиротские дома, которые церковники использовали для собственного обогащения. По словам видного деятеля социалистического движения и историка Жана Жореса, «из госпиталей, где трое или четверо больных заражали друг друга в одной и той же кровати, вырывался очень часто могучий крик возмущения — то, что тогда называли стоном больниц, мрачным завыванием безумия, нищеты, отчаяния».

Католическая церковь была господствующей церковью Франции. Короли защищали ее от всяких нападок — указ 1757 г. грозил смертью авторам и издателям «безбожных» сочинений.

Экономическое могущество духовенства базировалось на земельной собственности. Высшая церковная знать была крупнейшим феодалом Франции и жестоко эксплуатировала огромное число крестьян. Только на церковных землях местами сохранилось до революции позорное крепостное право. Так, например, капитул Сен-Клу (департамент Орн) владел 15 тысячами душ крепостных, освобожденных только после падения Бастилии¹.

Церковь держала в строжайшей тайне размеры своих богатств и решительно сопротивлялась инвентаризации имуществ. Большинство историков сходятся на том, что земельные владения церкви составляли от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$ всей площади Франции, а в отдельных провинциях, например в Эльзасе, ей принадлежало до $\frac{2}{3}$ земли². Стоимость всего церковного имущества, включая здания и предприятия, оценивалась в 2 млрд. ливров. Сверх того, в храмах и монастырях было огромное количество драгоценностей, икон и предметов украшения. Ежегодные доходы духовенства составляли 80—100 млн. ливров с собственной земли, 120 млн. — с крестьянской (их духовенство получало с десятины — налог в размере $\frac{1}{10}$ урожая, который церковь взимала с каждого крестьянского хозяйства)³. Многие миллионы собирали церковники в виде платы за совершаемые обряды. Огромные богатства накопили многочисленные конгрегации и монашеские

ордена. Так, доминиканцы Тулузы получали ежегодно 208 тыс. ливров чистого дохода. Им принадлежали монастыри, земельные участки, а в колониях — негры-рабы.

Каким образом церковь во Франции превратилась в крупного земельного собственника? Современники оставили нам красочные описания методов наживы, которыми пользовались церковники. По словам безвестного автора одной из брошюр, выходивших в те годы, «они осаждали богача, чтобы участвовать в разделе добычи; они неотвязно преследовали бедняка, чтобы запродать ему надежду и утешение». Преступникам церковники за золото давали искупление грехов, больным — шарлатанские лекарства. Под предлогом борьбы с ересью конфисковали земли в пользу церкви, крупнейшие доходы приносило ростовщичество. Церковь жадно обогащалась, используя все средства: угрозы, анафемы, захваты, «дарения, вырванные у верующих при смерти, завещания, сфабрикованные после смерти завещателя», изготовление чудотворных икон и мощей, «суеверие, в котором намеренно держали народ»⁴.

Всеми богатствами церкви распоряжалось высшее духовенство: архиепископы, епископы, настоятели монастырей — всего несколько сот привилегированных из 130 тыс. членов духовного сословия. Аристократическая верхушка бесконтрольно распоряжалась во всех церковных учреждениях. До революции в стране было 19 архиепископств, 121 епископство, 35 266 приходов, 5211 церквей, 30 000 моленных домов, 80 мужских и 270 женских аббатств, 2500 мужских и 1500 женских монастырей. Должности епископов занимали только лица дворянского звания. Самые родовитые фамилии (Роганы, Ларошфуко, Монморанси и др.) добивались этого титула, одного из доходнейших в королевстве. Так, епископство Руана давало 100, Камбре и Парижа по 200⁵, Страсбурга — 400 тыс. ливров в год⁶. Кроме того, епископы пользовались доходами монастырей.

Представители церковной знати были богатейшими людьми Франции. Некоторые из них, например кардинал Роган, герой известного романа А. Дюма «Ожерелье королевы», в роскоши и богатстве не уступал королю.

Бесстыдная роскошь «отцов церкви» вызывала нарекания и гнев народных масс. Против них выступали

даже религиозные люди. Автор брошюры «Les oeufs de raques» («Пасхальные яйца») возмущался князьями церкви, «восседающими как идолы, увенчанные балдахинами». По его словам, Христос, увидев их, воскликнул бы: «Я имел только одно простое платье, а вы одеты в шелка и кружева, ваши пальцы унизаны бриллиантами... я ходил босым, а вы разъезжаете в каретах... я имел только хижину, а вы имеете замки, дворцы, сады, парки».

О нравственном облике прелатов написано много. Монастыри превратились в очаги разврата и пьянства, епископы приобрели скандальную славу нарушением обета безбрачия, дуэлями, охотами, увеселениями даже в дни поста. Это были, по словам одного историка церкви, «отвратительные души, в которых сама гнусность сочеталась с холодной и безжалостной жестокостью».

В ином экономическом и правовом положении находилось низшее духовенство, особенно сельские кюре, часто выходцы из крестьян и мелкой буржуазии. Священники-кюре получали жалование в размере 700 ливров в год. Это, впрочем, немало, если иметь в виду, что крестьянин часто не имел и 25 ливров чистого дохода. Одним из источников существования кюре были требы, т. е. плата, взимаемая с прихожан за совершаемые обряды. В съездах духовенства кюре не участвовали, привилегиями первого сословия почти не пользовались. Духовный облик этого единственного носителя «культуры» на селе обычно был крайне беден и примитивен.

Сельские кюре соприкасались с крестьянством, задавленным поборами, поэтому часть сельского духовенства возмущалась отжившими феодальными порядками. Из их среды вышли известные защитники бедняков: смелый революционный мыслитель, безбожник и материалист Жан Мелье (1664—1729), деятель революционной эпохи Пьер Доливье (род. 1746) и вождь группы так называемых «бешеных» (крайне левого направления во время французской революции, представлявшего интересы бедноты) Жак Ру (1752—1794). Основная же масса низшего духовенства не поднималась выше своих кастовых интересов.

Борьба французской буржуазии со «старым порядком» десятки лет, до 1789 г., тесно переплеталась с

борьбой против католической церкви, поскольку последняя явилась «наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя»⁷.

Политически бесправная, но предприимчивая буржуазия не могла рассчитывать на успех своего дела без нанесения удара церкви. К тому же она зарилась на церковную земельную собственность. До революции часто раздавались голоса в пользу передачи государству церковных имуществ. Недовольна была буржуазия и политикой религиозной нетерпимости, которую в союзе с монархией проводили князья церкви. Известно, какой ущерб капиталистическому развитию Франции нанесло преследование протестантов, самой деятельной части нарождающейся буржуазии, принужденных массами эмигрировать. Церковная политика натравливания друг на друга людей различного вероисповедания препятствовала созданию единой нации. Наконец, богословское образование тормозило развитие естественных наук. Все это объясняет, почему передовая французская буржуазия была в XVIII в. враждебно настроена в отношении католической церкви и религии вообще. В отличие от современной буржуазии она тогда была классом восходящим и революционным, готовым смести все то, что мешало ее утверждению у власти.

Выразителем антифеодальных и антиабсолютистских настроений были философы-просветители. Французское просвещение XVIII в. явилось широким идейным движением, предшествовавшим революции и подготовившим молодое поколение к штурму «старого порядка». В своих произведениях философы и писатели подвергли критике феодальный строй и прежде всего идейные устои средневековья — католическую церковь.

Уже в 20-х годах XVIII в. Шарль Луи Монтескье (1689—1755) в «Персидских письмах» дал смелую обличительную критику церковной догматики монахов-иезуитов, которые «жгут людей как солому», папы — старого идола, «которому кадят по привычке», и католического духовенства, этого скопища «скряг, всегда берущих и никогда не отдающих». Поток антицерковной и антирелигиозной литературы становился неудержимым, и генеральный прокурор Франции де Флери восклицал: «Можно подумать, что существует обдуманый план, целое

общество, поставившее себе целью отстаивать материализм, разрушать религию и вызвать порчу нравов».

В действительности такого «общества», конечно, не существовало. Но против католицизма одновременно выступило целое созвездие блестящих умов Франции, различных по взглядам и политическому темпераменту. Здесь были и сторонники «просвещенной монархии», и республиканцы, выразители дум крупной и мелкой буржуазии, крестьянства и плебеев — враги католической церкви — Мелье и Вольтер, Монтескье и Ламетри, Дидро и Гельвеций, Гольбах и Руссо.

«Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, — писал Ф. Энгельс, — сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать пред судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него»⁸.

«Патриарх» философов Франсуа Мари Аруэ Вольтер (1694—1778), воплотивший в себе лучшие черты французского национального характера — ясный и острый ум, ненависть к угнетению, готовность к самопожертвованию, беспощадно разил врагов прогресса: паразитарную аристократию, королевский деспотизм и церковное мракобесие. Он призывал бороться с церковью, этой «гидрой фанатизма», за раскрепощение личности и разума, мастерски критиковал библию и евангелие, а в теоретических трудах нередко поднимался до отрицания бога и бессмертия души. Церковь платила ему лютой ненавистью. О нем писали клерикалы: «Семьдесят лет богохульства, софизмов, сарказмов, лжи, ненависти против Христа и против всех святых сделали Вольтера корифеем нечестивцев XVIII в. Никто до него не создал столько вероотступников, не причинил столько потерь в стаде христовом, не исторгал столько слез из глаз церкви»⁹.

При всем этом вольнодумец Вольтер был не атеистом, а деистом, т. е. он признавал бога как первопричину и законодателя вселенной. Вера в бога, по его мнению, крайне необходима как основа всякой общественной

морали и узда для трудящихся. Если атеизм допустим для философов, «стоящих над народом», то массам нужен бог, «карающий и вознаграждающий».

Противоречия в мировоззрении Вольтера имели глубокие социальные корни. Дело в том, что антицерковные настроения буржуазии отличались крайней непоследовательностью. С одной стороны, она превосходно понимала, сколь нелепы и безрассудны все религиозные измышления и каким препятствием на пути прогресса стоит католическая церковь. В то же время, будучи классом эксплуататорским, буржуазия не могла не сознавать ценности религии как очень тонкой и гибкой формы духовного порабощения народа. Конечно, многие просветители, люди, мечтавшие о счастье человечества, искренне верили в то, что новое общество, к которому они стремились, будет построено разумно, на принципах свободы и равенства. Но в том-то и дело, что за исключением небольшой группы сторонников утопического коммунизма, вроде Жана Мелье, никто из философов и не мыслил себе жизнь без частной собственности, т. е. без эксплуатации. А для охраны такого строя нужна религия, нужна церковь, лучше всех приспособленная к тому, чтобы освящать и оправдывать социальное угнетение. Это понимали и философы и политики буржуазии. Впоследствии Наполеон цинично признавался: «Я вижу в религии не тайну воплощения, а тайну социального порядка; она связывает идею равенства с небом, что мешает бедняку убивать богатого». Двойственное отношение к религии философов крупной буржуазии явилось выражением их отчужденности от масс, их глубокого антидемократизма, высокомерного отношения к трудящимся. Это и выразил Вольтер словами: «Если чернь примется рассуждать — все погибло».

Смелую атаку на церковь повела группа философов, объединенная вокруг «Энциклопедии наук, искусств и ремесел» — этой «осадной машины против церкви и монархии». Энциклопедисты были в большинстве своем воинствующими безбожниками, наносившими меткие и неотразимые удары по религии и мистике. Их «бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика»¹⁰ оставила заметный след в истории атеизма и до сих пор

служит ценным, непревзойденным по форме оружием против религиозного мракобесия. Большой популярностью пользовались тогда «Естественная история души» Жюльена Офре Ламетри (1709—1751) — антирелигиозное произведение, осужденное правительством и сожженное «как исчадие тьмы, написанное к посрамлению человеческой души»; «Система природы» и остроумный «Богословский словарь» Поля Анри Гольбаха (1723—1789); атеистические сочинения Клода Адриана Гельвеция (1715—1771) и Дени Дидро (1713—1784). Атеизм последнего был таким же решительным и непримиримым, какой испепеляющей была его ненависть к тираническому самодержавию. Он часто повторял слова: «Народы не могут быть счастливы до тех пор, пока последний король не будет удушен кишкой последнего попа».

Атеизм энциклопедистов явился следствием их материалистических взглядов¹¹. Они видели в природе одну материю, никем не сотворенную и не уничтожаемую, единственную основу многообразного мира. Материалистическое мировоззрение не оставляло места для «сверхъестественных сил», для божества, и материалисты XVIII в. объявляли религию извращенным, фантастическим отражением действительности, сопровождаемым молитвами и обрядами. Используя данные, полученные естественными науками, они опровергали религиозное учение о бессмертии души; они показывали несовместимость научно обоснованного принципа материального единства мира с легендами о существовании бога, так как это противоречит как данным науки, так и здравому смыслу.

Энциклопедисты продолжили начатую философами Материалистами XVII в. Барухом (Бенедиктом) Спинозой (1632—1677) критику «священных писаний» и, анализируя исторические факты, убедительно доказывали, что Христос как личность никогда не существовал, что он выдуман церковниками. Они клеймили религиозную нетерпимость, вскрывая лицемерие христианской догмы о любви к ближнему. Глубоко изучив историю папства, епископата, христианских королей, они показали всему миру, что это позорная история непрерывного насилия, грабежей, убийств сотен тысяч людей. Философы, предвестники французской революции, разоблачали религию врага разума, культуры и просвещения. Их

большой заслугой явилась попытка раскрыть социальную сущность религии как орудия имущих против народа.

«Религия, — писал Гольбах, — есть искусство опьянять людей, чтобы отвлечь их от тех страданий, которыми правители удручают их в этом мире. Им угрожают невидимыми силами и таким образом заставляют молча переносить бремя бедствий, которыми их удручают силы видимые; им внушают надежды на то, что если они примирятся с несчастьями этого мира, то они будут счастливее в мире грядущем»¹².

Сочинения материалистов были запрещены, но церковь не смогла защитить себя от нападения, бессильными были и репрессии: атеизм и вольнодумство распространялись по стране. Однако буржуазный атеизм страдал существенными пороками. Буржуазная мысль, иногда смелая в теории, даже в пору своего расцвета не в состоянии была сделать правильные практические выводы. Этому мешало корыстолюбие собственнического класса. Только идеология пролетариата, самого последовательного революционного класса, соединяет в себе интересы этого класса с интересами всего общества. Материалисты XVIII в. не видели, что корни религии в конечном счете лежат в классовых отношениях, т. е. в эксплуатации народа, что религия является следствием экономического и политического угнетения. Они объясняли происхождение религии невежеством и только в просвещении видели средство борьбы с ней. Но наряду с этим французские материалисты как буржуазные мыслители питали глубокое недоверие к массам. Сами же массы, нищие и бесправные политически, не могли, не уничтожив нищеты и бесправия, создать необходимые условия для овладения знаниями. Поэтому атеизм был достоянием лишь образованной верхушки общества-буржуазии. Даже Дидро полагал, что массы неспособны к восприятию просвещения и всегда будут нуждаться в управляющих ими «высших классах». «Большинство нации, — писал он, — всегда останется невежественным, боязливым, следовательно, суеверным. Атеизм может быть учением маленькой школы, но никогда не станет учением, принятым большим числом граждан, и тем паче не будет он достоянием малокультурного народа.

Вера в существование бога, или старый корень, останется навсегда»¹³. Аналогичные мысли высказывал и Ламетри; он оправдывал религию для трудящихся из-за ее полезных социальных функций, ибо «выдумки о палачах загробной жизни уменьшают работу палачей земных».

Таким образом, на идеологии философов XVIII в. сказалась их буржуазная ограниченность. Более последовательным и воинственным был атеизм утопического коммуниста Жана Мелье. Это был приходский священник, постоянно наблюдавший горестную жизнь крестьян, замученных трудом и непосильными поборами, и заморивший себя голодом в знак протеста против произвола и самодурства местного помещика. В творчестве Мелье отразилась идеология плебеев, крестьянских низов, не раз поднимавших мятежи против паразитарного и деспотического дворянства. Его труд «Завещание» был написан в начале XVIII в., но никто не подверг церковь и религию столь уничтожающей критике, как этот сельский священник. Мелье прекрасно разбирался в социальных функциях и назначении религии как орудия эксплуататоров. «Религия,— писал он,— поддерживает даже самое дурное правительство, а правительство в свою очередь поддерживает даже самую нелепую, самую глупую религию»¹⁴. Будучи сознательным атеистом и материалистом, он решительно отрицал существование божества и бессмертия души и мастерски разоблачал лживость, лицемерие и жестокость духовенства, игравшего постыдную роль опоры феодального строя.

Атеизм материалистов XVIII в. имел огромное значение в идейной подготовке буржуазной революции во Франции. Церковь была одним из самых прочных оплотов феодализма, и этот оплот расшатывали философы буржуазии.

Атеисты XVIII в. нанесли сокрушительные удары религии, но они не могли полностью уничтожить ее влияния. Для этого тогда не было необходимых условий. Отсюда ограниченность атеизма XVIII столетия, как и всего буржуазного атеизма в целом. И все же необходимо отметить, что в сочинениях французских материалистов XVIII в. буржуазный атеизм достиг своего высшего расцвета.

Коренные недостатки буржуазного атеизма были вскрыты классиками марксизма-ленинизма. Они показали, как глубоко отличается пролетарский атеизм от атеизма буржуазного. «Марксизм есть материализм,— писал В. И. Ленин.— В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это — азбука *всего* материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо *уметь* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии»¹⁵.

* * *

Во второй половине XVIII в. духовенство жаловалось на ослабление веры, на то, что беспутные сочинения Вольтера подбрасывались «вплоть до оград женских монастырей». Тем не менее опасность атеизма была значительно преувеличена. Большинство населения Франции, «старшей дочери католической церкви», было религиозно. Среди дворянства, правда, были распространены вольнодумство и атеизм, однако именно в этом классе церковь находила сильную поддержку, так как без религии невозможно было его благополучие. «В XVIII веке французская аристократия говорила: для нас Вольтер, для народа обедня и десятина»¹⁶. Дворянство отстаивало интересы и привилегии своего союзника, хотя и оно не прочь было присвоить себе имущество церкви. Положение и судьба католической церкви стали открыто обсуждаться в связи с выборами в Генеральные штаты.

Как известно, в 1788—1789 гг. Франция переживала острейший социальный кризис. Феодално-абсолютистский строй, поддерживаемый ничтожной кучкой привилегированных, пришел в столкновение с интересами всего народа. Не только прогресс Франции, но и сама жизнь нации зависела от того, удастся ли очистить почву от средневекового хлама — пережитков феодализма в деревне, цеховых ограничений в промышленности, сословных перегородок, произвола самодержавия.

В канун революции кризис в промышленности и торговле вызвал массовую безработицу. Неурожай 1788 г. обрек деревенское население и городскую бедноту на голод. Положение усугубилось финансовым кризисом: государственная казна была пуста, расточительность двора довела ее до банкротства. В этой обстановке быстро созревала революционная ситуация. По стране прошла волна крестьянских и плебейских волнений.

Оказавшись в безвыходном положении, король принужден был согласиться на созыв Генеральных штатов, сословного учреждения, не созывавшегося с 1614 г. Придворная партия полагала, что она заставит буржуазию раскошелиться и покрыть государственный дефицит. Депутатов в Генеральные штаты выбирали отдельно по сословиям. Одновременно составляли указы, в которых формулировались требования основных классов общества. В них излагались также взгляды трех сословий на церковь.

Буржуазия после длительной борьбы с католической церковью как оплотом феодализма в конечном счете рассчитывала сделать церковь орудием своего классового господства. Поэтому, вступая в противоречие со своими теоретическими взглядами на религию, буржуазные реформаторы добивались лишь перестройки церкви и подчинения ее государству.

Буржуазная программа церковных реформ включала требования секвестра, т. е. передачи государству церковных имуществ и их распродажу; ликвидации десятины; установления выборности священников и превращения их в чиновников на жаловании; сокращения количества епископств; отмены аннатов, т. е. денежных взносов, ежегодно посылавшихся французской церковью в Ватикан; закрытия всех монашеских орденов и религиоз-

ных братств; перенесения на воскресные дни большинства праздников и т. п. Эти требования составляли органическую часть антифеодальной программы. В них была отражена твердая решимость буржуазии поставить церковь себе на службу.

Духовенство не отдавало себе отчета в глубине социального кризиса, переживаемого Францией, и не намеревалось поступиться ничем. Абсолютное большинство наказов духовенства заранее осуждало какие бы то ни было изменения политического и социального строя. Например, церковники Блуа заявляли, что они вообще «никогда не думали, что королевство нуждается в реформе»¹⁷. Их наказания требовали даже возврата церкви имуществ, потерянных ею в связи с закрытием отдельных конгрегаций. Клерикалы добивались сохранения десятины и монашеских орденов, исключительного права публичного отправления культа, строжайшей цензуры на печать и права руководить народным образованием, а также отмены указа 1787 г. в пользу некатоликов. Духовная аристократия явилась в Генеральные штаты полная решимости отстаивать права своего сословия и дворянства, оградить от нападок королевскую власть и католическую церковь.

Секуляризация церковных имуществ

Генеральные штаты открылись 5 мая 1789 г. в Версале. На скамьях духовного сословия сидели 47 епископов, 41 аббат и каноник и более 200 кюре. В первом же столкновении буржуазии с королем по вопросу о порядке голосования часть низшего духовенства взяла сторону третьего сословия¹⁸, но вся церковная знать и большая часть кюре стали на сторону монарха. Когда же депутаты буржуазии самочинно провозгласили себя Национальным собранием (17 июня), абсолютное большинство епископов с этим не примирилось: парижский архиепископ лично направился к королю Людовику XVI и советовал ему приказать Штатам разделиться на три сословия. Как известно, король и придворные круги намеревались силой разогнать непокорное Национальное собрание и с этой целью стягивали в Париж наемные полки швейцарцев и дворянские гвардейские части. Но

С 987603

14 июля народная революция расстроила планы двора и вместе с падением Бастилии закрепила у власти крупную буржуазию и либеральное дворянство, сторонников конституционной монархии. Король «согласился» ограничить свою власть конституцией, светские и духовные аристократы заняли правые места в Учредительном собрании (9 июля Национальное собрание объявило себя Учредительным — высшим представительным и законодательным органом).

Победа народа вызвала панику среди титулованных особ. Началась эмиграция. Среди первых эмигрантов были и представители высшего духовенства — епископы Памьера, Алта, Оксерра, Сен-Омера, Арраса. Кардинал Роган остался в Германии, хотя и был депутатом Национального собрания, а аббат Мори, вождь клерикалов, пытался бежать за границу. Его опознали в Перонне и вынудили вернуться. Все они эмигрировали под влиянием «великого страха» перед мощной волной антифеодальных движений, охвативших всю Францию.

Когда крестьяне обрушились на феодальные привилегии, они не пощадили и церковь — отказывались платить десятину, насильно возвращали земли, захваченные у них духовенством, нападали на монастыри. В Льесси за участие в «мятеже» против церковников было арестовано 19, а за нападение на аббатство Флин повешено 5 человек. Этим и объясняется, что в пресловутую «ночь чудес» с 4 на 5 августа 1789 г., когда аристократы, боясь всеобщего крестьянского восстания, принуждены были, хотя бы на словах, провозгласить «конец феодализма» и разыграть комедию «отречения от старого порядка», духовенство тоже «жертвовало» своими привилегиями. Кюре, например, предлагали прекратить посылку в Рим аннатов. Подобные предложения давно выдвигались сторонниками галликанства — религиозно-политического течения, которое требовало ограничить права Ватикана в отношении французской католической церкви. Но было замечено, что служители церкви охотно «жертвовали» материальными привилегиями... дворян, о своих же они молчали. Поэтому герцог Шатле в отместку шартрскому епископу, предложившему отменить право охоты, потребовал ликвидировать десятину. Спустя два дня церковники настаивали

на сохранении десятины, ибо она является «собственностью», и на этом основании неприкосновенна и священна»¹⁹. Тогда-то впервые было высказано, что собственно все «имущества духовенства принадлежат нации». 8 августа маркиз Лакост внес следующий законопроект: объявить имущества духовенства достоянием нации; ликвидировать десятину, установить жалованье священникам; закрыть монашеские ордена.

Этот законопроект вызвал опасение, что от секуляризации имуществ, т. е. от передачи в руки государства всех богатств церкви, пострадает принцип частной собственности. Это соображение и задержало принятие решения на три месяца. За это время печать всячески доказывала, что в интересах всего общества необходима секуляризация, что она нисколько не нарушает священные права граждан, среди которых на первом месте право собственности. Главный довод в защиту правомерности конфискации церковных имуществ буржуазия черпала в противопоставлении собственности личной, индивидуальной и корпоративной, т. е. принадлежащей объединению или союзу. «Каждый гражданин, — говорил депутат Александр Ламет, — имеет священные права, которые существуют независимо от общества, но политические объединения существуют только для общества и с помощью общества»²⁰, а следовательно, нация вправе использовать имущества корпораций для общего блага.

Опасаясь лишиться главного — имуществ, духовенство недолго сопротивлялось проекту ликвидации десятины. Маневр, предпринятый архиепископом Парижа Де Жюинне, имел целью спасти всю церковную собственность. Он предложил отмену десятины в виде «дара нации», с тем, однако, чтобы культ отправлялся «с подобающим приличием и с достоинством», а бедные получали «облегчение и помощь». Законопроект о ликвидации десятины был утвержден 11 августа, но вскоре стал дебатироваться вопрос об имуществе. Одно чрезвычайное обстоятельство вынудило законодателей обратить свои взоры на богатства церкви. Это — дефицит, который не в состоянии были покрыть ни государственные займы, ни патриотический дар (единовременный налог в размере 1/4 дохода). Только секуляризация колоссальных имуществ церкви сразу же выводила казну из кризиса,

давала буржуазии возможность овладеть землей, превращала церковь из материально независимой организации в учреждение, подчиненное новому государству, а ее служителей — в простых чиновников, получающих жалование. Правда, еще оставались опасения относительно самого принципа собственности, неприкосновенность которой ставилась под сомнение. Они могли бы рассеяться только в том случае, если бы церковь сама пожертвовала свои богатства. Это и понял епископ Отенский Талейран, знаменитый в будущем дипломат, решивший переметнуться в лагерь восходящей буржуазии. Его предложение 10 октября о передаче нации всех церковных имуществ, сделанное «от имени духовенства», было счастливой находкой. Талейран заявил, что для ликвидации дефицита имеется «одно мощное и решающее средство, использование которого, по моему мнению (иначе я бы его отверг), совместимо со строгим уважением к праву собственности; это средство заключается в церковных имуществах»²¹.

Двухнедельные прения носили бурный характер. Аббат Эймар предложил для покрытия дефицита единовременный дар в виде половины, даже $\frac{3}{4}$ доходов церкви. Епископ Буажелен предложил пожертвовать суммой, необходимой для ликвидации всего долга казны. Главным же оратором от клерикалов был аббат Мори, непревзойденный демагог и отъявленный реакционер, отныне возглавивший клерикальную оппозицию революции.

Прежде всего он напомнил вождям буржуазии о социальной роли церкви. «В теперешний момент, — говорил он, — когда падение религиозных принципов расшатало основы всякой власти... в этот момент кризиса неверия мы должны напомнить законодательному корпусу ту общепризнанную истину, что единственной основой законов является религия». Помимо угрозы упадка религии, Мори старался запугать буржуазных и либерально-дворянских депутатов и таким доводом: «Собственность, — воскликнул он, — едина и священна как для нас, так и для вас. Наша собственность гарантирует вашу. Теперь производится нападение на нас; но не сомневайтесь, что и вас, в свою очередь, постигнет та же участь». И Мори стал угрожать буржуазии перспективой «аграрного закона», когда народ потребует

дележа имуществ» и будет «оперировать теми же словами, на которые вы теперь ссылаетесь против нас»²²⁻²³.

Но угрозы Мори не подействовали. Невозможно было доказать, что процветание католицизма зависит от сохранения церковных и монастырских поместий, касты бенефициантов, т. е. лиц, пользующихся доходами от церковных владений, обладателей миллионных состояний. Да и другого средства не было — государство стояло накануне неизбежного банкротства, полного прекращения платежей по займам. Предложенный Мирабо проект декрета провозглашал «право нации распоряжаться имуществами церкви». При этом государство брало на себя все расходы по содержанию культа, включая жалование священнослужителям, и помощь бедным. 2 ноября 1789 г. законопроект был утвержден большинством голосов (568 против 346). Постановление 2 ноября было прогрессивным актом Учредительного собрания: был нанесен ощутимый удар феодализму, оплотом которого католическая церковь и являлась. Государство получило необходимое обеспечение под ассигнации в сумме 400 млн. ливров, выпущенные 19 декабря 1789 г., церковь лишилась экономической самостоятельности, а стало быть, ослабла. Кроме того, открылась возможность повышения продуктивности земледелия ввиду перехода земель в руки буржуазии и крестьянства.

Церковная знать решила во что бы то ни стало защищать основы своего благополучия. Но это значило вступить в конфликт с Собранием, с революцией, которую совершил народ. Князья церкви были к этому готовы. Уже в первые месяцы революции клерикалы оказывали решительное сопротивление проведению революционных мероприятий. Местами юре отказывались освящать трехцветные знамена революции, называя их «флагами мятежа», и зачитывать с амвона декреты Учредительного собрания. Священники были замешаны в махинациях с зерном, целью которых было вызвать голод в стране. Одним из виновников затруднений с хлебом был парижский архиепископ.

Клерикалы в союзе с аристократами составляли крайне правое крыло Учредительного собрания и

противодействовали любым преобразованиям буржуазии. Они сопротивлялись принятию «Декларации прав человека и гражданина», потому что она провозглашала свободу личности и равенство. Они предлагали наделить короля правом абсолютного вето и учредить верхнюю палату. Духовенство отстаивало высокий имущественный ценз, и видный деятель революции Камилл Демулен иронизировал по этому поводу: так как Христос был «пролетарием», то и он был бы лишен прав «активного гражданина». В октябре 1789 г. трегьерский епископ в своем пастырском послании призывал верующих к повиновению властям. Он предлагал юре устраивать молебны «за возвращение мира», т. е. старого режима. Лозунг «свобода, равенство и братство» как несовместимый с духом религии предавался анафеме. Революцию он объявил «ниспровержением порядка», конституцию — посягательством на принципы природы и веры, религиозную терпимость — безбожием, свободу — мятежом.

С посланиями подобного рода обратились епископы Блуа, Ипра, Амьена. Не оставалось сомнения в том, каковы были истинные настроения церковной знати. Но если летом и в начале осени 1789 г. враждебные акты духовенства носили случайный характер, то теперь, когда были затронуты его материальные интересы, началась настоящая борьба. Это вполне закономерно; церковь, писал К. Маркс, «скорее простит нападки на 38 из 39 членов ее символа веры, чем нападки на $\frac{1}{39}$ ее денежного дохода»²⁴.

Как же решался вопрос о монашеских орденах? В соответствии с желанием нации, выраженным в наказах, Учредительное собрание 13 февраля 1790 г. утвердило следующий декрет. Монахам разрешалось отказаться от данного ими обета и покинуть монастыри, им предоставлялась государственная пенсия от 700 до 1000 ливров в год. Для тех же, кто пожелает остаться постриженным, в провинции сохранялось небольшое количество монастырей. Сохранялись также конгрегации, занимавшиеся просвещением и благотворительностью, и женские монастыри, ликвидация которых обременила бы государственный бюджет непомерным количеством пенсий. На этом, как и на всем законода-

тельстве буржуазно-монархического Учредительного собрания, лежала печать ограниченности.

Ликвидация могущественного очага мракобесия была сочувственно встречена революционно-демократическими кругами. Камилл Демулен был в восторге от того, что распущена «вся монашеская армия: бородатые и бритые, завитые и подстриженные, белые и черные, круглые и остроконечные капюшоны, большие и маленькие рукава, ладанки и часовенки, туфли и сандалии, все полчища святого Франсуа, святого Августина, святого Клера, святого Бернара, святого Бруно»²⁵. Газета «Révolutions de Paris» («Парижские революции») приветствовала закрытие монастырей, ибо «монахи составляли государство в государстве; они не имели, да и не могли иметь родины. Следовательно, они могли в любую минуту превратиться в орудие беспорядков»²⁶.

Что же делала церковь, чтобы сорвать осуществление декрета 2 ноября? Прежде всего, духовенство стало расхищать национальные богатства. В ответ Учредительное собрание 7 ноября передало церковные имущества «под наблюдение властей» и грозило карой расхитителям. Но это не помогло. Участились массовые порубки лесов, хищения ценных бумаг, серебра. Издававшийся в России «Политический журнал» описывал, как монахи продают мебель, заключают мнимые сделки с заимодавцами, как «в аббатстве лирском бенедиктинского ордена с монахами случилось несчастье, у них украдены все деньги и серебряная посуда. И каждый говорит: монахи вовремя дали себя обокрасть»²⁷. Разбазаривание имущества достигло колоссальных размеров после закрытия монастырей. 17 марта 1790 г. якобинский клуб высказал опасение, что Фландрия скоро совсем останется без леса, и привел факт продажи аббатисой де Флин близ Дуэ леса на 90 тыс. экю²⁸.

Но церковники видели свою задачу в том, чтобы сохранить все имущества, и для достижения этой цели шли на все. Они пытались запугать народ, чтобы заставить забитую темную массу выступить на защиту церкви.

Уже в августе 1789 г. клерикалы сфабриковали письмо Иисуса Христа, который угрожал всем, кто откажется платить десятину, тем, что «поразит их поля бесплодием». В ноябре Франция уже была наводнена памфле-

тами, посланиями и пасквилями. Наибольшее усердие проявили клирики Эльзаса, богатства которых не поддавались учету. По указанию кардинала Рогана на имя короля был подан протест против секуляризации, подписанный 30 тыс. верующих. Одновременно Роган обратился к Германской империи за помощью и призвал священников сопротивляться инвентаризации имуществ.

В Жевенне распространялось письмо главного викария епархии, призывавшее прихожан не допустить секуляризации имуществ. Контрреволюционный адрес Учредительному собранию направил капитул ордена Сен-Бертен. Протест составили и каноники монастыря соборной церкви в Париже, но этот протест был публично сожжен народом.

Не теряя надежды на наступление «лучших времен», священники убеждали паству не приобретать церковные имущества. Прихожан предупреждали о карах, грозящих всякому, кто посмеет овладеть «национальными имуществами», им предсказывали нищету, несчастье, бедствия. В одном памфлете говорилось: «Все французы, не впавшие в ересь, прочтут на стенах и границах церковных владений угрожающие слова: «Не прикасайтесь!»»²⁹. Священники Руана и Кана в Нормандии угрожали... близким светопреставлением.

Для народного чтения издавались катехизисы, т. е. брошюры в форме вопросов и ответов. В них убеждали народ в том, что «буря, волнующая нацию, не будет длиться долго, она снова успокоится... и восстановит священнослужителей в своих владениях, захваченных нечестивцами».

Духовенство применило демагогический прием — обращение к беднякам. По каноническим законам часть доходов церкви предназначалась на содержание бедных. Однако епископат свел эти расходы до минимума. И вот теперь, нисколько не смущаясь, клерикалы произносили речи в защиту имуществ... принадлежащих бедным. Устно и печатно доказывалось, что ограбление духовенства является «кражей у нищих». Бедняков призывали «оказать отчаянное сопротивление какой бы то ни было продаже своего имущества»³⁰. Была разослана готовая форма петиции, которую беднякам рекомендовалось подписывать и направлять в Учредительное собрание.

При всем том агитация против покупки имущества не имела успеха. Несомненно, важную роль сыграла контрпропаганда, которая энергично велась в демократической журналистике — в газетах Эбера, Лусталло, Демулена, Марата, а также в многочисленных брошюрах, выходивших в то время. Некоторые из этих брошюр были пронизаны боевым антиклерикальным духом. Уже в начале 1790 г. брошюра «L'Amende honorable» («Почетный штраф») призывает зорко следить за священниками, которые «желают зажечь в народе огонь возмущения, вселить в его душу дух несогласия, ненависти». Тревога анонимного автора брошюры была обоснована, поскольку в различных провинциях церкви удалось создать обстановку, обычно предшествующую гражданской войне. Печать сообщала о разнообразных происках клириков, направленных на расстройство экономической жизни страны, подрыв доверия к ассигнатам. Клирики изобличались в попытке вызвать искусственную безработицу. Аббат Шатцель, склонявший предпринимателей «прекратить работы» и рассчитать рабочих, был арестован. Весной 1790 г. в Париже церковники решились и на более активные действия.

Хотя за нацией и оставалось право «наблюдения», но все же фактическими хозяевами имуществ все еще было духовенство. Церковь еще не потеряла надежду как-нибудь удержать свои богатства. Но вот 9 апреля депутат Шассе, доложив Собранию о плохом состоянии финансов, призвал немедленно передать церковные имущества в руки властей и этим «прочным залогом» восстановить доверие и успокоить кредиторов государства. Перспектива окончательной потери имуществ придала клерикальным депутатам энергию и они решили дать «генеральное сражение». В разгар прений клерикалы прибегли к самым крайним средствам. Собрание обвинялось в том, что оно «оскорбляет католическую веру, готовит осуществление богохульного и мерзкого плана». Тогда депутат дом Жерль, духовное лицо и член якобинского клуба, желая доказать, что подобных мыслей не было ни у кого, потребовал «декретировать, что католическая религия есть и всегда будет национальной религией и что только ее культ будет публично разрешен». Предложение вызвало аплодисменты клерикалов и всех

правых, потребовавших немедленного голосования. Но принятие такого предложения никак нельзя было допустить — оно дало бы в руки мракобесов мощное оружие для разжигания фанатизма. Левые добились отсрочки обсуждения на день. Вечером в Якобинском клубе дом Жерль раскаялся и обещал взять обратно свое предложение. Одновременно правые депутаты собрались на тайное совещание в монастыре капуцинов. Здесь было решено составить протест и предъявить его королю, если Собрание откажется принять предложение дом Жерля и будет настаивать на конфискации имуществ. Депутаты договорились явиться на следующий день в Собрание нарядно одетыми, чтобы можно было представиться королю. Предполагалось, что все депутаты от бывших привилегированных сословий составят кортеж и двинутся по парижским улицам к Тюильрийскому дворцу. Принятый план ставил определенную цель — устроить враждебную революции политическую массовую демонстрацию под предлогом защиты религии.

Подозрительное собрание у капуцинов обеспокоило представителей демократии. Например, администрация дистрикта * Кордельеров призвала граждан к оружию, а командующий национальной гвардией этого дистрикта распорядился удвоить караулы. Народ собирался группами, взволнованный тем, что духовенство намеревается злоупотребить его набожностью. В этот же день появились многочисленные брошюры, обвинявшие князей церкви в стремлении нарушить общественный порядок. Автор памфлета «*Les Vérolés de l'Assemblée nationale*» обращался к народу: «Истребите эти чудовища... Спешите расстроить контрреволюцию, более гибельную и более страшную, нежели все, имевшее место до сих пор».

13 апреля 1790 г. заседание Учредительного собрания протекало бурно. Трибуны зала были переполнены, около здания стояли толпы народа. Голосование показало, что клерикалам не удастся провести предложение дом Жерля, от которого он, кстати, отказался. Газета «Московские ведомости», писала, что когда депутаты расходились, «народная партия принимаема была с ве-

дкими рукоприкладствами... аристократическая же сторона освидетельстана... За аббатом же Мори гналось более 2 тысяч человек. Он спасся в доме одного аптекаря, откуда ушел через два часа, переодевшись в другое платье».

Теперь, когда 14 апреля имущества церкви были переданы в ведение местных властей, появились обращения духовенства к провинциям. В обращении «*Nouvelle adresse aux Provinces*» («Новое послание провинциям») духовенство упрекало население провинций в трусости, обвиняло его в том, что оно терпит «анархию, порожденную революцией». Кое-где церковникам удалось вызвать волнения. Так было в Тулузе, где местные священники объявили сорокачасовые молебны, устраивали паломничества к богородице в Роквильскую часовню, «дабы отвратить гнев небесный». 20 апреля толпы фанатиков вступили в схватку с гвардией. О протестах против декрета 14 апреля и связанных с ними волнениях, организованных священниками, сообщали из Лавора, Ренна, Руана, Ванна, Артуа, Бретани, Бургундии.

Сторонники революции знали, что духовенство не сдает своих позиций без борьбы. Собрание граждан дистрикта Кордельеров под председательством Дантона 20 апреля 1790 г. отмечало, что «с каждым важным шагом, осуществляемым Национальным собранием на пути к установлению общественного порядка, враги народа удваивают свои усилия, чтобы его нарушить. В настоящий момент, когда приближается продажа имуществ духовенства, они, видимо, дошли до высшей точки кипения». Робеспьер говорил о кознях священников, их попытках «поднять народ в Нормандии и ввести в заблуждение сельских жителей». Марат призывал «удвоить бдительность и усердие». Автор брошюры «*La sentinelle du peuple*» («Часовой народа») обращался к нации со словами: «Духовенство освящает оружие, которое должно вас убить. Оно желает ввергнуть вас в рабство, восстановить деспотизм, уничтожить Национальное собрание и его законы».

Заккрытие монашеских конгрегаций проходило также не без сопротивления духовенства. Так, в городке Эльм в момент, когда явилась комиссия по инвентаризации монастыря, перед церковью выстроилась толпа, вооруженная палками и топорами. Оказалось, что монахи

* Орган районного самоуправления, позднее преобразованный в секцию.

последи слух, будто власти намереваются увести в Перпиньян святые реликвии.

Настоятели монастырей делали все, чтобы помешать монахам отказываться от обета. Например, в Париже некую монахиню монастыря Сен-Клемент настоятели в течение многих дней истязали за то, что она выразила желание покинуть монастырь. В конце концов она была объявлена безумной и предана церковному суду.

В мае 1790 г. был узаконен порядок распродажи церковных имуществ. Однако вскоре срок выкупа земель был сокращен, а дробление участков отменено. При этих условиях приобретать церковные земли могли лишь зажиточные крестьяне.

В ряде случаев земли покупали сами священники. Так, в департаменте Вьенн в числе приобретателей были 134 духовных лица и 55 аристократов³¹. В результате 5/6 церковных земель достались не крестьянам, а буржуазии. Таким образом, отмечал Жорес, она «дополнила свои промышленные и торговые владения владениями сельскохозяйственными»³².

Гражданское устройство духовенства

Реорганизуя церковь «по образу и подобию своему», крупная буржуазия и либеральные дворяне решили довести до конца начатую перестройку, покончить со всеми остатками ее феодальной организации. Было выработано новое положение о церкви под названием «Гражданское устройство духовенства». Уже в самом названии подчеркивалось, что законодатели не намеревались вторгаться в область веры и всячески оберегали религию, учитывая ее полезность для правящего класса. Нелишне отметить, что само духовенство отчетливо сознавало, насколько государство нуждается в религии. Клерикальный автор одной брошюры писал в 1791 г.: «Никакое общество не может существовать без наград и без наказаний. Опыт доказал, что человеческие законы явно недостаточны: к ним необходимо было прибавить религиозную узду, т. е. боязнь невидимого существа, потому что эта боязнь больше действует на людей, чем светские наказания, которыми можно их утратить». О том, что речь идет об утратении низов,

проболтался некий дом Коллинзон, заявивший, что религия является «учреждением и моральной уздой для каналов»³³.

Докладчик в Учредительном собрании по законопроекту о гражданском устройстве духовенства Мартино говорил то же самое: «Лишь религия пользуется властью, которая простирается не только на все наши действия, но даже на самые тайные помыслы наши». А католицизм был очень хорошо приспособлен к нуждам эксплуататоров. Поэтому буржуазии «и в голову не приходило, что надо заменить старую религию какой-то новой»³⁴. Напротив, больше всего она боялась казаться недостаточно католической. Депутат Мену говорил: «Я уважаю католическую религию, ее одну я считаю истинной». А Шарль Ламет даже обиделся, когда один из церковников обвинил его в нападках на религию.

Законодательство французской революции в церковных вопросах отличалось непоследовательностью. Оно было весьма противоречивым. В самом деле, «Декларация прав человека и гражданина», принятая Учредительным собранием 26 августа 1789 г., — этот прогрессивный для своего времени документ буржуазии, тогда смелого и восходящего класса, — провозглашала не только демократические права — свободу, равенство и братство, но и свободу совести и вероисповедания. Отсюда неизбежно вытекало, что государство должно быть светским, т. е. церковь должна быть отделена от государства. А в нарушение им же провозглашенного принципа «свободы совести» Учредительное собрание объявило католицизм государственной религией. Стало быть, и не католики обязаны были нести расходы на содержание чуждого им культа. Но правители крупной буржуазии и либерального дворянства истолковывали права и свободы граждан, так называемые «принципы 1789 г.», по-своему. Они придерживались известного замечания Вольтера: «Хотите, чтобы ваш народ был спокоен и могуч — пусть религия подчиняется закону государства».

Прежде всего буржуазия стремилась ликвидировать феодальное устройство церковной организации, упразднить неограниченную власть епископата над приходскими священниками — кюре, короля над епископатом, а папы римского — над всей церковью. Предполагалось,

что священники как общественные служащие должны будут находиться под контролем властей, от которых они получают жалование, а само назначение их, как и других чиновников, будет производиться посредством выборов, при участии «активных граждан», т. е. собственников, обладавших установленным цензом и имеющих избирательные права. Затем, поскольку Франция была разделена на 83 департамента, деление на церковные епархии должно было совпадать с новым административным делением, в связи с чем заметно сокращалось количество священнослужителей.

Законопроект о гражданском устройстве духовенства нанёс серьёзный удар по феодальной церкви. Духовная аристократия лишалась власти, которой она пользовалась бесконтрольно. Но так как законопроект затрагивал лишь вопросы организации церкви, а не католическую религию, то Учредительное собрание не выходило за рамки прав, которыми облечена была светская власть. В целом даже этот проект имел прогрессивное значение, ибо превращал церковь в частное объединение граждан на религиозной почве, на которое простирался государственный контроль.

Прения по законопроекту продолжались с конца мая до середины июля 1790 г. Наибольший интерес представляло выступление Робеспьера против тех пунктов проекта, в которых говорилось об отстранении от участия в выборах священнослужителей большинства народа. Он также требовал упразднения должности епископов и кардиналов.

От имени духовенства архиепископ Буажелен странно доказывал, что духовная власть «установлена апостолами, и никакая человеческая власть не имеет права ее касаться». Он предъявил Учредительному собранию ультиматум: либо будет созван церковный собор, чтобы «посоветоваться с церковью», либо «мы не сможем участвовать в обсуждении»³⁵. Ввиду отказа Учредительного собрания согласиться с созывом собора клерикалы устроили обструкцию, прерывали ораторов репликами и возгласами возмущения против очередного «мерзкого творения» революции, против ереси, раскола и т. п. Не было ни одного выступления со скамей духовногословия.

Позиция «невмешательства», занятая епископатам, легко объяснима. К лету 1790 г. феодальная партия признала тщетность своих попыток восстановить «старый режим» парламентскими методами. Оставалось одно — перенести центр тяжести борьбы за стены парламента, в массы. И в этом смысле, как это ни странно, последняя реформа, поскольку она затрагивала не материальные интересы, а лишь церковную структуру, могла сослужить клерикалам хорошую службу. Она давала в руки церкви знамя борьбы — знамя «защитницы религии». Отныне церковь будет доказывать, что гражданское устройство духовенства не что иное, как вмешательство революции во внутренние дела церкви, которые основаны якобы на религиозных догматах. Это создавало удобное прикрытие для контрреволюции.

Во время обсуждения гражданского устройства духовенства взоры епископов были обращены на юг Франции — там началась религиозная война между католиками и протестантами. Юг был избран потому, что здесь можно было использовать недовольство католиков, рабочих и ремесленников, эксплуатируемых богатыми купцами и мануфактуристами протестантами. Напомним, что в XVIII в. протестантизм во Франции жестоко преследовался. Только за время с 1744 по 1752 г. на юге и западе Франции было заключено в тюрьму и подвергнуто другим наказаниям 1200 протестантов³⁶. Правда, в 1787 г. протестанты получили некоторые права, например, им разрешалась запись актов гражданского состояния — рождений, браков, смертей. Но католическая знать требовала «одной веры, одного закона, одного короля».

Кампания против протестантов, «виновников» революции, началась в 1789 г. В брошюрах и с амвона они изображались опасными врагами порядка, разрушителями мира и спокойствия государства. Такие проповеди возбуждали фанатизм темпераментных южан, и вскоре вспыхнули очаги религиозных войн.

В городе Монтобане национальная гвардия состояла в основном из богатой протестантской молодежи, а муниципалитет находился в руках католиков. Последние создали свой добровольческий корпус из рабочих и ремесленников, предводительствуемый аристократами. Весной 1790 г. католические священники устраивали частые

молебны, на которых паства запугивалась возможной «гибелью религии» от рук нечестивых протестантов.

Одновременно клерикалы распустили провокационный слух, будто протестанты составили заговор против католиков и готовятся овладеть секуляризованным имуществом церкви. Известие об этом вызвало «воплъ протестантов», и произошла схватка. Католики из добровольческого корпуса с криками «Да здравствует король, долой нацию и национальную кокарду!» стали избивать протестантское население. Сторонники короля — роялисты во главе с герцогом де ла Форс захватили власть в городе. Одним из главарей мятежников был епископский викарий (помощник) Домингон, а пуше всех зверствовал отряд в составе 800 монахов — кордельеров, бенедиктинцев.

С помощью патриотов-добровольцев из Бордо и Тулузы мятеж был подавлен. Демократическая пресса называла эти события «Варфоломеевской ночью».

Второй мятеж вспыхнул в Ниме. Католики, большей частью аристократы, завладели муниципалитетом, а мэром города стал барон Маргерит, правый депутат Учредительного собрания. Под влиянием агитации в конце марта 1790 г. здесь происходили убийства протестантов. 20 апреля клерикалы составили «Декларацию граждан-католиков Нима», которую подписали 3 тыс. верующих. В ней требовалось, чтобы католицизм пользовался исключительным правом публичного отправления культа, чтобы король был восстановлен во всех правах высшей исполнительной власти.

Вооруженное столкновение, начатое 13 июня, продолжалось три дня. Было много убитых.

* * *

Проект декрета о гражданском устройстве клира был утвержден без изменений 12—14 июля 1790 г. Отныне каждый департамент составлял одну епархию, следовательно, было ликвидировано несколько десятков лишних епископств. Устанавливался минимум населения, необходимый для приходов (в городах — не менее 6 тыс. человек). Впредь закон признавал только должности епископов и их викариев, кюре и их викариев. Все прочие

должности и учреждения, вроде капитулов*, приоры т. п., уничтожались. Закон признавал лишь один способ назначения должностей епископов и кюре — выборы. Избранные епископы и кюре не нуждались в каком-либо утверждении в должности. Королю посылались протоколы выборов, дабы «ознакомить его с кандидатурой, получившей народное одобрение». Избранный епископ не должен был обращаться к папе для получения разрешения на отправление службы. Ему дозволялось лишь писать папе как главе всемирной церкви, «в знак единства веры». Кюре получал духовное посвящение у епископа, епископ — у митрополита. Жалование духовенству устанавливалось в следующем размере: епископам от 12 до 20 тыс. ливров в год, городским кюре от 2 до 6 тыс., а деревенским — 1200 ливров. Все службы для населения должны были отправляться бесплатно.

Гражданское устройство духовенства не содержало ни одного пункта, в котором затрагивались бы, прямо или косвенно, догмы католической веры, была изменена лишь структура церкви.

Декреты 12—14 июля подлежали санкции короля, а его отношение к церковным реформам было, конечно, враждебным. Реорганизация церкви, помимо прочего, угрожала королю потерей мощного средства воздействия на массы. Но в Париже, центре революции, народные массы проявляли революционную активность, и открыто сопротивляться реформам было невозможно. Людовик XVI стал на путь двурушничества: внешне он разыгрывал роль «короля-патриота», на деле же придворная камарилья замышляла контрреволюционное восстание, а в случае неудачи и иностранную интервенцию. В соответствии с этим король санкционировал декреты 2 ноября 1789 г. и 13 февраля 1790 г.

Иначе обстояло с гражданским устройством клира, поскольку с принятием этого законопроекта могли серьезно ослабеть позиции всей аристократии. Эту реформу следовало сорвать, но как? Не рискуя прибегнуть к вето, ибо так можно было себя скомпрометировать в глазах передовой общественности, королевская партия решила превратить этот чисто внутренний вопрос в предмет

* Капитулами назывались объединения духовных лиц при церкви.

дипломатических переговоров с иностранным государством — папой. Этим достигалось многое: во-первых, в самом отказе дать немедленную санкцию епископат увидел одобрение занятой им враждебной позиции; во-вторых, вступив в переговоры с папой, двор вовлекал в борьбу значительную силу — интернациональный идейный центр феодализма и реакции; в-третьих, придворные круги ничем не рисковали, так как можно было не сомневаться в отрицательном ответе Рима. В этом случае духовенство, получив благословение «святого престола», могло бы решительно сопротивляться, а монарх, дав санкцию, получил бы возможность выйти из игры.

28 июля 1790 г. Людовик XVI письменно известил Учредительное собрание, что он поручил послу в Риме кардиналу Берни испросить согласие папы на декреты 12—24 июля. Когда, после месячной задержки, король вынужден был, не дождавшись ответа папы, 24 августа дать требуемую Учредительным собранием санкцию, то епископат твердо знал, что она не выражает точки зрения монарха, который изображался как «пленник» нации.

Между тем церковь пугала верующих, что с ликвидацией многих приходов им «негде будет отпраздновать святые таинства, прослушать проповедь, пропеть хвалу богу». Клерикалов покидал благодушный тон, они вопили: «Проклят будь всякий, кто посмеет уменьшить размеры владений Христа».

Как раз в эти дни духовенство попыталось в союзе с агентами эмигрантов поднять восстание в департаменте Виваре под предлогом освобождения юга от «ига протестантов». Среди вожakov были аббаты ла Бастид, ла Моле, де Брюг, де Лавонде и др. Они воспользовались патриотическим праздником, когда 17 августа в местечке Жале собрались 30 тыс. национальных гвардейцев области, чтобы дать клятву верности нации, закону и королю. Руководителями жалезского лагеря оказались дворяне и священники. Намечалось провозгласить «крестовый поход» против протестантов как сигнал ко всеобщему восстанию. Манифест был составлен монахом. Однако восстание не удалось, гвардейцы отказались быть орудием реставрации, но юг надолго остался очагом опасных волнений.

Тем временем князья церкви, не дожидаясь ответа папы, приступили к «пастырскому осуждению» декретов 12—24 июля. Послания с таким «осуждением» направили в августе верующим своих епархий епископы Вьенны, Амьена, Булони и др. 30 октября гражданское устройство клира было официально осуждено клерикальными депутатами в «Изложении принципов», которое подписали 122 епископа и 98 священников.

Протест начинался с утверждения, что церковь имеет «организацию, данную ей Иисусом Христом и поддерживаемую собственными силами, без помощи светской власти, а потому она категорически отвергает любое вмешательство со стороны». Все действия революционной власти, особенно выборы, в которых предполагалось участие и некатоликов и атеистов, объявлялись грубым вторжением в функции духовной власти. Авторы протеста выдвинули требование созыва церковного собора и обязались «доверчиво дожидаться ответа от наследника св. Петра» — папы.

Последнее свидетельствовало о лицемерии «служителей бога». Как стало известно, амбранский епископ в письме кардиналу Берни выражал опасение, как бы Пий VI не одобрил декреты. Одновременно епископат направил во все епархии инструкцию, рекомендовавшую духовенству оказать «пассивное сопротивление» декретам³⁷. На местах это было понято иначе. Тулонский епископ, например, увещевал верующих «оказывать упорное сопротивление... бороться до последней капли крови». Прихожане насильно открыли соборную церковь в Лаоне, сняли печать с церкви в Сен-Кантене, не дали закрыть капитул в Камбре. В ряде мест священники отказывались отправлять обряды крещения, совершать брачные церемонии, отпевать покойников.

Учредительное собрание было ошеломлено, оно не ожидало такого сопротивления со стороны духовенства. Следовало принять какие-то меры. 26 ноября депутат Вуадель докладывал Учредительному собранию об антигосударственной лиге, составленной из «некоторых епископов, капитулов и кюре». Прикрываясь маской

защитники религии, эта лига, говорил депутат, возбуждает народ против законов, стремится подготовить его к восстанию. Перечислив факты враждебных происков клерикалов, Вуадель предложил проект декрета, в котором предписывалось всем духовным лицам, состоящим на службе государства, присягнуть на верность «нации, закону и королю» и оказывать поддержку конституции. По этому декрету отказ от присяги влечет за собой отречение от должности. Нарушение присяги, равно и неповиновение декретам, карается по приговору трибунала лишением жалования и избирательных прав. Те же, кто объединится с целью возбудить неповиновение законам, наказываются как нарушители общественного порядка³⁸.

27 ноября проект Вуаделя стал законом и был передан королю для санкции. Положение монарха было не из легких: предстояло ободрить декрет, предусматривавший репрессии против верного ему духовенства, одной из главных сил сопротивления. Впрочем, Людовик XVI не решился наложить вето, он попросил двухнедельную отсрочку для завершения переговоров с Пием VI. Учредительное собрание не возражало против отсрочки уже потому, что оно само желало мирно урегулировать конфликт, даже с помощью папы.

В революционных же кругах были недовольны такой позицией Собрания. Один из представителей левых якобинцев Эбер обращался к законодателям с такими словами: «Ни папа, ни совет его кардиналов, состоящий из лицемеров, таких же, как он сам, ни кто бы то ни было не имеет права утверждать ваши законы».

Король все оттягивал санкцию и этим поощрял церковников к мятежу. Недаром Марат, обычно уделявший мало внимания церковному вопросу, посвятил ему в декабре 1790 г. несколько статей. В них звучал призыв к оружию: «...отрубите языки подлым священникам, проповедующим рабство!», изобличался монарх: «Отказ короля в санкции обнаруживает его гнусные намерения», облегчает священникам «возможность возбудить разногласия, беспорядки и ссоры, поднять всех слабовольных, набожных, глупцов, врагов свободы против конституции и разрушить ее средствами гражданской войны». Газета Марата «L'Ami du Peuple» («Друг

народов») призывала граждан «добиться немедленно санкции и громогласно потребовать суда над священниками»³⁹.

Нельзя было не считаться с мнением демократических газет, и Учредительное собрание 23 декабря напомнило королю о необходимости дать санкцию. Людовик XVI просил подождать еще одну неделю. Теперь уже большинство Собрания опасалось подрыва своего авторитета в глазах масс. После кратких, но довольно резких выступлений ораторов президент Собрания направился к королю и потребовал немедленной санкции. 26 декабря король подписал декрет о присяге, лицемерно добавив, что он это делает «откровенно и чистосердечно, как подобает его характеру». Однако народ не верил королю. В эти дни в Париже появилась карикатура на монарха, изображенного в виде двуликого Януса. Одно лицо обращено к третьему сословию: «Я поддерживаю конституцию», другое к епископату: «Я разрушу конституцию».

Настал срок присяги. Высшее духовенство, опасаясь, что часть священников присягнет, прибегало к различным средствам воздействия. «Журнал для духовенства» («Journal ecclésiastique») напечатал статью своего редактора Огюстена Барруэля, в которой текст присяги был совершенно изменен: «Я клянусь поддерживать, согласно святым канонам, недействительность всякой светской власти над миссией и юрисдикцией пастырей. Я клянусь в том, что не позволю, чтобы было совершено покушение на иерархию, установленную Иисусом Христом». Барруэль призывал священников «умереть от голода, от нужды, изнеможения и нищеты», но не подчиниться. В случае же смещения с должности Барруэль рекомендовал священникам уходить в подполье: «...имеются еще другие алтари, хотя бы они были воздвигнуты во мраке, в катакомбах; там, где будет настоящий пастырь, там и будет Иисус Христос»⁴⁰.

Кстати, требуя от духовенства жертв, сам Барруэль эмигрировал в Лондон и никакого участия в борьбе не принимал.

Против присяги выступили многие епископы, они пугали сельских кюре «нашествием миллионов дьяволов», вырывающих христианские души и сердца. В брошюрах печатались отрывки из подложной присяги, составленной духовенством, в которой полностью отрицалась законность церковных реформ; появились катехизисы, в которых конституцию называли «незаконнорожденным ребенком богохульного собрания».

27 декабря должны были присягать клерикальные депутаты в Национальном собрании. В первый день приняли присягу 63 священника, а в ближайшие дни еще 40 кюре и лишь 2 епископа — Отенский (Талейран) и Лидский (Гобель). 2 января 1791 г. клермонский епископ Франсуа с трибуны объявил, что он согласен дать присягу лишь в том, «что касается светского порядка». Собрание отвергло оговорку. 4 января на трибуну были вызваны для присяги остальные клирики (около 200 депутатов), но все они, кроме одного, отказались принять присягу.

В Париже церемония принятия присяги происходила 9 и 16 января. Закону подчинились немногие: из 60 кюре только 22. Всего в Париже присягнуло 539 духовных лиц, а отказались присягнуть 641. Кюре Пансемон из церкви Сен-Сюльпис вместо присяги начал читать проповедь, «взволновавшую суеверных боязную небесных кар». В церкви Сен-Рок аббат Тома «выступал против закона, но его освистали и он бежал, сопровождаемый криками «Повесить его!»».

Демократические круги были возмущены сопротивлением духовенства. Почему священники не присягнули? — спрашивал автор одной из брошюр и отвечал: «Потому что они ожидают контрреволюции... как только она будет осуществлена, они снова закуют свободный народ в цепи».

В провинции духовенство также раскололось на присягнувших и непокорных. Лишь половина приходских священников и треть всего духовенства примкнули к гражданскому устройству клира.

Одновременно епископы провели кампанию за отречение от присяги. Священникам предлагалось на выбор два пути: «либо взять обратно безрассудную и преступную присягу, либо погрузиться в раскол, отделиться от

церкви и отказаться от надежды на вечное спасение». Им ставили в пример епископат, среди которого нашлось лишь семь отступников, и то один из них «сумасшедший» (вивьерский епископ), второй «всегда был позором католической религии» (Талейран) и т. д. Каждый, кто оценивал церковные реформы иначе, нежели епископы, объявлялся сумасшедшим или нечестивцем. С присягнувшими велись беседы с целью склонить их к отречению от присяги. В результате 6 января 1791 г. один клерикальный депутат взял обратно свою присягу, его примеру последовали другие депутаты. В провинции отказ от присяги кое-где принял массовый характер. Были дистрикты, например Максимен, где почти все присягнувшие священники отреклись от присяги.

Отказ подчиниться закону грозил сорвать во многих районах отправление культа, ибо неприсягнувшие подлежали увольнению. В этом случае Учредительное собрание предстало бы перед верующими в виде гонителя религии. Тогда Мирабо, один из лидеров партии конституционалистов, обратился к провинциям с обращением, разъяснившим смысл реформ, затрагивающих лишь организационную структуру церкви, а местным властям было дано указание оставить непокорных священников в должностях. 7 января были смягчены условия допуска к занятию церковных должностей.

24 февраля 1791 г. епископ Талейран, принявший присягу, посвятил в должность епископов первых двух избранников — аббатов Экспилля и Маролля, после чего посвящения начали производить в большом количестве. Только один епископ Гобель посвятил в сан 36 епископов. Тем не менее проблема замещения неприсягнувших священников оставалась неразрешенной.

Оценивая положение в стране, газета «Révolution de Paris» писала: «Высшее духовенство создает коалицию с дворянством, и священник, давший обет христианской покорности, упорствует в сохранении первого места в государстве. Служители бога, владевшего лишь клочком земли, достаточным для отдыха, требуют и добиваются одной трети собственности королевства, которой они пользовались. Слово «жалование» раздражает великолепный слух прелатов; они предпочитают

низкопоклонничать в кабинете министра или будуаре безнравственного принца, чтобы завладеть доходным местечком, чем получать из рук нации плату за свои священнические труды»⁴¹.

Обстановка резко ухудшилась весной 1791 г., когда были, наконец, получены указания Пия VI.

Ватикан и французская революция

Папский престол, самый реакционный пост во всей Европе, представляющий собой окаменевшую идеологию средневековья⁴², неизбежно должен был прийти в столкновение с революцией. Это объяснялось и тем, что революция утверждала принципы свободы, несовместимые со средневековой идеологией, и тем, что она разрушала феодализм, освящение которого было тогда главной функцией католицизма, и тем, что в результате революции Ватикан терял много доходов и привилегий.

В конце XVIII в. римский двор переживал кризис. Наряду с протестантскими державами, порвавшими с Ватиканом, католические государства ускользали из-под его влияния. Так, Иосиф II, император Австрии, в 80-х годах закрыл многие монастыри, подчинил церковь государству. В Испании были ограничены монастырские владения. Итальянские герцоги покушались на территорию римской области. Во всех странах изгнали иезуитов — международное воинство папы в борьбе с ересью. Просветительная философия завоевывала все более широкие позиции, множились ряды врагов католицизма и его главы — папы.

Шаткое международное положение Ватикана усугублялось гнилостью режима и экономическим упадком папской области. Деспотическое правление пап и клики кардиналов, обременительные налоги, низкий уровень ремесла и земледелия — все это было причиной нищеты народа. «Церковная область, — писали «Московские ведомости», — уподобляется ныне ...источенной червями и от долговременной службы обветшалой галере, которой управляют отчасти неискусные корабельщики и которой со всех сторон угрожают бури и волны»⁴³. Пия VI утешало лишь одно — католическая Франция: «старшая

дочь церкви» была покорна, ее король набожен, а духовенство дисциплинировано. Действительно, папы посвящали епископов в сан, собирая ежегодно в виде аннатов около 400 тыс. ливров. По стране развезжали торговцы святыми реликвиями, доходы от которых поступали в Рим. Папа назначал бенефициантов на многочисленные прибыльные должности. Ни один декрет, касавшийся духовной жизни Франции, не подписывался королем без его санкции.

Известие о штурме Бастилии вызвало в Ватикане оцепенение и ужас тем более, что революционные идеи проникли и в подвластные папе французские области Авиньон и Венессен.

Авиньон, центр шелковой промышленности и гончарного производства на юге Франции, был уступлен папе в 1348 г. королевой Жанной «во искупление грехов». Графство Венессен было отдано королем Людовиком IX в возмещение расходов, понесенных папой в борьбе с альбигойской ересью. Венессен был отсталым сельскохозяйственным районом с многочисленным дворянством и духовенством. Французское население областей ненавидело итальянских чиновников, которые грабили их, облагали тяжкими налогами, чинили насилие.

В канун революции положение народа стало критическим. В марте 1789 г. здесь происходили голодные бунты. После падения Бастилии революционная волна охватила обе области. В Авиньоне и Карпантра (главный город Венессена) была создана буржуазная гвардия. В дни «великого страха» в Авиньоне народная демонстрация разрушила внутренние таможи по взиманию пошлин на продукты, из Карпантра был изгнан папский старшина, обвиненный в спекуляции зерном.

11 августа Учредительное собрание отменило аннаты, ожидавшегося протеста от Ватикана не последовало — ведь даже епископат не настаивал на их сохранении. К тому же аннаты затрагивали чисто денежную сторону взаимоотношений между Францией и Римом, и папа считал для себя неудобным выступить с протестом. Декрет 2 ноября о секуляризации церковных имуществ также ущемлял материальные интересы первосвященника. И снова Ватикан промолчал.

Но вот 12 ноября депутат Учредительного собрания Буш потребовал вернуть Авиньон и Венессен Франции. И хотя Собрание не удосужилось обсудить это требование, сама его постановка была угрожающей.

Декрет 13 февраля о ликвидации монашеских орденов наносил большой ущерб Ватикану, однако Пий VI и на сей раз не отважился выступить с публичным протестом, ограничившись речью на тайном совете кардиналов 7 марта 1790 г. Здесь папа дал волю пастырскому гневу и осудил революцию. В злобных выражениях он протестовал против принципа «народного суверенитета», против свободы совести и религиозной терпимости. Он проклял все без исключения реформы, даже самые справедливые, самые необходимые.

Демократические газеты и журналы в течение года ни единым словом не обмолвились о Ватикане. Этим они словно подчerkивали, что не может быть и речи о вмешательстве иностранного государя во внутренние дела Франции. Но Людовик XVI был осведомлен об истинных настроениях Пия VI, а тот в свою очередь знал, что король был не свободен в действиях. Оба они, ведя регулярную тайную переписку, установили тесный контакт и, хотя каждый отстаивал прежде всего собственные интересы, действовали сообща в главном. Это не было секретом для епископов.

Переговоры, начатые Людовиком XVI с Пием VI, исключали возможность достижения соглашения. Еще до того, как Собрание утвердило декрет, король получил от папы 10 июля 1790 г. тайное письмо относительно монашеских конгрегаций. «Мы объявляем Вам самым категорическим образом,— писал Пий VI,— что если Вы одобрите декреты, касающиеся духовенства, то этим самым увлечете за собой всю нацию на путь раскола... Вы не имеете права уступить ничего из того, что принадлежит богу и церкви, старшим сыном которого вы являетесь»⁴⁴. Не было строгим секретом и то, что в письме к архиепископу Бордо папа окрестил гражданское устройство «раскольническим творением» и предупредил, что «если король его санкционирует, то он сам станет раскольников».

Тем не менее враждебность Ватикана к революции длительное время скрывалась. Людовик XVI также

входил в заблуждение французский народ и в открытом письме в Рим заявлял: «Мое намерение, провозглашенное открыто, заключается в том, чтобы принять меры для осуществления декретов». Но папа, конечно, читал между строк королевского письма и догадывался об истинных намерениях короля.

Восьмимесячное молчание Пия VI имело свои основания. Не могло быть и речи о санкционировании «богохульных» декретов. Между прочим любопытное толкование поведения папы дал один русский наблюдатель. «Кардиналы,— писал он,— ...опасаются, что ежели папа признает гражданскую конституцию духовенства во Франции, то народ в Риме вздумает, может быть, присвоить себе право избирать и пап, подобно как во Франции народ избирает теперь епископов и священников»⁴⁵. Открыто выступить против декретов значило бы для папы поставить себя лицом к лицу с Францией в момент, когда еще ни один европейский монарх официально не осудил революцию. Более того, на свое обращение 17 июля ко всем иностранным дворам с просьбой помочь «восстановить спокойствие» в Авиньоне папа не получил даже ответа. Полный разрыв с Францией не входил в планы Ватикана. Было, наконец, еще одно веское соображение, заставлявшее папу медлить с публичным осуждением гражданского устройства клира,— это боязнь потерять Авиньон и Венессен. Несомненно, отказ в санкциях декретов вызвал бы аннексию Учредительным собранием папских владений. Само молчание папы должно было служить духовенству знаком к сопротивлению. Тем временем можно было надеяться, что произойдет неминуемое контрреволюционное восстание, подготовлявшееся «общими усилиями духовенства, двора, эмигрантов и иностранных держав»⁴⁶.

Совершенно очевидно, что одобрение папой декретов могло бы вынудить епископат пойти на уступки и избавило бы Францию от многих бед. Но этого не было, и, по словам одного историка, французы «терзали друг друга в течение 10 лет к великой радости римской прелатуры, которая могла смутно предвидеть тот день, когда над развалинами наших потухших очагов и над разоренными деревнями она осуществит свое

господство»⁴⁷. Первое открытое столкновение римского первосвященника с революцией произошло в Авиньоне.

Народные движения в папских провинциях углублялись. Весной 1790 г. собрание народных депутатов Авиньона избрало муниципалитет, т. е. орган местного самоуправления, по французскому образцу. Национальная гвардия установила контакт с подобными же гвардиями соседних французских департаментов. Папский правитель, вице-легат, пытался было распустить муниципалитет, но 23 апреля народная манифестация вынудила его признать новый порядок. Манифестанты разрушили орудия пыток, сожгли книги трибунала главного инквизитора, разорвали на куски гербы первосвященника.

Пий VI, полагая, что Людовика XVI погубила его чрезмерная уступчивость, отменил все нововведения и направил чиновника Селестини с заданием восстановить порядок. Авиньонский муниципалитет не допустил Селестини в город, но в Карпантра он был принят: папским агентам удалось использовать давнее соперничество между земледельческим Венессеном и промышленным Авиньоном. Ликвидация таможенных границ, которая последовала бы за французской аннексией, не сулила земледельцам таких же выгод, как торговцам. К тому же священники, искажая религиозную политику революции, сумели напугать сельское население и убедить его остаться под властью Рима. Вскоре Венессен превратился в плацдарм борьбы с Авиньоном.

Исход событий в Венессене воодушевил авиньонскую аристократию и 10 июня 1790 г. она в союзе с монахами и частью национальной гвардии подняла восстание. Однако мятежники потерпели поражение, было много жертв с обеих сторон. На следующий день публично казнили вождей мятежников — маркиза Рошегуд, графа Олан и аббата Оффрэ. Чиновники и аристократы бежали в Карпантра. Теперь гражданская война была уже неминуема.

11 июня дистрикты Авиньона единодушно высказались за присоединение к Франции, и депутация муниципалитета направилась в Париж. Она была тепло принята в якобинском клубе. Президент приветствовал народ Авиньона «за его храбрость, бесстрашие и патриотизм»⁴⁸. Иной прием был ей оказан в Учредительном

собрании, большинство которого, состоявшее из представителей крупной буржуазии и либеральных дворян, не желало оккупировать Авиньон в момент, когда велись переговоры с папой о санкции. Настояния левых депутатов отвергались под тем предлогом, что решение о присоединении к Франции было принято в «смутное время».

Комитет по авиньонским делам в своем докладе Учредительному собранию в августе 1790 г., ссылаясь на четырехвековую давность и «законность» владения, заключал: «Присоединение могло бы осуществиться лишь в результате договора, заключенного между папой и Францией, при согласии Венессена. Без этого договора оно имело бы характер захвата, запрещенного принципами вашей же конституции».

Тезис о «законности» владения Авиньоном вызвал резкую отповедь Марата. «Эта мерзкая система, — писал он, — присваивает королю право отчуждать провинции как поместья и продавать их жителей как стадо баранов». Он возмущался доводом о «незаконности» решения авиньонцев. «Как! — восклицал Марат. — Разве не в период бурных движений народа, выступавшего против тирании, ...положено основание нашей конституции... Разве «Декларация прав» стала недействительной из-за того, что беглецы-предатели не дали ей своего согласия?»⁴⁹.

Население Авиньона продолжало настаивать на своем. 5 сентября 1790 г. его граждане поклялись умереть, но не возвращаться под римское иго. Горячими защитниками авиньонцев в Учредительном собрании выступили Робеспьер и Петийон. Робеспьер с гневом отвергал чудовищные утверждения, будто Авиньон является собственностью папы. «Справедливый бог! — восклицал он. — Народы объявляются собственностью человека! И такое богохульство произносится с трибуны Национального собрания!».

Большинство Учредительного собрания не согласилось с доводами демократов и вторично отложило обсуждение, одновременно решив направить в Авиньон войска, чтобы защитить французские учреждения и «в согласии с муниципалитетом поддерживать общественный порядок».

раз, он тем самым избавил нас от излишних поездок в Рим»⁵⁰.

В начале 1791 г. Ватикан был готов снять обет молчания. Начавшаяся гражданская война между Авиньон и Венессеном убедила папу в том, что «зло» должно быть искоренено в самом его центре, во Франции, что следует активизировать внутреннюю контрреволюцию и ускорить интервенцию монархов.

В это время наметилось сближение европейских государств с эмигрантским штабом в Кобленце. (Этот город в Западной Германии стал местом, куда стекались французские эмигранты.) 4 января 1791 г. испанский посол в Риме вручил папе секретный адрес, приглашая его возглавить «крестовый поход против революции». Новый австрийский император Леопольд вступил в контакт с папой. Шведский король Густав III обрушился на якобинцев как на «врагов мирового порядка». В феврале в Рим прибыли эмигрировавшие из Франции две королевские тетушки. Они имели доверительную беседу с Пием VI и, по словам авторов памфлета «*Arrivée des mesdames à Rome*» («Прибытие в Рим высокочтимых дам»), умоляли первосвященника «обрушить громы церкви и страшные анафемы» на Францию.

Наконец, папа заговорил. 15 января 1791 г. французскому правительству был вручен протест против оккупации Авиньона. 23 февраля Пий VI ответил Ломени де Бриенну, единственному присягнувшему кардиналу, дважды обращавшемуся в Рим за советом. Папа категорически осудил все церковные реформы, а самого Ломени де Бриенна обвинил в том, что он позорно запятнал «римский пурпур» (кардинальское облачение). Ответ папы получил огласку и вызвал живейшие комментарии. Газета «*Révolutions de Paris*», например, справедливо заметила, что папа нуждается в религии, религия же вполне может обходиться без папы. «Если бы в мире имелся лишь один экземпляр евангелия и тот находился бы под семью замками в библиотеке Ватикана, мы вынуждены были бы тогда обращаться к папе за советами и толкованиями этой божественной книги. Но так как творец позволил типографиям размножить евангелие бесчисленное количество

Официально гражданское устройство было осуждено в папском послании 10 марта 1791 г., адресованном епископам-депутатам. Цитатами из святых писаний папа доказывал, что церковь не должна страдать от изменений, происходящих в светской жизни, что декреты 12—24 июля противоречат церковным догмам. Тут же были названы «богопротивными» законы о конфискации имущества и закрытии монастырей.

Послание содержало общее осуждение декретов. Пий VI распорядился устраивать публичные молебны, дабы «испросить у господ бога возвращения француз к вере и разуму», и спрашивал у епископата, что именно надлежит ему делать в столь трудную для церкви минуту. В ответном письме епископы с иезуитским лицемерием тщились доказать, что они «далеки от того, чтобы цепляться за светские интересы». Смирненно воздев очи к небу, они вопрошали: «Найдется ли среди нас хотя бы один, кто не жертвовал своим материальным существованием во имя родины и религии?». Ничего конкретно папе не советуя, епископы заявили, что будут спокойно ожидать окончательного решения первосвященника.

Наконец-то папа открыл свои замыслы и в послании 13 апреля 1791 г. предпринял решительную атаку, используя все оружие из своего духовного арсенала. Послание начиналось с признания, что еще в июле 1790 г. он умолял короля «не санкционировать положение о гражданском устройстве церкви», что епископат «напряг все силы в борьбе с присягой, которая здесь объявлена клятвopеcтyпной и cвятотатcтвенной». После такого общего вступления святой отец, «пользуясь властью, данной нам богом», приказал: «...все кардиналы, архиепископы, епископы, аббаты, викарии, священники..., которые дали осужденную нами и преступную присягу, должны отказаться от нее в течение 40 дней... под страхом отрешения от духовного звания». Все выборы объявлялись незаконными; Талейран, Гобель и Мируде лишались духовного звания за то, что они посвящали вновь избранных епископов в сан. Присягнувшие священники предупреждались, что они будут

преданы анафеме. Неприязнь к священникам папа всячески подбадривал: «Когда враги посмеют сместить вас с занимаемых постов, вы предпочтете страдать в изгнании, нежели запятнать себя каким-либо нечестивым актом... Мы призываем вас держаться твердо».

Лишь только стали известны послания, как 3 мая утром в предместьях стали собираться толпы, стихийно возникли демонстрации. В саду Пале-Рояль один из ораторов, обращаясь к возбужденной толпе, воскликнул: «Своим посланием Пий VI намеревался зажечь факел гражданской войны!». Патриот предложил, чтобы «изображение, представляющее мерзкие черты фанатизма, с кинжалом в одной руке и клеветническим писанием в другой, было брошено в костер... Франция XVIII в. не желает более быть рабой папского деспотизма... Сохраняя глубочайшее уважение к католической религии... она может предать пламени изображение дерзкого муфтия, именующего себя наместником бога мира и точащего кинжалы, которыми он готовится разорвать на части нашу родину». Под аплодисменты народа чуело, изображавшее Пия VI, и множество экземпляров реакционной газеты «L'Ami du Roi» («Друг короля»), которую издавал аббат Руаю, были брошены в костер.

В Париже тогда можно было видеть карикатуру: папа пускает мыльные пузыри в сторону Франции. Последняя изображена в окружении конституционного духовенства, и от одного их щелчка пузыри лопались. Однако автор карикатуры явно недооценил значение папских булл. Первым их следствием было отречение многих священников от присяги. Теперь раскол в церкви стал фактом. Даже по мнению аббата Сикара, послания означали «самое высокое освящение... сопротивления духовенства, оставшегося верным церкви».

Дипломатические сношения между Францией и Ватиканом вскоре были прерваны. Королевский посол в Ватикане Берни был отозван ввиду отказа присягнуть. На его место был назначен Филипп Сегюр, но папа не пожелал его принять. В ответ французское правительство предложило папскому послу (нунцию) покинуть Францию. Несмотря на разрыв, Пий VI продолжал руководить епископатом через тайного агента в Париже аббата Саламона. Последний при содействии принцессы де Берг,

фрейлины королевы Марии Антуанетты, тайно общался с королем.

Антиклерикальная литература заклеила Пия VI как проповедника рабства. «Если,—говорилось в памфлете «*Coup d'oeil philosophique sur le bref publié sous le nom Pie VI, 1791*» («Философские взгляды на послание папы Пия VI, 1791»),—для того чтобы господствовать в королевстве, католическая религия обязательно допускает деспотизм королей и рабство народов; если она должна для этого попираť ногами Права человека и гражданина как «чисто химерические»; если свобода и равенство прав несовместимы, как это утверждает Пий VI, с идеями и характером католицизма. О! тогда пусть этот культ никогда больше не будет провозглашен господствующим!».

В брошюре «*Le pape en démence*» («Безумный папа») папство рисовалось как угнетатель человеческого рода. «Ватикан построен на человеческих костях! Каждый камень этого здания свидетельствует о жертвах, понесенных народами, и злодеяниях, совершенных папами... Ударьте по этим камням, и из них потечет кровь». Брошюра повествовала о том, как по вине пап возникали войны. «Государи выступали против государей, граждане—против граждан, и во имя чего? Во имя стиха в молитвенниках, во имя слова и буквы! И тогда кровь текла потоками, сто тысяч христиан становились жертвами буквы». Автор припоминал крестовые походы и реформацию с ее войнами, стоившими человечеству 3 млн. убитыми, инквизицию и другие примеры нетерпимости деспотических пап, по вине которых народы жертвовали «40 миллионов убитыми, потопленными, повешенными, четвертованными и сожженными во имя любви к богу».

Демократические журналисты сознавали, что определенные слои населения могут под влиянием папских булл стать орудием фанатизма. Поэтому они стремились развенчать Пия VI, снять с него ореол святости. Характерна брошюра «*Le portefeuille de Mirabeau. De l'insompatibilité de la libéraé française avec la politique de la cour de Rome*» («Портфель Мирабо. О несовместимости французской свободы с политикой римской курии»). Автор ее пишет: «Я видел в деревнях Прованса торгов-

цев шарлатанскими лекарствами. Когда к ним обращались по поводу лихорадки, они прописывали опиум; спустя три дня родные умершего убили бы этого «доктора», если бы к этому времени он со своими «лекарствами» не отправился к другим глупцам. Папа принадлежит к этому роду шарлатанов... Глупый народ воображает, что этот священник — привратник рая — одним взмахом своего жезла способен раскрыть двери ада, поколебать небо, сдвинуть с места вселенную... Глупые люди! Разве вы не видите, что превращаете бога в чудовище, а чудовище в бога». Наконец, автор спрашивал, нужны ли вообще папы: «Нужен ли нам итальянец, чтобы наставлять французам любовь к богу?».

Пий VI стал центральной фигурой в сатирической литературе. В памфлете «*Relation véritable et remarquable du grand voyage du Pape en Paradis*» («Замечательное и истинное донесение о путешествии папы в рай») рассказывалось, как папа направился в рай к апостолам. Подойдя к вратам рая, он пытался открыть двери ключами святого Петра. «Но от крови, пролитой Юлиями, Григориями, Бонифациями и т. п., ключи заржавели и не влезали в замочную скважину». После долгих просьб ему разрешили войти. Но тут возникло новое затруднение — двери рая узкие, а святой отец, «вскормленный на аннатах, был жирен как боров». Автор памфлета «*Relation véritable et remarquable du grand voyage du Pape en enfer*» («Замечательное и истинное донесение о великом путешествии папы в ад») послал Пия VI в ад. Появление папы вызвало здесь неопишуемый восторг, его окружили все «старые знакомые» — кардиналы, каноники и монахи. Было созвано собрание, чтобы обсудить, что должен в нынешних обстоятельствах делать папа. Григорий VII советовал предать Францию анафеме. А Юлий II воскликнул: «Тысячу чертей! сделайте, как я. Возглавьте армию, идите походом на Францию, убивайте, чорт побери, режьте непокорных француз».

Эбер насмеялся над предложением папы созвать церковный собор: «Соберите откупщиков налогов и вы увидите, что они потребуют восстановить пошлины на товары при въезде в столицу, соберите тюремщиков и вы увидите, реформируют ли они казематы».

В начале 1791 г. между Авиньоном и Венессеном завязалась гражданская война, причем на стороне первого участвовали национальные гвардейцы некоторых французских городов. В связи с этим снова встал вопрос о присоединении этих областей к Франции.

24 мая в Учредительном собрании вновь обсуждался авиньонский вопрос. Докладчик Мену предложил утвердить присоединение, но с обязательным денежным возмещением папе. Аббат Мори прибег к демагогическому выпадку. «Что будет,— сказал он,— если по примеру авиньонцев ваши колонии заявят: «Мы недовольны вашим господством»?». Итоги голосования и на этот раз были отрицательными.

Только упорное нежелание Пия VI вступить в переговоры с французским правительством и усилившаяся борьба неприсягнувшего духовенства заставили Учредительное собрание декретировать 14 сентября 1791 г. присоединение Авиньона и Венессена к Франции. Римский первосвященник ответил проклятиями и анафемой. Всеми способами он теперь поддерживал священническую контрреволюцию.

Контрреволюционная деятельность католического духовенства

«Старая, доказанная историей истина гласит, что пережившие себя общественные силы... эти умирающие силы перед агонией еще раз судорожно напрягаются, от обороны переходят в наступление...»⁵¹. Борьба классов во время Французской буржуазной революции дала богатый материал для подтверждения этих слов Маркса. Сопротивление католической церкви отнюдь не было самостоятельным явлением. Оно составляло лишь одну из форм борьбы феодалов против революции.

Духовенство обладало некоторыми преимуществами перед светской аристократией. Прежде всего, у церкви был лозунг «защиты религии», тогда как у светских феодалов, скомпрометировавших себя в глазах народа, не было никакой надежды повести за собой массы. В эдоху,

когда церковь имела постоянную аудиторию, миллионы прихожан, привычных к религиозному послушанию, видевших в сельском кюре своего наставника, а в церкви — место, где можно было на время отвлечься от будничных тягот, духовенство могло попытаться вовлечь миллионы католиков в политику, чуждую интересам народа. У церкви был слаженный аппарат священнослужителей, подчиненный строгой дисциплине. С помощью сельских священников епископат рассчитывал завербовать «армию» для реставрации монархии. Церковь воздействовала на самые отсталые слои населения, используя их суеверие и фанатизм. Все эти качества обеспечили католической церкви почетное, порой руководящее место среди сил, враждебных революции. Контрреволюционная газета «Gazette de Paris» («Парижская газета») писала: «Религия поднимает свое знамя точно так же, как поднимали королевский штандарт во время сражения, когда королю угрожала опасность. Рыцари и христиане, объединитесь вокруг алтаря, как некогда вы объединялись вокруг монарха!»⁵².

Уже к концу 1789 г. духовенство было одной из главных сил сопротивления революции. Постепенно борьба, которую вела церковь, сделалась систематической и плановой, образовался руководящий центр, откуда низшее духовенство получало указания. Он назывался «Комитет для руководства, связи и переписки». Во главе его стояли руанский кардинал Доминик де Ларошфуко, архиепископы Экса, Арля, Нанси и Клермонта. Комитет согласовывал действия клерикальных и дворянских депутатов Учредительного собрания, устраивал частые совещания в доме Ларошфуко⁵³, сносился с королевским дворцом и папой. Церковники издавали ряд газет: «Journal ecclésiastique», «L'Ami du Roi», «Les actes des apôtres» («Деяния апостолов»), «Gazette de Paris».

К началу 1791 г. революция и церковь уже открыто противостояли друг другу. Более того, уже теперь, по признанию католического историка де ла Горса, вокруг церкви «группировались все недовольные». Не случайно поэтому враги Франции восхваляли католическое сопротивление, превозносили до небес его вожака аббата Мори. Русский посол в Париже Симолин о нем писал: «Только один аббат Мори проявляет мужество, твердость

и энергию»⁵⁴. Английский политический деятель Берк в 1791 г. восхищался его «неутомимой настойчивостью, его непоколебимым постоянством, его непобедимым бесстрашием»⁵⁵. А. Людовик XVI умолял его беречь себя: «Знайте, что мы нуждаемся в вас, что вы нам нужны». На этом этапе революции церковники пытались сорвать церковное законодательство, всячески добивались восстановления самодержавия, готовили контрреволюционные мятежи, оказывали содействие агентам короля в подготовке интервенции. Усилия духовенства направлены были прежде всего на то, чтобы мешать осуществлению церковного законодательства.

Епископы и кюре отказывались признать новое деление на епархии и приходы. Они прилагали немалые усилия, чтобы сорвать выборы священнослужителей. Например, в департаменте Орн распространялись брошюры, призывавшие избирателей не участвовать в выборах «самозванцев». В департаменте Жер неприсягнувший епископ предупредил власти, что если не будут отменены выборы, местные власти будут обвинены в «ереси», расколе и отлучены от церкви⁵⁶. Неприсягнувшие не считались с выборами и отказывались уступать место конституционным священникам. На этой почве были стычки в церкви Сен-Рок в Париже, в Аллоне, департаменте Уазы и т. д. Мятежники пользовались любыми средствами. В Париже церковники одели одного слугу в одежду епископа и направили в церковь Нотр-Дам для посвящения. Лжеепископ был опознан и арестован.

Муниципалитеты были в затруднении — не хватало священнослужителей, готовых занять места кюре. Многие священники просто опасались преследований со стороны неприсягнувших: ведь епископы советовали им оставаться на местах, поддерживать «тесную связь с наиболее надежными прихожанами», служить мессы в частных домах, обзавестись переносными алтарями, а вместо священных металлических ваз использовать вещи домашнего обихода.

Появились епископские послания и памфлеты, компрометировавшие присягнувшее духовенство. Кардинал Роган, находившийся в эмиграции, проклял нового епископа Бределя. Все таинства, совершенные им, он объявил осквернением, а верующим запретил общаться с

«узурпатором»⁵⁷. Присягнувший аббат Клод Фоше избрался в окружении «злодеев, запыхавшихся от резни». Больше всего досталось Гобелю, избранному архиепископом Парижа. Бывший епископ де Жюанье из эмиграции объявил его «раскольником» и предал анафеме. Анонимный автор брошюры «Dialogue entre m. Gobel évêque de Lydda in prtibus..., s. a.» обвинил Гобеля в том, что он вовсе не католик, что он исповедует религию Марата и Эбера.

Народ поучали, что он должен остерегаться конституционных священников как волков. Поэтому к новому кюре народ порой относился враждебно, и тот чувствовал себя «как в карантине» — сам выполнял функции певчего, дьячка, звонаря. Ночью фанатики уничтожали его огород, к двери его жилища свозили нечистоты, на него натравливали собак. Аббат Ларион наставлял верующих преследовать конституционных священников. В департаменте Нижнего Рейна клирики сочинили гимн, призывавший народ к оружию, дабы выгнать «самозванцев». В городе Блуа возник разлад в семьях, присягнувших «оскорбляли, обижали, угрожали расправой». В Париже семинаристы привели в церковь собаку. Во время богослужения они свистели, били собаку, чтобы заставить ее лаять, и кричали: «Это голос дьявола, обосновавшегося здесь с того момента, как не стало более прежнего кюре». Неприсягнувшие подстрекали верующих к убийству «самозванцев». В приходской церкви Борш покушались на жизнь кюре Жана Шома. В приходе Шато-Жантье конституционный кюре был отравлен. В деревне Алзье близ Тулузы фанатики убили присягнувшего, а голову его посадили на кол.

Демократическая пресса старалась выбить из рук мятежников козырь «о падении религии». Эбер доказывал, что католицизм по-прежнему процветает, что ежедневно отслуживается 150 тыс. месс, умерших отпевают, добрых людей исповедуют, мальчиков крестят.

В клерикальной литературе 1791 г. уже реже встречалась критика гражданского устройства и все чаще раздавались призывы к восстановлению самодержавия. Церковь внушала верующим, что «монархия представляет собой наиболее известное в святом писании правительство», что так же, как господь является «королем королей», нет на земле никого, «превосходящего королей».

Ссылаясь на религию, народу внушали, что «никогда никому не дозволено восставать против своего государя». Доказывалось, что начиная от сотворения мира вплоть до 14 июля 1789 г., монархи всегда были владыками человеческого рода. «Как! — возмущался автор клерикальной брошюры «Supremation spirituelle et temporelle des rois de France par un évêque» («Духовное и светское превосходство королей»). — Разве могут быть люди равны на земле, если нет равенства даже между святыми на небесах». При этом народное правление объявлялось самым деспотическим — «народный дух всегда был чудовищем».

Епископат пытался воздействовать на Людовика XVI, побудить его к решительным мерам. Духовенство Лангедока призывало короля «дерзнуть снова овладеть браздами правления». Король, почти два года носивший маску «патриота», 20 июня 1791 г. пытался бежать в Бельгию. Бегство короля составляло часть давно подготовлявшегося заговора контрреволюционеров, поддерживавших тайные связи с эмигрантами и европейскими монархами и стремившихся восстановить старые порядки феодально-абсолютистского строя. Король мечтал присоединиться к эмигрантам и при поддержке иностранных армий покончить с революцией. Но монарха задержали недалеко от местечка Варенн и вернули в Париж. В подготовке этого бегства установлено участие церковной знати. В эти планы были посвящены архиепископ Тулузы и епископ Памьера. Незадолго до бегства духовенство Эльзаса предупреждало прихожан, что между 20 и 24 июня произойдет нечто важное, следствием чего будет избиение патриотов. Никто в Париже не сомневался в причастности духовенства к бегству, и, едва оно подтвердилось, народ разгромил типографию клерикальной газеты «L'Ami du Roi».

В 1791 г. ярость клерикалов нарастала, не проходило дня без инцидента. Так, в Париже группа семинаристов разрушила алтарь отечества на поле Федерации. Патриоты их задержали и готовились вздернуть на фонари, но прибыл командующий национальной гвардии Лафайет и взял семинаристов под «защиту закона». В монархическом заговоре в Лионе главными агентами принцев-эмигрантов были священники и граф Лионский.

В роялистских беспорядках в Перпиньяне опять же главную роль играли церковники.

Открыто раздавались призывы к разгону Учредительного собрания. «До каких пор,— спрашивал автор клерикальной брошюры,— будете вы терпеть, чтобы вас бесчестили в глазах всех наций». И продолжал: в Англии возмущены бесчинствами, творимыми омерзительным Собранием. Испанский король не желает торговать с Францией, германский император ждет минуты, чтобы отомстить за свою сестру Марию Антуанетту, и т. д.

Нантский епископ устраивал молебны с целью испросить разрешение господа разогнать «нечестивое собрание». Специально написанные духовенством «Обращения к провинциям» (*Nouvelles adresses aux Provinces*) призывали: «Соберитесь же, бесчувственные провинции. Прекратите анархию, заявив, что желаете иметь короля и Генеральные штаты».

Духовенство ловко спекулировало на суеверии значительной части населения, особенно деревенского. Неприсягнувшие священники Руана проповедовали приближение «конца света», а депутатов Учредительного собрания называли «предвестниками антихриста». Распространялись выдумки, будто один оратор в Собрании провозгласил, что Франция может, если этого пожелает, «перемениť религию». Верующим внушали, что революция — дело рук безбожников, философов, протестантов, намеревающихся учредить республику без религии, что безбожники «пожигают народные деньги», расходуя их на учреждение клубов, на устройство раскольнической церкви, на подкуп журналистов, «поджигателей и кровожадных царевичей и более чем 50 тысяч злодеев».

Церковники ненавидели революцию и называли ее «творением дьявола». Все реформы, особенно «свобода писать и печатать против религии, уничтожение монашеского обета, ограбление церкви и канонизация Вольтера, Мирабо и Жан Жака Руссо», были объявлены противоречащими учению Христа. Принципы революции грубо извращались. Так, например, церковники сфабриковали подложное решение Национального собрания и якобинского клуба. «В соответствии с «правами человека»,— говорилось в фальшивом решении,— отныне дозволяется каждому гражданину ругать, оскорблять, изби-

вать своего соседа... сжечь его дом, его лавку, его магазин, портить его хлеб и другие плоды земли... Все это безнаказанно»⁵⁸.

Неприсягнувшая церковь требовала запретить клубы, она пыталась вызвать недовольство бедноты и плебеев, уверяя, что революция не дала им никаких материальных благ. В одной клерикальной брошюре говорилось: «Какое значение имеет для народа декретированное равенство, если неравенство имуществ и талантов должно существовать всегда. Какое значение имеет верховенство нации для класса граждан, который во все века должен только повиноваться и быть в услужении?»⁵⁹.

Священники провоцировали кровопролития. «Для успеха контрреволюции,— говорили священники департамента Нор,— надо, чтобы кровь лилась ручьем». К чему стремилась церковная контрреволюция, легко убедиться на примере Бретани и Вандеи, где крестьянство находилось под сильнейшим влиянием духовенства.

Вандея 1790—1791 гг.

Крестьянство являлось одной из основных движущих сил французской буржуазной революции, а разрешение аграрного вопроса было первой ее задачей. Все крестьяне единодушно хотели сбросить с себя бремя феодальных пережитков и разделить между собой помещичьи земли. Но в начале революции у власти находились представители крупной буржуазии, которые были сторонниками конституционной монархии и ограниченных реформ. Они были напуганы массовым крестьянским антифеодальным движением и стремились не допустить глубоких демократических преобразований. Представители крупной буржуазии и либерального дворянства (фельяны) подавляли малейшее проявление революционной самостоятельности масс. Самое же главное, фельяны и не собирались удовлетворить чаяния крестьян: феодальные повинности подлежали выкупу на обременительных условиях, конфискованные земли монастырей и церквей хотя и продавались, но их могли приобрести лишь зажиточные крестьяне. Требования крестьян оставались неудовлетворенными.

Неудивительно, что неприсягнувшее духовенство старалось использовать недовольство крестьян в своих целях,

особенно в таких отсталых районах, как Вандея. Это были «медвежьи» углы Франции, где почти полностью отсутствовала промышленность, городов было мало. В деревнях, несмотря на то, что шел процесс расслоения, еще сохранились пережитки патриархальных отношений и духовная власть сельского кюре была непререкаемой. Деревенское население было сплошь неграмотным, революционная пропаганда сюда не проникала, даже декрет об отмене десятины священники умудрились скрыть от крестьян. В таких условиях контрреволюционная агитация, особенно если она выступала в религиозной оболочке, могла рассчитывать на успех⁶⁰.

Местный епископат первым высказал свою враждебность к революции и отверг церковные реформы. Присягу здесь дали менее трети священников. Неприсягнувшие епископы пугали суевernih крестьян тем, что их дети «останутся некрещеными», что не будет «свадебных обрядов для живущих и причастия для умирающих». И набожные крестьяне Вандеи сделали орудием своих кюре. Так, в Бондоне 150 человек потребовали от муниципалитета сохранить старую церковь и монастыри с их имуществами. Выборы духовенства были здесь фактически сорваны. В дистрикте Машекуль из 58 церковников присягнуло только 6, а из 24 кюре, подлежавших избранию, было избрано 13, но 12 из них отказались занять должности. Присягнувшие же священники подвергались гонениям: в приходе Апремон фанатики учинили погром церкви, обслуживаемой «самозванцем», в Сен-Жен-де-Мон выстрелом был ранен кюре, в Сен-Христов-де-Линьерон произошла схватка между сторонниками старого и нового кюре и при этом двое национальных гвардейцев были убиты.

Неприсягнувшие шли на всякие ухищрения, чтобы срывать обряды, проводимые новыми кюре: запирали черную кошку в дарохранительницу и, когда открывали дарохранительницу, кошка выскакивала оттуда, а религиозные прихожане принимали ее за «дьявола». Появились чудотворные иконы, устраивались в церквях беседы между «богом» и «сатаной», разыгрываемые актерами; при помощи волшебных фонарей на стенах часовен появлялись тени. Такими приемами набожных крестьян доводили до иступления.

Аристократы стремились извлечь для себя выгоду из суеверного страха крестьян. Дворяне, которые до революции отличались вольнодумством, стали посещать церкви и совместно с духовенством уже в феврале 1791 г. подготовили первую контрреволюционную вылазку.

Кюре приходской церкви близ Ванна, некий Лебе, отслужив мессу, давал каждому прихожанину целовать распятие и наставлял убивать патриотов, так как этим они заслужат «расположение неба». 1500 крестьян действительно направились в город, национальные гвардейцы рассеяли мятежников, было убито 10 мятежников и 16 ранено. Неудача первого выступления не обескуражила клерикалов. Напротив, они зывали к месту за погибших «мучеников». В Вандее с июня 1791 г. по август 1792 г. произошло не менее десяти подобных происшествий. Так было не только в Вандее. Встревоженный Марат писал осенью 1791 г.: «Все пункты королевства стали жертвой ярости фанатизма, вызываемого мятежными священниками».

Французская революция с самого начала вызвала тревогу европейских феодальных монархий. Они расценили ее как угрозу крепостническому режиму и самодержавию, европейские государи вынашивали планы удушения революции с помощью вооруженного вмешательства. Наиболее воинственно были настроены прусские и австрийские монархи.

Организаторы иностранной интервенции — эмигранты — в своих планах очень рассчитывали на тот «вклад», который внесут мятежники-клирики. Еще в апреле 1790 г. граф Водрей писал брату Людовика XVI графу д'Артуа: «Я вам предсказывал, что закрытие монастырей, нападки на религию, оскорбления духовенства возбудят фанатизм. И вот уже сбываются мои предсказания... Следовало бы теперь к этому фанатизму присовокупить объединение монархов, вооружившихся во имя защиты своего дела»⁶¹.

Эмиграция духовенства принимала внушительные размеры. В одном Риме в конце 1791 г. скопилось 1500 французских священников.

В эмиграции высшая духовная знать составляла окружение графа д'Артуа, была его советником. Здесь подвизались аррасский епископ Конзье, аббаты Вермон,

Сабатье и др. Церковники выполняли специальные задания эмигрантов, братьев короля, в европейских столицах. Так, в Испанию с поручением прибыл аббат Фонбран. Аббат Мари состоял членом контрреволюционного эмиграционного штаба в Турине, столице Пьемонта. Осенью 1790 г. памьерский епископ Агу явился в Париж из эмиграции и имел доверительные беседы с монархом. Полномочными агентами эмигрантов были: в Лионе — аббат Бажела, в Авейроне — аббаты ла Бастид, де Брюг, де Лавонде и др.

Некоторые священники занимались и шпионажем. Департамент Нижнего Рейна отмечал, что между священниками и эмигрантами ведется переписка, благодаря которой иностранные государи «осведомляются о всем том, что происходит в укрепленных крепостях, даже о самых секретных мерах предосторожности, принимаемых командованием для безопасности государства». В департаменте Эн посланцы из Кобленца вели секретные переговоры с местными священниками и канониками.

Современники видели прямую связь между «бунтами священников и сборищем Кобленца». Эбер писал, что «попы стремятся зажечь гражданскую войну, дабы облегчить приход австрийцев».

Епископат не только был в курсе готовящейся интервенции, но и ожидал ее уже в 1791 г. При обыске у шалонского епископа было найдено письмо, содержавшее намеки на скорое «начало трагедии», которая «разыграется на многих языках».

Наибольшую активность проявляло духовенство пограничного Эльзаса. Священники проповедовали отделение Эльзаса от Франции, ждали иностранного нашествия. Здесь вербовались солдаты в отряд, который кардинал Роган создавал для включения его в армию «крестоносцев». В 1791 г. Роган лично передал главнокомандующему армией эмигрантов принцу Конде отряд в 2300 штыков. На одной стороне знамени этого воинства был нарисован череп, на другой начертаны слова «победить или умереть»⁶².

Шпионы Рогана сновали по Эльзасу под видом разносчиков, нищих, подстрекая население к мятежу и призывая молодежь переходить на сторону мятежников. Так, в приходах Бернгардсвилль и Оберн были завербованы

26 человек. В мае был арестован некий Мец, кюре Атольсгейма, за то, что он помогал переправлять через Рейн людей Рогана.

Разумеется, среди духовенства находились и честные, патристически настроенные люди, ставшие на сторону революции и не только присягнувшие, но и отрeksiвшиеся от сана, например Евлогий Шнейдер в том же Эльзасе. Но в подавляющем большинстве католическое духовенство оказалось в лагере воинствующей контрреволюции. Буржуазный антиклерикальный историк Робине замечал, что для возрождения своего прежнего могущества церковь решила «разорвать на куски нашу родину и выдать ее трепещущие и раздробленные части заговорщикам — самодержцам первого священного союза». Сколько зла было бы предотвращено, говорил он, если бы церковь не предавала родину.

Народные массы в борьбе с клерикальной контрреволюцией

Крестьяне и городские плебеи — рабочие, подмастерья, мелкие служащие и беднота были главной движущей силой французской революции. Они не только штурмовали Бастилию, но и вынесли всю тяжесть борьбы с внутренней контрреволюцией, в том числе и с клерикальной. Правда, воспользовавшись религиозными чувствами населения, церковь сумела вызвать в стране волнения, но, за исключением Вандеи, ей не удалось зажечь пламя большой религиозной войны. Это объясняется глубокой заинтересованностью народа в решительном искоренении феодализма. А поскольку церковь стремилась вернуть страну к старым порядкам, она становилась препятствием и уже по одному этому должна была проиграть сражение. О безнадёжности усилий духовенства и дворян писал из Парижа русский граф Кочубей: «Раздражение, какое они чувствуют против тех, кто лишил их своих привилегий, их отвращение ко всякому другому порядку, кроме прежнего, кажутся мне настолько же естественными, насколько нелепа, безрассудна и неосуществима их мечта восстановить все в прежнем виде»⁶³.

В то время как крестьянство в результате революции было освобождено от десятины, а его зажиточная часть

даже приобрела конфискованные земли церкви, рабочие не получили от революции никаких существенных благ, но именно они, еще не организованные в класс, были, по словам Ленина, передовыми борцами французской революции⁶⁴.

Крупная же буржуазия, стоявшая у власти, напуганная народными движениями, старалась затормозить революцию. Больше всего она теперь боялась революционных настроений простого народа, а потому искала опоры в старых учреждениях. Когда Людовик XVI пытался бежать из Франции, новая правящая группа спасла его от гнева народа и восстановила в правах. Больше того, мирная народная демонстрация, собравшаяся на Марсовом поле 17 июля 1791 г. и требовавшая низложения короля-изменника и предания его суду, была расстреляна национальной гвардией. Расстрел мирной демонстрации означал открытый переход крупной монархической буржуазии на контрреволюционные позиции. Очевидно, что политики крупной буржуазии должны были искать примирения и с церковью — учреждением, способным влиять на массы.

Буржуазия не ожидала такого сопротивления со стороны церкви и вовсе не стремилась к обострению взаимоотношений с духовенством. Напротив, буржуазия надеялась иметь духовенство своим союзником. Но и после того как большинство духовенства отказалось присягнуть, она не теряла надежды привлечь на свою сторону церковь. Поэтому следовало, по ее мнению, мягко обращаться с клерикалами, не раздражать епископат, достигнуть соглашения с папой. Она решительно возражала против каких-либо репрессий в отношении неприсягнувших священников, так как это должно было привести к новым конфликтам, в которые были неизбежно вовлечены и массы. Поэтому Учредительное собрание в церковном вопросе заняло примирительную позицию. Дошло до того, что священники, смещаемые с должности за отказ присягнуть, получали государственные пенсии.

Революционная печать возмущалась бездеятельностью законодателей. «Граждане, — писал Эбер, — ваши представители трусливо покидают свои посты. Они дрожат перед священниками». В демократических кругах считали, что, не вмешиваясь в чисто религиозные вопросы, граж-

данские власти обязаны в интересах безопасности оградить революцию от происков духовенства, так как они угрожают привести страну к гражданской войне. Разве имеет значение, что в данном случае врагами революции являются люди, облаченные в сан? Их следует наказывать не как священников, а как нарушителей общественного порядка.

Не дожидаясь санкции властей, народ по собственному почину начал расправляться с мятежными церковниками. Естественно, наибольший размах антиклерикальное движение приняло в городе, где население было неизмеримо менее суеверно и фанатично. Здесь передовые элементы демократической буржуазии и радикальной интеллигенции, активно поддерживаемые патриотически настроенными санкюлотами и плебеями, более отчетливо сознавали опасность клерикальных происков и пытались их пресечь. При этом наибольшую инициативу в борьбе проявляли те, кого принято называть общественными низами.

Самочинные действия народа против церкви имели место уже в 1789 г., но регулярными они стали лишь с весны 1790 г. Прежде всего патриоты стремились лишить церковников свободы печати и пропаганды. Участились случаи сожжения клерикальных газет и брошюр. Например, летом 1790 г. толпа ворвалась в типографию и уничтожила 1200 экземпляров газеты «Les actes des apôtres» («Деяния апостолов»). Подвергались сожжению клерикальная «Gazette de Paris» («Парижская газета») и епископские послания, папские буллы и катехизисы. В Франш-Конте были разбиты даже станки, на которых печатались мятежные сочинения.

Так как власти бездействовали, массы сами вершили революционное правосудие. В Шампани, например, крестьяне привезли 18 священников в город Труа на рынок и принудили их принять гражданскую присягу⁶⁵. В Перпиньяне патриоты рассеяли собрание католиков в доминиканском монастыре. В Париже ломовой извозчик избил викария за антипатриотическую проповедь. На улице Сен-Жермен кондитер и парикмахер также избили двух аббатов. В саду Пале-Рояль народ хотел бросить в пруд мятежного аббата. Под давлением народных масс местные власти кое-где прекратили выплату жалования

неприсягнувшим, арестовывали их за контрреволюционную агитацию.

Крупная буржуазия была крайне озабочена народной инициативой, которая выводила революцию за пределы рамок, уготовленных ей буржуазией. Депутат Вуадель в Учредительном собрании призывал духовенство примириться с проведенными реформами: «Успокойте же покорным выполнением законов разгневанный вашим сопротивлением народ». Буржуазная печать требовала, чтобы народ воздержался от преследования неприсягнувших священников. Даже если духовные лица стали на путь преступления, говорилось в буржуазных газетах, народ должен оставаться спокойным зрителем. «В настоящих условиях должны действовать только его (народа.— М. Д.) уполномоченные», т. е. власти. Якобинский клуб также советовал своим филиалам: «Заклинайте служителей алтаря не проповедовать войны от имени бога мира... остерегайтесь, чтобы народ, сбитый с толку, не предался каким-нибудь эксцессам против неприсягнувших». Некоторые газеты даже требовали применить крутые меры для искоренения «анархии и хаоса».

Вполне понятен страх, который испытывала крупная буржуазия,— ведь самыми активными борцами с контрреволюцией церкви были, наряду с демократической интеллигенцией и мелкой буржуазией, плебеи и рабочие. В одном клерикальном памфлете подчеркивалось, что священников оскорбляют исключительно «приказчики, подмастерья, трубочисты, носильщики, полотеры, чистильщики сапог и прочие шалопаи».

«Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью, начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории»,— тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план»,— указывал Ленин⁶⁶. Эти прямые действия французского народа были вызваны сопротивлением духовенства и бездействием Учредительного собрания.

7 апреля 1791 г. в Париже женщины-патриотки, плебеи и рыночные торговки, напали на монастырские часовни и подвергли наказанию 300 монахинь и аристократок. Дело в том, что часовни женских монастырей стали

очагами фанатизма, здесь произносились мятежные речи. На следующий день министр внутренних дел просил директорию парижского департамента принять срочные меры для обуздания народной ярости. Парижские власти приказали рассеивать толпы, собирающиеся у монастырей. Однако «сборища» продолжались, и директория департамента приняла 11 апреля 1791 г. важное постановление. В нем подчеркивалась необходимость «решительного подавления беспорядков, ежедневно вызываемых дурными гражданами под предлогом различия религиозных мнений», а неприсягнувшим предоставлялось право отправления культа в специально арендуемых зданиях. Учредительное собрание 7 мая одобрило это постановление и расширило права неприсягнувших, разрешив им в определенные часы «совершать богослужения и в церквах, принадлежащих нации и обслуживаемых присягнувшими»⁶⁷.

Таким образом, крупная буржуазия и демократия занимали противоположные позиции в церковном вопросе: первая ратовала за «свободу», которую церковники использовали для удушения свободы народа, вторая не щадила клерикалов, обрушивала на них удары народного террора.

Однако выполнение постановления 11 апреля и декрета 7 мая было сорвано революционными массами. Вот что произошло в Париже. Некий Пансемон, неприсягнувший кюре, арендовал молельню монастыря театинцев и назначил на 17 апреля первую службу. Но утром, когда начали приходить верующие, собралась большая толпа народа, обеспокоенная скоплением контрреволюционеров. На двери молельни появился пучок розог с надписью: «Совет аристократическим святошам. Слабительное лекарство, раздаваемое бесплатно». Тотчас к месту происшествия прибыл мэр Парижа Байи и приказал розги снести. Но едва мэр удалился, как розги были водворены на место с припиской: «Снято по распоряжению Байи, водворено на место по распоряжению граждан». Богослужение было сорвано. 2 июня Пансемон снова пытался собрать прихожан. На сей раз жители предместий ворвались в храм и разогнали собравшихся. Парижские власти были бессильны заставить выполнить свое постановление, и церковь театинцев была закрыта. Точно так же было

в Бордо и других городах Франции. В столице волнения повторились в сентябре и октябре.

Это глубоко встревожило крупную буржуазию. Патриотов, осмеливавшихся разгонять аристократическое собрание, называли «бандитами»⁶⁸. Буржуазные газеты выбросили лозунг «Долой преследование!», в них раздавались требования закрыть клубы.

А в это время деятельность клубов, или народных обществ, усилилась. Их уже насчитывалось во Франции не менее 800. Особенно активными были клубы в провинции. Клерикальные историки говорят, что клубы были специально созданы для того, чтобы сражаться с силами старого порядка, а церковь была «одной из самых ее значительных сил»⁶⁹.

Клубы действительно были организаторами антиклерикального движения. Они собирали подписи под петициями с требованиями, чтобы Учредительное собрание принимало меры против «прогресса фанатизма» и посылало в деревню «побольше хирургов и поменьше священников»; брали под защиту присягнувших и ограждали их от нападков фанатизированных прихожан; вели антиклерикальную пропаганду, используя для этой цели не только печать, но и театр. В департаменте Пюи-де-Дом состоялся съезд деятелей клубов, который обсуждал меры борьбы с последствиями фанатизма. В Тюлле клубы выделили наблюдателей, которым поручили следить за поведением неприсягнувших. Клубы посылали людей в деревни, чтобы разъяснить крестьянам смысл проведенных церковных реформ, закрывали церкви, в которых проповедовалось неповиновение закону, и первыми потребовали высылки неприсягнувших.

Когда стало известно о бегстве короля, в Нанте по инициативе народного общества был создан самочинный революционный комитет. Первым делом комитет арестовал неприсягнувших священников. Когда же департаментские власти приказали освободить арестованных, народ силой воспротивился этому распоряжению⁷⁰.

Неоценимое значение для успеха антиклерикальной борьбы имела печать. Церковный вопрос был один из самых боевых в газетах Эбера, Демулена, Лустало, Горса, Марата и др. Эти деятели революции понимали, как опасны изворотливые клерикалы. Вместе с тем в выступ-

лениях по церковному вопросу изобличалась господствующая партия крупной буржуазии и либеральных дворян, которая выдавала себя за представителя народа. а на деле служила интересам «денежного мешка».

Демократические газеты занимались политическим просвещением крестьян. Так, газета «*Révolutions de Paris*» опубликовала «Обращение к деревенскому населению по поводу духовенства», в котором церковный вопрос связывался с коренными интересами крестьянства. Газета подчеркивала, что революция не может совершиться без участия земледельческого населения. Она разъясняла крестьянам, что духовенство призывает богатых объединиться, дабы не допустить принятия «аграрного закона», т. е. передачи всей земли в пользу народа.

Демократическая печать выражала недовольство тем, что «начиная с 14 июля... ни один из этих злодеев (епископов. — М. Д.), устраивающих заговоры против родины, не исполнил свое преступление на эшафоте. Епископы... повсюду проповедуют бунт против законов, они возбуждают гражданскую войну, они заливают департаменты кровью и за такие злодеяния им выплачивают десятилетия пенсий. Если мы хотим вернуть мир нашей несчастной родине, надо ударить по этим высокомерным головам». В демократической печати раздавались призывы: «К оружию! Граждане, к оружию! Бдительность и единство! Проклятые попы скрежещут зубами, они рычат как бешеные лвы». Неизвестный автор торопил народ «повесить всех бывших епископов, архиепископов и всю черную банду, которая не признает трехцветного флага».

Эбер, очень популярный в предместьях, был неистощим в своих нападках на церковников. Он писал: «Я объявляю попам войну насмерть. Они — враги народа, значит и мои». Эбером написаны были десятки антиклерикальных статей, в которых он проклинал святош, открывших подписку в пользу неприсягнувших, предлагал передать церковные колокола на изготовление монет, требовал запретить ношение священниками церковного облачения вне храма. Обращался Эбер главным образом к плебеям. Когда, например, в Тулузе священники подняли мятеж, Эбер считал, что нужно направить туда «1500 пик из

Сент-Антуанского и Сен-Марсельского предместий», т. е. рабочих предместий Парижа, чтобы подавить мятеж. Среди сотен антиклерикальных памфлетов были и чисто атеистические. Вот, к примеру, один из них, озаглавленный «Катехизис юре Мелье»:

Вопрос. Что такое бог?

Ответ. Бог — это все то, что хотят священники.

Вопрос. Почему же говорят, что он — дух?

Ответ. Чтобы пугать всех тех, кто материален.

Вопрос. Почему вечный?

Ответ. Чтобы продлить власть церкви...

Вопрос. Что представляют собой таинства?

Ответ. Это — суеверные религиозные обряды, установленные мошенниками для управления глупцами...

Вопрос. Что такое месса?

Ответ. Это — хлеб насущный для священников.

Вопрос. Уверены ли вы в том, что существует бог?

Ответ. Совсем не так, как я уверен в геометрии Эвклида...

Вопрос. Почему же говорится в святом писании о руках, ногах, кистях и ступнях бога?

Ответ. Потому что, если бы обезьяны создавали себе бога, они бы его сделали волосатым по образу обезьяны.

Учредительное собрание оставалось глухо к требованиям революционных масс, местные же власти не могли не считаться с опасностью католической контрреволюции и принуждены были принять меры. Первым стал на этот путь департамент Нижнего Рейна. 12 июля 1791 г. директория департамента постановила: принимая во внимание близость департамента к границам, переселить всех неprisягнувших в Страсбург или в любой другой город Франции, но не ближе 15 лье от границы. Учредительное собрание не решилось отменить это постановление. Примеру департамента Нижнего Рейна последовали другие: Нижняя Сена, Дубс, Майенна, Нор, Па-де-Кале и т. д. Движение принимало широкий размах. Крупная буржуазия, жаждавшая «спокойствия», этого допустить не могла. Любые действия, не предусмотренные конституцией, она отвергала как способные возбудить народные волнения. Например, один из лидеров Собрания, Барнав, говорил: «Я не боюсь нападения иностранных

государств и французских эмигрантов... Я боюсь продолжения беспокоев, брожений, которые не прекратятся, если революция не будет полностью и мирно завершена»⁷¹.

В подобном политическом настроении Учредительное собрание прекратило свою деятельность, предварительно утвердив конституцию 1791 года. Согласно этому основному закону Франция объявлялась конституционной монархией. При этом король был наделен довольно широкими полномочиями и даже имел право вето, т. е. задерживать законы, принимаемые парламентом или Законодательным собранием. Последнее избиралось сроком на два года, но лишь «активными», т. е. имущими, гражданами. Таким образом, конституция не только узаконила имущественное неравенство между людьми, она не решила аграрного вопроса — главного вопроса революции.

Накануне своего роспуска Учредительное собрание снова сделало жест примирения в отношении неprisягнувших: декреты о гражданском устройстве не были включены в конституцию. Стало быть, они могли быть отменены простым постановлением будущего парламента — Законодательного собрания. 14 сентября 1791 г. была объявлена политическая амнистия. Священники, выйдя из заключения, снова начали призывать к волнениям. Амнистия ободрила клерикалов, и многие из них стали возвращаться из эмиграции.

Итак, инициаторами антиклерикальной войны были демократические слои общества. Борьба с клерикальной контрреволюцией также вовлекла в активную политическую жизнь широкие слои народа, воспитывала в них непримиримость ко всяким попыткам возврата к прошлому. Теперь, когда крупная буржуазия своей политикой защиты короля-изменника и расстрелом народной демонстрации на Марсовом поле 17 июля 1791 г. полностью повернулась спиной к революции, немалую роль в политическом просвещении масс сыграла и религиозная политика буржуазных монархистов. Эта политика показала народу, что крупная буржуазия дезертировала и перебежала в лагерь врагов. Она изобличила лицемерного короля, покровителя клерикалов. В целом борьба вокруг церкви также содействовала углублению революции, ее демократизации.

Церковная политика Законодательного собрания

Законодательное собрание, избранное «активными гражданами», начало свою работу 1 октября 1791 г. Первые скамьи занимали фельяны — представители монархической буржуазии и либерального дворянства. Фельяны возглавляли министерство. Но руководящая роль в революции принадлежала уже не им, а жирондистам, выразившим интересы торгово-промышленной буржуазии. В Собрании они занимали оппозиционные скамьи. Была еще небольшая левая группа демократов, отражавшая чаяния радикальных слоев средней и мелкой буржуазии и связанная с народом. Эти депутаты получили название монтаньяров, они занимали места на самых верхних скамьях в зале заседаний, на «горе» (по-французски гора — *la montagne*). За ними в будущем останется наименование якобинцы.

Крупная буржуазия рассчитывала, что теперь, когда по конституции открылся парламент, в стране установится спокойствие и «социальный мир». Байи, мэр Парижа, так и говорил в Законодательном собрании: «Вы должны, господа, все объединить и все примирить. Революция окончена»⁷². Но это от них не зависело — правящая партия фельянов уже не управляла событиями.

Напротив, классовая борьба в стране разгоралась, обострились и конфликты, вызванные церковниками. В Меце и Сансе в церквах «бросали друг в друга камнями». В Кане женщины, подстрекаемые неprisягнувшими, хотели повесить конституционного кюре. Мятеежи происходили в департаментах Ман и Луара, Майенна и Лозер. В конце 1791 г. король и аристократы больше всего рассчитывали на две силы: интервенцию монархов извне и религиозную войну внутри.

Церковный вопрос остро встал перед Законодательным собранием. 7 октября якобинец Кутон призвал депутатов проникнуться сознанием того, что «дело общественного спасения требует принятия срочных мер»⁷³. Но большинство Собрания с его доводами не согласилось.

Фельяны испытывали явное затруднение. Они не решились отменить гражданское устройство духовенства —

это значило отказаться от надежды приспособить церковь к «новому порядку». Стать на путь репрессий они не желали — это углубило бы пропасть между церковью и государством. Фельяны желали оградить клерикалов от заслуженных ими кар. Только так можно расценить их предложение об отделении церкви от государства. Фельяны доказывали, что репрессии противоречат духу революции, что «религиозная свобода является одним из краеугольных камней нашей конституции». Они предлагали официально признать неprisягнувших священнослужителей, предоставить им храмы для служб, но изъять из ведения церкви записи актов гражданского состояния и народное образование. При этом предусматривалось судебное преследование лиц, которые будут мешать управлению культа.

В первые дни работы Законодательного собрания жирондистские ораторы, правда, из других соображений, предлагали «отделить от государства то, что касается религии». Но главный их довод состоял в том, что церковь сама хочет, чтобы ее преследовали, что это, мол, даст ей новых «мучеников».

Поэт Анри Шенье в газете «*Moniteur*» решительно осудил репрессии как «бесчеловечные и несправедливые» и обрушился на «самозванных патриотов», разжигающих народные страсти. Мы, писал он, освободимся от влияния этих людей тогда, когда «обеспечим каждому свободу следовать или изобретать любую религию, какую он пожелает, когда каждый будет оплачивать тот культ, которому он следует, и никакой другой»⁷⁴.

Таким образом, крупная буржуазия из страха перед народом фактически склонна была поощрить мятежную церковь. В самом деле, чтобы успешно раздуть гражданскую войну, духовенство нуждалось в одном — свободе проповеди. И эту «свободу» им теперь предлагала победившая монархическая буржуазия.

И тем не менее, вопреки своему желанию, Законодательное собрание принуждено было издать первый репрессивный декрет. Чем это объясняется?

Осенью 1791 г. стало известно, что прусский и австрийский монархи подписали военное соглашение против Франции. Война сделалась неизбежной. В связи с этим церковь заметно усилила свою враждебную деятельность.

9 октября депутат Жансонне отчитывался в Законодательном собрании о своей поездке в Вандею. Положение в этом районе было тревожным. По его словам, волнения вспыхнули здесь с момента установления присяги и сделались опасными вследствие «безграничной веры, коей священники пользуются здесь среди жителей». В своих коварных целях духовенство извлекало выгоды из фанатизма и суеверия деревенского населения. В результате общественное спокойствие в департаменте нарушено: в семьях раскол; браки, рождения и смерти не регистрируются, муниципалитеты дезорганизованы, многие граждане отказываются служить в национальной гвардии, ненавидят государственных служащих и судей. Все это дело рук «злокозненных священников». Таким образом, заключал Жансонне, «религиозные распри вызывают политическую вражду между гражданами», т. е. гражданскую войну⁷⁵.

В департаменте Мен и Луара под предлогом паломничества в часовню богородицы непокорные священники собирали тысячи крестьян, вооруженных ружьями и косами. Происходили столкновения с национальной гвардией. Во всем департаменте совершались насилия над конституционным духовенством, а чиновников, сборщиков налогов, избивали.

Гражданская война раздирала Авиньон. Церковники и паписты надеялись, подняв восстание, вернуть Авиньон Ватикану. Подготовка к восстанию велась почти открыто. Главным орудием клерикалов был фанатизм. 16 октября был пущен слух, что статуя богородицы в церкви кордельеров «проливает слезы», оплакивая гибель католицизма. К церкви двинулись толпы легковых прихожан. И когда они увидели раскрашенную статую, раздалась фанатичные крики о «чуде». Обезумевшая от ярости, суеверная толпа подняла мятеж, жертвой которой пал секретарь коммуны Лекюйер, растерзанный тут же на алтаре⁷⁶. Изуверство папистов возмутило революционные массы, и в тот день и на следующий были убиты многие контрреволюционеры, а трупы их брошены в ледник папского дворца.

О мятежах сообщали из Монпелье, Кальвадоса и других мест. Можно ли было бесконечно не обращать внимания на сигналы? Жирондисты побаивались народа,

но нуждались в его поддержке для того, чтобы столкнуть фельянов с правительственных постов и занять их места. Отвернуться от масс было опасно, ведь с каждым днем росло народное антиклерикальное движение, а тут еще приближалась война. Жирондисты явно желали отстранить народ от участия в усмирении контрреволюции, так как это сделало бы его слишком влиятельной силой.

Как раз в эти дни, когда в стране не прекращались аграрные волнения, поступали сведения о самовольных выступлениях революционных масс. Например, в Бетуне патриоты напали на церковь доминиканцев и разогнали богомолков, присутствовавших на мессе неприсягнувшего священника⁷⁷. То же самое происходило в Нанте. Неприсягнувшие кантона Кузеран жаловались королю на «группы неистовствующих людей», сорвавших службу, разрешенную декретом 7 мая 1791 г.

В адрес Законодательного собрания поступали многочисленные требования. Из Меца писали: «Торопитесь искоренить зло, которое нам угрожает». Парижская секция Люксембург требовала прекратить козни неприсягнувших.

Марат писал о гражданской войне в Арле, «вызванной неприсягнувшими священниками, которых Людовик XVI взял под свое покровительство», о мятежах в Верхнем и Нижнем Рейне. Он видел «корень зла» в том, что до сих пор не предстал перед судом королевский двор, «душа всех коварных происков мятежных попов». И Марат делал вывод: «Королевство явится жертвой ужасов до тех пор, пока народ..., доведенный до отчаяния, не вооружится, наконец, чтобы уничтожить своих угнетателей, всех до единого»⁷⁸. Якобинский клуб настаивал на том, чтобы неприсягнувших священников судили, как и эмигрантов, по закону 9 ноября, т. е. как изменников родины.

В этот момент и некоторые лидеры Жиронды выступили с резкими нападками на церковников. Не следует забывать, что жирондисты были воспитаны на антиклерикальной и антирелигиозной литературе XVIII в., что само торжество буржуазных интересов в революции двигало на первый план задачу обуздания мятежников. В данное время Жиронда шла в ногу с революцией и даже возглавляла ее.

Оратор Жиронды Инар произнес в эти дни несколько антиклерикальных речей. 30 октября он доказывал, что обычные законы недостаточны для неприсягнувших, так как их сан «предоставляет им более мощные средства, чтобы совращать и вводить в заблуждение людей». 6 ноября он заявил в Законодательном собрании, что «безнаказанность всегда служит источником величайших преступлений; теперь же она составляет единственную причину тех беспорядков, в которые ввергнуто королевство... Настала пора, чтобы гордость алтаря преклонилась перед народным суверенитетом»⁷⁹.

Однако фельяны по-прежнему считали, что к священникам следует проявлять терпимость. 12 ноября депутат Вейриэ выступил с проектом декрета по церковному вопросу. Сначала он обрисовал антигосударственную деятельность духовенства: бунтовческие речи, поджигательские сочинения, клевета на закон, раздоры в семьях, оскорбления властей, отказ допустить к таинствам покупателей церковных имуществ, союзы неприсягнувших с дворянами. Казалось, что за этим последует предложение о наказаниях, которые клерикалы вполне заслужили. Ничего подобного. Вейриэ отверг предложения о репрессивных законах как «тиранические» и предложил только одно — лишить неприсягнувших пенсий, а тем, кто подстрекал народ к неповиновению, угрожал тюремным заключением сроком на один год⁸⁰. Тогда-то снова выступил видный жирондист Инар с на шумевшей речью.

Священники, заявил он, в состоянии «причинить зло во сто раз большее, чем все остальные враги вместе взятые», во все времена они являлись «бичом общества и убийцами человеческого рода... Всякие средства, которые клонятся к примирению, теперь бесполезны... Наша снисходительность лишь усилила дерзость наших врагов. Необходимо, наконец, ...принять строгие меры». Он был искренен в своем гневе против клерикалов — ведь церковь старалась восстановить дореволюционный режим, отнять у буржуазии ее завоевания. «Я смотрю, — восклицал он, — на священников, возмутителей общественного порядка, как на зачумленных, которых следует отправить в испанские и итальянские лазареты». В заключение Инар предложил изгнать из страны неприсягнувших, которые будут

незаконно отправлять культ или, дав присягу, нарушать общественный порядок; учредить суд присяжных для разбора дел духовенства; установить высшую меру наказания для виновных — смертную казнь⁸¹.

Выступление Инара произвело сильное впечатление. Один из правых депутатов бросил реплику: «Я требую, чтобы речь была послана Марату». В монархических газетах ее называли «безбожной и нечестивой»⁸². Однако значение этой речи было явно преувеличено. Инар неоднократно повторял слово «закон». Но ни разу в его речи не упоминался народ, который один до сих пор срывал все планы контрреволюции.

Обсуждение законопроекта продолжалось много недель. Правые старались защитить неприсягнувшую церковь, но их сопротивление слабело по мере того, как поступали новые сообщения о волнениях. Когда пришли известия о религиозных беспорядках в Кальвадосе, Камбон внес предложение, с которым до того выступил Марат, — созвать Верховный национальный суд для наказания непокорных священников. Депутат Гаде счел эту меру недостаточной, а Инар потребовал, чтобы главные зачинщики «взошли на эшафот». Только под воздействием революционных масс удалось прекратить прения. 29 ноября депутат Ламарк предупредил Собрание: «Народ обвиняет нас в медлительности и в безразличном отношении к этому важному вопросу»⁸³. Тогда, наконец, проект стал законом. Хотя умеренным удалось смягчить предложенные меры наказания, декрет 29 ноября был первым государственным репрессивным актом против неприсягнувших. Принятие его было крупной победой демократии и означало новое углубление революции.

На основании декрета все духовные лица, исключая присягнувших, обязывались в недельный срок принести гражданскую присягу. Эта статья декрета была выгодна неприсягнувшим — ведь теперь от них требовалось лишь обязательство о соблюдении конституции. А так как положение о гражданском устройстве духовенства не было включено в конституцию, то присяга в данной форме являлась их простым гражданским долгом. Отказаться теперь — значило открыто признать свою враждебность новому строю. Отказавшиеся принести гражданскую присягу лишались жалования и пенсий, объявлялись

подозреваемыми в возмущениях против закона и переданы под надзор местных властей.

Неприсягнувшие, в тех общинах, где произойдут беспорядки на религиозной почве, могли быть решением директории департамента высланы, что не исключало и возможности предать их суду. Мерой наказания в этом случае могло быть тюремное заключение на срок не более года. Что касается духовных лиц, относительно которых будет доказано, что они не повиновались властям и закону, то они по декрету должны быть осуждены на двухгодичное заключение. Наконец, существенное значение имела статья 12, фактически отменявшая декрет 7 мая о свободе культов. Отныне неприсягнувшим священникам запрещалось отправлять свой культ как в государственных церквях, так и в частных помещениях⁸⁴.

Декрет 29 ноября 1791 г. отличался все же известной двойственностью. С одной стороны, в нем нашли свое выражение взгляды демократии на способы борьбы с клерикальной контрреволюцией, и в этом отношении он усиливал позиции народных обществ, клубов. С другой стороны, опасаясь, что решительная борьба развяжет революционную стихию, декрет устанавливал подчеркнутые мягкие меры наказания, а главное, давал возможность мятежникам обыкновенной гражданской присягой оградить себя от всяких преследований. В целом этот декрет был мерой, необходимой для общественного спасения, но мерой явно компромиссного характера. Поэтому крайние элементы, и справа и слева, были недовольны постановлением.

Демократические газеты вроде «*Révolutions de Paris*» считали, что декрет выгоден неприсягнувшим, так как гражданская присяга гарантировала им безопасность и давала возможность безнаказанно устраивать заговоры. Получалось, что присяга могла «случить волкам овечьей шкурой».

Декрет был принят вопреки правым буржуазным депутатам. Только королевское вето могло приостановить его проведение в жизнь. И вот группа видных деятелей крупной буржуазии, членов директории парижского департамента, в том числе Талейран, Ларошфуко и др., 5 декабря обратились к Людовику XVI с просьбой

наложить вето на декрет 29 ноября под предлогом, что он нарушает «свободу религиозных мнений». Авторы письма, обойдя молчанием преступления церковников, представляли дело так, будто декрет имеет целью преследовать духовенство за нежелание признать новую организацию церкви.

Известие о выходе буржуазных монархистов вызвало в Париже настоящую бурю протеста. Якобинский клуб в обращении к своим филиалам, написанном Робеспьером, подчеркивал, что монархисты пытаются подорвать власть законодательного корпуса, усиливая в то же время исполнительную власть короля. В обращении выражалось опасение, не является ли это выступление сигналом к объединению под знаменем «священников-бунтовщиков» всех контрреволюционеров⁸⁵. Газета «*Révolutions de Paris*» расценила это выступление как попытку «поднять все департаменты против Парижа» и призывала народ выразить свое отношение к событиям.

Авторы письма к королю и не подозревали, до какой степени их шаг скомпрометировал крупную буржуазию, ставшую союзницей монарха и неприсягнувшей церкви. Законодательное собрание буквально осаждалось делегациями от секций. Один оратор говорил: «Граждане Сен-Антуанского предместья заявляют вам, что для поддержания конституции и наших декретов... у них имеются руки, пушки, пики и то мужество, которое помогло разрушить Бастилию». Делегация во главе с Камиллом Демуленом требовала «сурово наказать заговорщиков» и не считаться с королевским вето. Граждане секции Оратуар настаивали на том, чтобы члены парижской директории предстали «перед судом нации».

Людовик XVI, ободренный поддержкой влиятельных представителей буржуазии, впервые осмелился открыто сопротивляться воле народных представителей. Он отказался одобрить и декреты против эмигрантов и закон против неприсягнувших. Законодательное собрание не реагировало на отказ короля, но народное возмущение обрушилось на голову монарха. Тюильрийский дворец получал сотни протестов. Например, якобинский клуб Бреста писал королю: «Эта ошибка может стоить вам дорого... вы еще царствуете, но если вы уступите неко-

торым влияниям, ваше царствование скоро кончится». Королю напоминали, что если по конституции он обладает правом вето, то «Декларация прав» предоставляет гражданам «право сопротивляться угнетению».

В итоге добрая половина департаментов не посчиталась с королевской санкцией и приступила к осуществлению мер, предусмотренных декретом 29 ноября. Неприсягнувших высылали из департаментов, лишали их государственных пенсий и жалования, готовились даже высылать из Франции. Это происходило в районах, в которых контрреволюционная агитация священников была всего сильнее, — в Верхнем Рейне, Финистере, Нижней Луаре, Мен и Луаре, Дубсе и др. Во многих местах неприсягнувших интернировали в главном городе департамента. Однако в десятках департаментов оставался в силе декрет 7 мая о свободе культов. К ним относились департаменты устьев Роны, Ньевра, Верхней Луары, Соны и Луары и др.

Неприсяжная церковь радостно встретила известие о королевском вето и удвоила усилия по разжиганию гражданской войны. Повышенная активность клерикалов объяснялась тем, что Франция была накануне войны с Австрией и Пруссией, которые совместно с армией эмигрантов готовились вторгнуться в страну. Мятёжная церковь, прикрываясь кровавым флагом католицизма, с нетерпением ждала армии «крестового похода».

Революционная война французского народа против феодально-монархической Европы и католическая церковь

В начале 1792 г. война стала неизбежной — ее готовили европейские феодально-абсолютистские монархии. С другой стороны, в самой Франции стремились скорее начать войну: король и партия двора — по контрреволюционным мотивам, жирондисты — по сложному комплексу иных мотивов⁸⁶. Поддерживая войну, жирондисты надеялись приобрести новые рынки для развивающейся торговли и промышленности Франции, отвлечь народные массы от внутренних проблем; кроме того, жирондисты рассчитывали занять министерские посты, которые находились в руках фельянов.

Робеспьер и его единомышленники выступали против поощряемой жирондистами политики развязывания войны. Они справедливо доказывали, что в данной обстановке внешняя война чревата серьезной опасностью, так как не сломлена внутренняя контрреволюция. Имелись в виду королевский двор, агенты эмигрантов и неприсягнувшая церковь.

Католическая церковь в эти предвоенные недели развила бурную деятельность. Она торопилась обеспечить французской армии враждебный тыл. Планы королевской партии учитывали действия армии интервентов извне и «малых армий», подготавливаемых духовенством, внутри. Характерен рассказ о собрании принцев и эмигрантов-епископов, происходившем в Кобленце 13 января 1792 г. На этом собрании глава эмигрантского «правительства», Калонн, якобы призывал в связи с близостью войны приложить все силы, чтобы возбудить волнения в «неблагодарном отечестве». «Священники, которые остались верны нашему делу, — говорил он, — оказывают и еще окажут нам немало бесценных услуг»⁸⁷. В стране уже давно был известен антипатриотизм церкви. Недаром еще в 1791 г. депутат Учредительного собрания предлагал в случае интервенции арестовать всех священников. Впоследствии Марат писал, что план двора состоял в том, чтобы вовлечь нацию в войну с иностранными монархами в то время, когда «внутри страна испытывала бы ужасы гражданской войны, вызванной мятежными священниками».

В аристократических кругах были уверены в победе. Аббат Мори, бежавший из Франции в октябре 1791 г., заявил в Кобленце, что французская конституция «удержится недолго», а неприсягнувшие священники Анжера уведомили Людовика XVI, что гражданская война в западных провинциях ими подготовлена и «вспыхнет тогда, когда он того пожелает»⁸⁸.

В свою очередь, Пий VI опубликовал 19 марта 1792 г. очередное послание, в котором угрожал священникам отлучением от церкви, если они дадут присягу или не отречутся от нее в течение 60 дней. Подобная же кара угрожала тем из верующих, кто признает «самозванцев». Новое послание папы, естественно, усилило позиции неприсягнувших. Дни пасхи были отмечены

кровавыми стычками между религиозными процессиями обеих церквей.

Для возбуждения умов церковники прибегали к «чудесам», чаще всего это были «слезоточения» статуй девы Марии. Так, например, в Страсбурге в модельные капуцинов распятие неожиданно «восплакало» кровавыми слезами. Когда же по приказу властей распятие было перенесено в приходскую церковь, слезотечение, как и следовало ожидать, немедленно прекратилось. Суеверным крестьянам подбрасывали контрреволюционные петиции. 2 апреля 1792 г. в местечке Шатр собралось 900 крестьян. Неприсягнувший юре Рипо и аббат Леметейе совершили осмотр этой «маленькой армии» и предложили крестьянам подписать петицию. В ней говорилось: «Нас хотят лишить католической веры... Мы никогда не признаем ни конституционной религии, ни присягнувших и непростенных священников, епископов». Авторы петиции осмелились настолько, что требовали от верующих «подчинения нашему законному монарху и законам государства, ликвидации якобинских клубов с их красными колпаками».

Вооруженные ружьями и косами обманутые крестьяне направились в главный город дистрикта Эврон, чтобы вручить петицию властям. Здесь они напали на национальную гвардию, но были рассеяны. Был убит один мятежник, пятеро ранено, 15 арестовано. Подстрекатели Рипо и Леметейе были присуждены к смерти, но успели скрыться.

В деревне Пфаффенгейм, близ Кольмара, крестьяне, подстрекаемые неприсягнувшими священниками, вступили в схватку с добровольцами. Один мятежник был убит, а многие ранены. В городе Манд было совершено нападение на солдат 27-й роты, пятеро из которых были убиты. Мятежники, руководимые агентами епископа, даже захватили ненадолго власть. В начале апреля волнения происходили в Перпиньяне, где зачинщиками были трое неприсягнувших; в Тюлле, где вооруженные фанатики требовали «свободы культа»; в департаментах Нанси, Иль и Вилен, Мерта и др. Неприсягнувшие священники Мен и Луара в письме королю предлагали армию крестьян, готовых восстать во имя католицизма.

Это письмо впоследствии было найдено в тайном железном шкафу Людовика XVI вместе с другими бумагами, изобличавшими короля-изменника.

Неприсягнувшие немало содействовали тому, что стала исчезать звонкая монета. В эти месяцы некоторые священники за изготовление фальшивых ассигнаций были арестованы, а аббаты Совад и Жоффруа казнены⁸⁹. Стали известны и акты прямого предательства. Священники подстрекали солдат к дезертирству. За это был арестован викарий Жан Жиркур из коммуны Оденле-Риш. В аббатстве Нотр-Дам в Суассоне было обнаружено оружие, боеприпасы и бумага для изготовления фальшивых денег. Прав историк Росс, писавший, что «на сто священников, враждебных и старавшихся вызвать беспорядки, едва ли был один, который вел себя спокойно и молчаливо дожидался восстановления старого порядка».

Приготовления церковников к войне зашли так далеко, что, например, в Арле и Авиньоне были изготовлены медали с изображением сердца Иисуса и девы Марии. Они раздавались только «доверенным людям» и должны были служить своеобразной охранной грамотой на случай прихода «большой армии». Предполагалось, что всякий, у кого не окажется подобного знака, будет убит.

* *

С конца марта 1792 г. правительство возглавили жирондисты. Как и можно было предполагать, жирондисты, едва лишь добрались до руководства министерством, очень быстро «остепенелись», их революционный пыл стал остывать. Мы помним, какие грозные антиклерикальные речи произносил недавно Инар. Сейчас же министр внутренних дел жирондист Ролан в циркуляре судебным органам от 5 апреля заговорил другим тоном. Признав, что церковники нарушают порядок в королевстве, Ролан неожиданно стал доказывать, что король глубоко огорчен этим и что его истинным намерением является «наказать примерным образом преступных виновников религиозных беспорядков». Жирондистский министр не постеснялся выгородить Людовика

XVI живыми уверениями в том, что король, наложив вето на закон 29 ноября, якобы вовсе не стремился поощрять мятежников, а имел лишь в виду доказать Европе, что он «абсолютно свободен». Что касается существа дела, то министр призывал судей не забывать о Декларации прав, которая провозгласила религиозную свободу. «Не трогайте спокойных и безопасных заблуждений; пусть совесть пользуется полнейшей свободой». Наказанию должны подлежать лишь те священники, которые нарушают законы. При этом необходимо соблюдать «полное равенство всех преступников, вне зависимости от их личности или культа». В препроводительном письме Ролан сетовал на то, что в некоторых местностях священникам не выплачивают жалования, и предложил «прекратить это самовольство»⁹⁰.

Таким образом, жирондисты по существу заняли ту же позицию, которую осенью 1791 г. отстаивали фельяны. Когда в Финистере в соответствии с декретом 29 ноября в брестском замке заключили священников, «подозреваемых в возмущении», министр внутренних дел предписал немедленно их освободить. Любопытный случай произошел в департаменте Дубс. Директория департамента не разрешила верующим коммуны Обонн отправлять культ в частной часовне. Тогда те подали жалобу министру внутренних дел, в то время еще представителю фельянов. Он отменил распоряжение департамента. Однако департаментские власти упорствовали, и новый министр жирондист Ролан 24 марта объявил выговор директории, потребовав неукоснительного соблюдения закона о свободе культов⁹¹. А ведь еще в ноябре 1791 г. жирондисты добивались отмены этого закона!

Так повела себя Жиронда. Чего же можно было ожидать от правого крыла Законодательного собрания? В эти месяцы репрессивные постановления департаментов относительно неприсягнувших отвергались большинством как «противоречащие закону».

В буржуазной печати снова начался поход против народных методов расправы с бунтовщиками. А с трибуны Собрания депутат Горгеро говорил: «Народ должен повиноваться конституционным властям... он не более как раб закона». Так осмелились оскорблять на-

род те самые политики, которые стали у власти только благодаря народу.

20 апреля 1792 г. началась война. Папское государство непосредственно в войне не участвовало. Однако сохранились подлинники посланий Пия VI к австрийскому императору, испанскому королю, пьемонтскому монарху, английскому королю и русской царице. Он побуждал монархов к выступлению против Франции на том основании, что, мол, после оккупации Францией Авиньона никто не может быть уверен в целостности своих владений, и благословлял «крестовый поход» против «безбожной революции». Разумеется, переписка была тайной, но ее содержание стало известно и проникло в печать. В брошюре «Conspiration du pape et les cardinaux avec les princes d'Allemagne, s. a.» по этому поводу говорилось: «Папа, этот старый идол католицизма... является душой ужасного заговора против французской нации, который плетется в Риме».

Для войны с европейскими государствами король поставил во главе армии именитых дворян: маркиза Лафайетта, графа Рошамбо, барона Люкнера. Уже первые вести с фронта не предвещали ничего хорошего. При встрече с неприятелем французские войска, руководимые предателями-генералами, бежали с поля боя. Предсказания Робеспьера и Марата сбылись. В народе заговорили об измене, распространился слух, что среди вражеских трупов найдены переодетые неприсягнувшие священники.

В департаменте Верхнего Рейна часть молодежи отказывалась вступать в армию, она дезертировала под влиянием или по совету неприсягнувших. В пограничных районах Трира и Тионвилля священники тайно переписывались с эмигрантами. В военном лагере Рансенн был пойман шпион, оказавшийся кюре, который под видом торговца водкой и хлебом проникал в расположение воинских частей. При нем были найдены планы военных лагерей Живе и Шарлемона.

Тем временем в адрес Законодательного собрания поступали бесчисленные петиции. «Мы требуем принятия более строгих мер,— писали патриоты Вандеи.— Родина не может больше терпеть на своей груди эти кроважадные чудовища». «Сделайте так, чтобы они

(неприсягнувшие священники.— М. Д.) не могли нам вредить»,— просил муниципалитет Сен-Клу. Граждане города Мюрат настаивали «принять меры, чтобы сберечь нашу кровь».

Могли ли жирондисты не считаться с волей нации? В конце концов война грозила поражением, а это вовсе не входило в их расчеты. Им нужна была победоносная война. А тут еще назревший конфликт с королевским двором. Не оставалось ничего другого, как признать, что политика терпимости и умеренности более недопустима. В таком духе высказался 23 апреля 1792 г. Ролан. Он говорил о внутренних волнениях в стране, которые являются «последними судорогами фанатизма и аристократии» и опасны потому, что ими «не замедлят воспользоваться наши внешние враги». Получалось, что Ролан как бы осуждал свою прежнюю позицию и просил Собрание принять законодательные меры, «способные уничтожить в зародыше все внутренние распри, которые нас разделяют, и положить конец раздорам, которые порождены фанатизмом»⁹².

Крайне левые депутаты в Собрании требовали решительных мер. Мерлен заявил, что самым разумным было бы «посадить всех священников бунтовщиков на корабли и отправить в Америку». Даже жирондист Верньо согласился с тем, что высылка — мера необходимая, что нация обязана «выбросить из своего чрева тех, кто в нем остается лишь затем, чтобы его раздирать».

5 мая депутат Франсэ выступил с новым законопроектом. «Если даже предположить,— сказал он,— что духовенство имеет влияние только на $\frac{1}{25}$ часть населения, включая женщин, детей и слабоумных, все же получится миллион человек, составляющих ядро постоянного источника беспорядков. Следовательно, речь идет о том, чтобы либо разрушить это ядро, либо будет разрушена конституция».

Однако практические предложения Франсэ не отличались необходимой твердостью. Он предложил, чтобы по требованию 12 «активных граждан», т. е. собственников, неприсягнувшие были интернированы в главном городе департамента. Те же, кто не пожелает подчиниться либо замешан в каких-либо кознях, будут судимы на основании уголовного кодекса.

Новый проект тоже сводился к полимерам. Марат в своей газете «L'Ami du peuple» доказывал, что предлагаемые меры совершенно недостаточны для предотвращения кровопролития внутри страны в тот момент, когда страна подвергается нападению извне.

Решительную антиклерикальную позицию занял якобинский клуб, который все более испытывал давление народа. Тон выступлений в клубе делался резким. Священников сравнивали с «египетской саранчой», их деятельности приписывались все человеческие несчастья. 13 мая Лежандр предложил вывезти мятежников в море и утопить. Через неделю Варле предложил выслать попов в Алжир и обменять их на французских пленнх из расчета два священника за одного пленного.

В Законодательном собрании в будущем прославленный якобинец Кутон настаивал на изгнании неприсягнувших. Некоторые якобинцы считали, что неприсягнувшие должны быть объявлены вне закона. Жирондистские депутаты, вроде Верньо, тоже склонялись к высылке. Они даже торопили Собрание с принятием закона. 9 мая Ролан зачитал петицию 150 добровольцев-патриотов из Тулузы. Прежде чем отправиться на фронт, они обратились с просьбой принять срочные меры против неприсягнувших.

Наконец, 27 мая 1792 г. Законодательное собрание постановило в качестве «мер общественной безопасности и общей политики» изгнать из королевства неприсягнувших. Священники, подлежащие изгнанию, обязаны были покинуть свое местожительство в 24 часа, пределы департамента — в течение трех дней, пределы Франции — в течение месяца. Отказывающиеся подчиниться решению о высылке должны были препровождаться до ближайшей границы жандармерией. Те же, кто попытается обмануть правительство и не покинет страну или возвратится в нее без разрешения, будут заключены в тюрьму сроком на 10 лет.

Декрет был передан Людовику XVI на утверждение вместе с декретом о создании под Парижем лагеря, в котором находилось бы 20 тыс. патриотов для защиты столицы. При дворе же рассчитывали на скорое вступление интервентов в Париж, поэтому король отважился не санкционировать оба декрета. Ролан убеждал монар-

ха не упорствовать в принятии декретов, иначе народ будет считать его «другом и соучастником заговорщиков». Но напрасны были старания жирондистов: они были удалены из министерства, а к власти возвратились фельяны. Смена власти в министерстве дорого обошлась Людовику XVI и фельянам. Стихийно вспыхнули антимонархические демонстрации в Анжере, Дижоне, Лавале. В столице 20 июня состоялась манифестация, организованная жирондистами. Оратор от секций говорил в Собрании: «Люди 14 июля восстают во второй раз, они пришли обличить монарха, недостойного более занимать трон. Мы требуем, чтобы меч обрушился, наконец, на его голову. Если вы откажетесь исполнить наше желание, то знайте, наши руки подняты, мы сами поразим предателей повсюду, где бы они ни находились, даже среди вас». Демонстранты направились к королевскому дворцу Тюильри. Они заставили Людовика XVI выйти на балкон, надеть на голову красный колпак и бросали ему в лицо слова: «К черту вето, долой попов!».

Ободренные позицией короля, мятежники получили новый стимул к действиям. В Париже в день празднования «тела господня» было немало столкновений между присягнувшими и неприсягнувшими. Фанатики разбивали окна домов, которые не были по случаю праздника украшены коврами.

Клерикальные историки сетуют на то, что по мере приближения врага священники делались все более подозрительными в глазах народа. Иначе не могло и быть, ведь католическая церковь предавала родину! В самые опасные для Франции дни, когда народ напрягал все силы для отпора врагу, церковь наносила ему удары в спину.

Известны многие факты, когда клерикалы оказывали помощь неприятельским армиям, но мы остановимся лишь на одном. На юге Франции неприятели вели контрреволюционную пропаганду. Один из них, Клод Аллье, в феврале 1792 г. специально ездил в центр эмигрантов Кобленц за инструкциями. Он побудил штаб эмигрантов прислать для руководства восстанием графа Дюссайана. Руководители мятежа в районе от Лозера до Роны готовили мятежную армию. Они закупали ружья в Лионе, пушки в Арле, готовили лошадей для

офицеров и провиант для армии. Главными организациями роялистского мятежа были священники — Аллье, ла Бастид, ла Моле и др. Священники служили эмиссарами, связными, рекрутировали «добровольцев», устраивали молебны, распространяли листовки, призвали к убийству патриотов.

Дюссайан не спешил с началом восстания. Он не был уверен в успехе, но Аллье гарантировал, что по первому сигналу поднимутся не менее 15—25 тыс. человек. Были изготовлены знаки с изображением короны, «сердца Иисуса» и словами «Мы боремся за нашу религию и нашего доброго короля».

Мятежники ударили в набат в ночь с 8 на 9 июля 1792 г. Их прокламация призывала народ восстать и «сбросить иго тиранов». В ней говорилось, что настал, наконец, день божественной мести над богохульниками, по вине которых протестанты подняли головы, алтари разрушены, церкви осквернены, замки ограблены, король пленен и т. п. В районе так называемого железского лагеря был поднят мятеж. Начались убийства патриотов. И все же контрреволюционная затея позорно провалилась. На зов роялистов и церкви явилось всего лишь 1200—1600 введенных в заблуждение крестьян.

Против мятежников были двинуты революционные войска и банда была разогнана. Главарей восстания — графа Дюссайана, кюре Прадона, аббатов Буасьена, ла Бастида, ла Молс и др. казнили. Революционные массы, возмущенные подстрекательской ролью церковников, сами расправились с предателями: 53 священника, переодетых в форму национальных гвардейцев, были казнены. Клод Аллье долго скрывался, но был схвачен и гильотинирован в августе 1793 г.

Война создала новую обстановку. Усмирение контрреволюционных клерикалов стало теперь вопросом жизни или смерти революции. С самого начала войны многие департаменты в качестве первоочередной меры обороны собирали неприятели в главные города департамента, чтобы наблюдать за ними, а в Вандее им было прямо предложено покинуть Францию. Королевское вето не принималось в расчет, его игнорировали.

Участились случаи нападения патриотов на монастыри. В департаменте Жиронды добровольцы устроили

самовольные обыски в домах клерикалов и шестерых арестовали. В Дижоне, когда стало известно о том, что священники-эмигранты сражались в рядах неприятеля, патриоты в ночь с 18 на 19 июня самочинно арестовали всех неприсягнувших.

Поражение на фронтах и измена аристократов и священников вызвали еще большее возмущение. Революционные массы не делали никакого различия между изменниками-генералами и изменниками-клерикалами. Тех и других они считали виновниками неудач на фронтах.

После того как 29 апреля французская армия потерпела поражение и отступила, возмущенные солдаты в Лилле убили подозреваемого в предательстве генерала Диллона. Аббат Саладен, известный своими контрреволюционными взглядами, пытался бежать за границу, но был схвачен и казнен. Такая же участь постигла аббата Шаброля в Лиможе, двух священников в Бордо, шестерых аристократов и священников в Марселе. Революционное возмездие покарало контрреволюционеров в рясах в Клераке, Орне, Ардеше, Манок (Нижние Альпы), в департаментах Гар и Ло, в Труа, Мо. Подавление антипатриотической деятельности католической церкви стало одной из задач, которую приходилось решать народным массам в борьбе за победу революции.

Тем временем интервенты двигались на Париж. Главнокомандующий войсками интервентов герцог Брауншвейгский опубликовал в конце июля 1792 г. манифест, в котором целью австрийского и прусского монархов объявлялось «желание прекратить анархию во Франции, остановить нападки на трон и алтарь». Теперь уже ни для кого не было секретом, что иноземный враг имеет союзников в стране — аристократов, священников, короля. Стало очевидным, что никакие частные меры не спасут дело, пока не будет искоренено зло — в самом его основании — в королевском дворце.

Народное восстание 10 августа 1792 г. свергло монархию. Бывший король — единомышленник эмигрантов, покровитель мятежного духовенства, был заключен в замок Тамплль.

Французская революция углублялась, она поднималась на новую, более высокую ступень.

II

Народные методы подавления клерикальной контрреволюции

Восстание 10 августа устранило вместе с королем и фельянов. К власти пришли жирондисты. Но Жиронда воспользовалась плодами восстания, в котором она не участвовала. Теперь ее пугало народное движение, возглавляемое якобинскими вождями — Робеспьером, Маратом, Дантоном и революционной Парижской Коммуной, созданной для подготовки восстания. Конечно, жирондисты не смели открыто противодействовать революции — это грозило им потерей всякого влияния на массы. Но отныне по всем вопросам шла борьба между Жирондой и Горой, т. е. якобинцами, поддержанными Коммуной. Жиронда, например, хотела спасти короля-изменника и всячески сопротивлялась суду над ним. Партия жирондистов решительно протестовала против принятия декрета о спекулянтах и скупщиках. Жиронда боялась народных масс и считала, что революция зашла слишком далеко и углубление ее грозит затронуть священное право собственности. Естественно, что конфликт между крупной буржуазией и демократией нашел свое отражение и в церковном вопросе.

Парижская Коммуна, опираясь на поддержку секций, особенно секций предместий, развернула кипучую деятельность для спасения отечества. 11 августа по ордерам, выданным Коммуной, начались массовые аресты неприсягнувших и аристократов, подозреваемых в измене.

Как свидетельствовал очевидец, бывший духовник принцессы де Конти Барруэль, когда арестованных вели по улицам Парижа, «глупое престонорадоье аплодировало, словно это была закованная в цепи армия Брауншвейгского»¹. Секция санкюлотов распространила декрет об эмигрантах и на неприсягнувших священников: их жилища были опечатаны. Коммуна запретила всю контрреволюционную печать, а редактор клерикальной «Gazette de Paris» Дюрозуа был по приговору трибунала гильотинирован. 12 августа священникам запретили носить церковное облачение вне церкви на том основании, что оно раздражает народ, который «готов оскорбить всякого, кто ее носит». Коммуна быстро исполнила декрет Законодательного собрания от 18 августа о закрытии последних «очагов аристократизма» — монашеских конгрегаций. Она обеспечила немедленную эвакуацию монастырей, дабы использовать их под «мануфактуры для занятий трудолюбивых и полезных людей». Коммуна прекратила выплату жалования всем гражданским служащим церкви — пономарям, причетникам, звонарям, органистам, хоругвеносцам, привратникам и т. д. Она вообще стремилась ослабить влияние церкви на гражданскую жизнь. Так, например, нотариусам было предложено во всех деловых бумагах впредь указывать названия не церковных приходов, а секций, в которых проживают договаривающиеся стороны.

С момента низложения монарха все декреты, отвергнутые им, получили силу закона. Это относилось и к декрету 27 мая 1792 г. Но фактически этот декрет потерял силу, так как в нем предусматривалась высылка мятежников по требованию 20 «активных» граждан, а восстание 10 августа отменило деление граждан на «активных» и «пассивных».

Таким образом, положение по-прежнему оставалось неустойчивым: не было законодательства, которое подкрепило бы позиции демократии против церкви. На местах действовали самочинно. Так, в дистрикте Туркуэн, неподалеку от Лилля, власти препроводили монахинь до границы и предложили им больше не появляться на территории Франции. Тогда же по инициативе якобинцев снова был поднят вопрос о неприсягнувших. 23 августа депутат Делакура заявил: «Займемся финансами, зай-

мемся армией, но прежде всего давайте изгоним священников»².

В этот день на обсуждение Законодательного собрания было выдвинуто предложение о высылке из королевства в течение 15 дней всех неприсягнувших и отрекшихся от присяги. Это предложение горячо обсуждалось. Якобинские депутаты считали необходимым выслать всех неприсягнувших и отрекшихся от присяги во французскую колонию Гвиану, опасаясь, что те вступят в армию эмигрантов. Жирондисты же объявили поголовную высылку неприсягнувших актом «несправедливым и варварским» и настаивали, чтобы закон наказывал лишь тех, «кто нарушил общественный порядок». Таким образом жирондисты противились изданию специального закона против неприсягнувших.

На этот раз прения продолжались недолго: обстановка в стране была суровой, да и сказывалось давление Коммуны. Законодательное собрание принуждено было признать вопрос срочным, и 26 августа был принят третий по счету, но первый, уже не нуждавшийся в чьей-либо санкции, декрет о репрессиях против неприсягнувших. По декрету священники, которые не присягнули либо отреклись от присяги, должны были покинуть в течение восьми дней департамент, а по истечении 15 дней высланы из Франции в любое иностранное государство. В Гвиану же ссылали только тех, кто отказывался добровольно покинуть Францию. Декрет предусматривал десятилетнее тюремное заключение для лиц, уклонившихся от высылки либо нелегально возвратившихся в королевство. От наказаний освобождались больные или лица, достигшие 60-летнего возраста: они оставались под надзором.

Таким образом, только спустя два года после закона о присяге был принят декрет, объявивший неприсяжную церковь незаконной, а неприсягнувших священников — врагами государства и общественного порядка. Если бы он был принят годом раньше, Франция была бы избавлена от многих бед.

Проведение в жизнь этого декрета зависело от позиции местных властей. Парижская Коммуна еще до истечения восьмидневного срока, данного Собранием, в ночь с 29 на 30 августа произвела домашние обыски,

арестовав несколько тысяч неприсягнувших. С другой стороны, были департаменты, в которых администрация проявляла благодушие к неприсягнувшим. Так, в Руане скопилось несколько тысяч неприсягнувших из различных мест. Их привлекало сюда благожелательное отношение к ним администрации. Этим объясняется, что декрет 26 августа был выполнен лишь наполовину. Точных данных о количестве священников, подчинившихся декрету об изгнании, нет. Называют цифру в 30 или 40 тыс. человек³.

В эмиграции священникам покровительствовал Пий VI, обратившийся с воззванием к европейским монархам, в котором просил оказать помощь католическим изгнанникам. Наиболее благоприятный прием был оказан изгнанникам в Англии, где их скопилось около 12 тыс. Английское казначейство истратило на вспомоществование неприсягнувшим более 46 млн. франков.

Несомненно, что удаление неприсягнувших священников содействовало укреплению общественного порядка в департаментах. Но значительное количество священников ушло в подполье. Например, в горных районах Жевенны ни один из неприсягнувших не выехал из Франции. Скрываясь в горах, в домах у фанатичных прихожан, они создавали опасность мятежа. Католические историки не перестают восхищаться «теми, кто вопреки угрозам и опасностям, оставался на местах»⁴. В своих работах эти историки умалчивают, что почти все неприсягнувшие оставались для выполнения неприглядной роли зачинщиков контрреволюции.

Смертельная опасность нависла над Францией. Армия интервентов вторглась в пределы Франции и из-за измены генералов-монархистов быстро продвигалась к Парижу. 2 сентября стало известно о переходе в руки врага Вердена — дорога на Париж была открыта. Защиту столицы взяла на себя Коммуна. Она подняла народ на борьбу против врагов отечества. Все понимали, что для спасения Франции нужны не только отвага и смелость патриотов на фронтах, но и чрезвычайные меры для искоренения внутренней контрреволюции.

Там, где ступала нога интервентов, восстанавливались дореволюционные порядки. Конституционных священников преследовали, возвращались эмигранты. Неприсягнувшее духовенство приветствовало приход австрийцев и пруссаков, оказывало им помощь. Были случаи, когда священники служили проводниками вражеской армии. Архиепископ Камбре угрожал из эмиграции якобинцам департамента Нор всеми карами за то, что они конфисковали его имущество. А в Лонгви неприсягнувшие отслужили молебен в честь герцога Брауншвейгского. Это было национальное предательство. Необходимы были решительные меры против изменников.

В начале сентября в Париже произошло событие, которое жирондисты клеветнически называли «сентябрьскими убийствами». Наспех вооруженные патриоты собирались на фронт. Но 2 сентября стало известно о падении Вердена, о мятежах на Западе, поползли слухи о заговоре в Париже, составленном аристократами, имевшем целью выдать столицу неприятелю и истребить всех санкюлотов. Такие угрозы действительно слышались из окон тюрем, где сидели арестованные аристократы и неприсягнувшие, которых никто не судил. В народе давно выражали недовольство медлительностью властей в осуществлении правосудия. Об этом говорил Робеспьер, на это в середине августа жаловался в Собрании и оратор Коммуны, указавший, что если бы победил король, то «1200 эшафотов давно уже были бы установлены в столице и три тысячи граждан поплатились бы головой за то, что осмелились стать свободными».

И тогда народ Парижа в неудержимом порыве обрушил на врагов свой суровый, беспощадный, но необходимый и справедливый революционный суд. Жертвой народного террора стали и неприсягнувшие. Надо учесть, что в столице, по преувеличенным данным русского наблюдателя, скрывалось не менее 60 тыс. неприсягнувших священников. Париж они выбрали потому, что администрация здесь слыла умеренной. Да и вообще в большом городе легче было скрываться, тем более что священники носили светские костюмы, иные скрывались под видом садовников, водносов, грузчиков и т. п.

Враждебность народа к неприсягнувшим усилилась. 30 августа в Собрании было доложено, что в дистрикте Шатилон духовенство подняло мятеж, в результате которого убито 250 и взято в плен 260 фанатиков. Среди убитых были и священники.

Таковы были обстоятельства, при которых начались сентябрьские события. Некоторые парижские секции — Люксембург, Монтрей, Арси, Гран-Дателье — приняли решение наказать предателей, прежде чем отправиться на фронт. В постановлении секции Пуассоньер прямо говорилось: принимая во внимание опасность, нависшую над родиной, а также «дьявольские ухищрения духовенства», предать «смертной казни всех священников и всех подозрительных, содержащихся в тюрьмах Парижа, Орлеана и других городов».

2 сентября днем 20 арестованных, среди которых было много духовных лиц, препровождали из мэрии в тюрьму Аббатства. Уже по дороге народ пытался расправиться с арестованными, а во дворе тюрьмы их ожидала толпа, жаждавшая учинить суд над священниками. Большинство арестованных было казнено. В течение двух-трех дней в тюрьмах Парижа было предано казни около тысячи врагов, в том числе почти 300 неприсягнувших священников. Стихийно создававшиеся народные суды устанавливали виновность каждого заключенного и лишь тот, кто сумел доказать свою непричастность к контрреволюции, отпускался на свободу. Среди казненных были архиепископ Арля, два брата Ларошфуко, епископы Бове и де Сен.

Сентябрьские дни были днями наивысшего революционного подъема, как писал Марат, днями «всеобщего восстания». В эти дни решающую роль играли жители предместий. Среди 173 «сентябристов» были слесари, портные, сапожники, столяры, золотильщики, рабочие-поденщики, ювелиры, токари, оружейники, тележники, булочники, горшечники, докеры, зеленщики, возчики, граверы, чеканщики, чулочники, корзинщики, повара, ломовые извозчики — в общем весь трудовой Париж. Это они утомили врага и тем предупредили гибель революции. О значении этого события Энгельс писал: «...Буржуа... были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы... что, начиная с Бастилии,

плебс должен был выполнять за них всю работу... без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. феодальный режим неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию...»⁵.

20 сентября 1792 г. французские патриоты одержали историческую победу над армией интервентов в сражении при Вальми. В тот же день в Париже открыл свои заседания Национальный конвент, избранный на основе всеобщего избирательного права.

От антиклерикализма к борьбе с католицизмом

Фельяны и жирондисты, выражавшие интересы крупной буржуазии, ценили религию за то, что она освящает социальное неравенство и эксплуатацию, и редки были случаи, когда политики крупной буржуазии во время революции не подчеркивали свое глубокое почитание «истинной веры». Они желали только одного: подчинить себе церковь, сделать ее своей сторонницей. Даже после того как большая часть духовенства отказалось признать «новый порядок», отношение буржуазии к религии нисколько не изменилось. Именно в ходе революции, когда угрожающе выросла народная инициатива, новый правящий класс должен был искать опоры в католицизме.

Сложнее было отношение других групп буржуазии и интеллигенции к религии. В это время самой передовой партией в революции сделалась якобинская. Якобинцы дали великие образцы революционной борьбы с феодализмом и абсолютизмом. Это были, по определению Ленина, «якобинцы с народом». Им передавался революционный пыл плебейства, его боевая решимость. А в демократических слоях населения, как мы уже видели, антиклерикализм был распространен. И многие представители демократической буржуазной интеллигенции, которые с детских лет увлекались материалистической литературой, теперь сделались наиболее последовательными борцами с католической контрреволюцией. И в этой своей деятельности они опирались на активную часть жителей предместий, на санкюлотов. Антиклерикализм таких деятелей революции, как Эбер

или редактор «Révolutions de Paris» Лустало, постоянных будущего общества религии отводилось почетное место.

неприсягнувшим духовенством? Не вернее ли предположить, что постепенно эта борьба должна была, монастроженные интеллигенты.

жет быть, незаметно для самих ее участников, перейти в борьбу против католической церкви вообще и, на-собранне принуждено было стать на путь репрессий, конец, против всякой религии? Буржуазные историкиестественно, должны были ослабевать, а в некоторой видят в этой эволюции воздействие одной только ате-мере даже обрываться бывшие связи государства и церкви-истической философии XVIII в. В действительности жеви. В начале июня 1792-г. католическая церковь отме-антихристианские взгляды, почерпнутые демократиче-чала праздник так называемого «тела господня». Обыч-ской интеллигенцией в литературе, могли проявитьсяэно эти празднества носили официальный характер, т. е. лишь в определенных условиях, а именно, когда цер-были обязательны и для государственных учреждений. ковь стала мешать освободительному движению. Собы-В первые годы революции не только национальная тия показали, что католицизм сделался программой-ардия, но и Учредительное собрание участвовало в феодальной реставрации. Как же можно было бороться-тих церемониях. На этот раз парижский муниципали-с врагом, не задевая в то же время его идейную опору?т постановил: не принуждать граждан украшать фа-

Поэтому все чаще в памфлетах Эбера, в статьях Лу-ады своих жилищ, так как это дело добровольное и стало уже в 1791 г. встречались выпады против духо-не должно стеснять свободу религиозных мнений; на-венства, которое прибегает к обману, а то и к мошен-циональная гвардия не должна присутствовать на цере-ничеству для удержания народа в невежестве и духов-мониях при отправлении какого-либо культа; торговля ном угнетении. Нередко уже тогда темой их выступле-и работа мастерских не должны прекращаться и во вре-ний была не враждебная деятельность духовенства, а-мя празднеств. сама церковь как религиозное учреждение. Отсюда лег-Направляя это постановление в парижские секции, че было перейти к нападкам на католицизм и христи-прокурор Коммуны Манюэль писал, что недалек тот анство.

Иных взглядов придерживались признанные яко-пределы своих храмов и не будет загромождать ули-бинские авторитеты Робеспьер и Дантон. Инициатива-своими процессиями: ведь общественные места и обуздания мятежного духовенства исходила не от них-ицы принадлежат всем и никем не могут быть ис-В 1791 г. под влиянием событий они энергично поддер-пользованы в качестве частной собственности. Он под-живали предложения о репрессиях против клерикаль-рмывал значение просвещения и философии, которые ной контрреволюции, но в выступлениях Робеспьера-вместе «с царством разума должны расти и подгото-Дантона не было ничего, что ущемляло бы церковь-вить полное уничтожение предрассудков, под бреме-религию. Спешим оговориться. При решении этих воп-нем которых слишком долго сгибалось человечество». росов Робеспьер исходил прежде всего из государствен-Постановление Коммуны и особенно циркуляр Ма-ных соображений: он не одобрял политику, затрагива-нюэля были с удовлетворением встречены демократиче-ющую религиозные чувства масс, крестьян в первую-ской интеллигенцией. Эбер откликнулся на это событие очередь, так как опасался, как бы это не оттолкнул-специальной статьей. «Как я доволен, черт возьми! — их от революции. Ни сторонники Робеспьера, ни те-писал он.— Я читал и перечитывал превосходное поста-более дантонисты (последние тяготели к буржуазии-новление, подписанное Петионом. Ну и умно же и хо-разбогатевшей на спекуляции и поставках в армию) н-рошо здесь сказано.... Царство попов прошло и никогда разу за эти годы не высказали непочтения к церкв-не вернется. С каждым днем все более и более разру-К тому же Робеспьер вовсе не был атеистом, в его пла-шаются суеверие и фанатизм, которые, как известно,

были самым страшным оружием попов». Будущий де-христианизатор развенчал крестные ходы и религиозные процессии, во время которых церковники выставляли напоказ свою постыдную роскошь, чтобы ослепить верующих. Статья заканчивалась словами: «Продолжай, друг Манюэль, и дальше двигаться в этом направлении, мы тебя поддержим. Просвети разумом предрассудки и выведи на чистую воду фанатиков... будь бдителен, попы всегда останутся попами, одни не лучше других»⁶.

Постановление Коммуны имело намерение лишь ослабить связи между церковью и государством, Эбер же шел дальше. Для него эта мера должна служить средством разоблачения клерикальных хитростей и мошенничества — совсем в духе антицерковной литературы XVIII в., для которой причины религиозности лежат в невежестве масс и поповском обмане. Характерно, что в 1790 и 1791 гг. Эбер писал только о политической деятельности духовенства, не затрагивая церковь как религиозное учреждение, духовно порабащающее массы. Переход от антиклерикализма к нападкам на христианство совершился позже, под влиянием условий военного времени.

Может показаться странным, что и директория парижского департамента, в большинстве своем состоявшая из фельянов, одобрительно отнеслась к постановлению муниципалитета. Однако вспомним, что в 1791 г. именно фельяны, желая вывести неprisягнувших из под удара, внесли предложение отделить церковь от государства. Они и теперь считали, что церковь тем меньше пострадает, чем слабее будут ее официальные связи с государством. Постановление 1 июня нашло одобрение и в жирондистской печати.

Якобинцы же были недовольны. Они считали, что постановление Коммуны, а главное, циркуляр Манюэль содержат выпады против церкви и потому представляют опасность для революции. Этот взгляд и выразил Демулен, сказав: «Дорогой друг Манюэль, короли уж созрели, но господь бог — нет».

В Законодательном собрании этот вопрос возник связи с тем, что духовенство церкви Сен-Жерме-л'Оксерруа пригласило депутатов официально прису-

ствовать на церемонии праздника «тела господня». Но Собрание отказалось принять приглашение. Оно лишь объявило день праздника свободным от заседаний, так что депутаты по желанию, но только как частные граждане, а не как официальные представители парламента могли участвовать в церемонии. Таким образом, действия муниципалитета не были осуждены. Июньское постановление парижского муниципалитета и было началом своеобразного этапа во взаимоотношениях церкви и государства, которое мало-помалу становилось светским.

3 июня на заседании якобинского клуба Делакура, говоря о средствах, необходимых для обороны государства, указал на церковные колокола. «Я предлагаю, — сказал он, — отправить на государственный монетный двор колокола, которые лишь нарушают наш покой, а также статуи все еще угрожающих нам деспотов. Уничтожьте эти символы рабства и поклонения, служащие лишь для поддержания суеверия и невежества, и замените их изображениями людей... чьи образы способны пробудить в народе священный энтузиазм к делу свободы. Пусть наши граждане воспитываются на их бессмертных творениях, вместо того чтобы этим занимались люди, преисполненные предрассудками, без которых вполне можно обойтись»⁷.

Для жирондистов подобное обоснование не было приемлемым, для фельянов — подавно, и предложение Делакура никто не поддержал. Но 14 августа, в связи с острой нуждой в вооружении, он повторил свое предложение, однако уже без каких-либо выпадов против церкви, и оно было подтверждено декретом Законодательного собрания. Показательно, что Парижская Коммуна уже 17 августа реализовала декрет. Но в принятом по этому поводу постановлении все распятия, налои, изображения ангелов, чертей, серафимов, херувимов и т. п. характеризовались как «причудливые знаки изображения, существованию которых мы обязаны плутовству священников»⁸. Тогда, желая вырвать у Коммуны инициативу, 10 сентября Собрание постановило изъять из церквей все ценности, за исключением священных сосудов, употребляемых для обрядов. Но мотивировка декрета не содержала и намека на оскорбление

культу. Здесь только подчеркивалось, что драгоценности не нужны и даже противоречат простоте, которой должен отличаться культ, а так как отечество находится в опасности, то следует удовлетворить военные нужды всеми доступными способами.

18 августа был принят декрет о закрытии всех монашеских конгрегаций. И сейчас речь шла вовсе не о том, чтобы умалить значение религии в жизни общества. К этому буржуазию вынуждали обстоятельства военного времени и необходимость оградить революцию от опасности. А монастыри были весьма подозрительны. Еще в феврале 1792 г. докладчик по народному просвещению в Законодательном собрании указывал, что школы, находящиеся в ведении церкви, превратились в очаги антигосударственной пропаганды и пребывают в очень плохом состоянии. Депутаты также подчеркивали, какую опасность для общества таят в себе конгрегации, которые «сеют в умах детей дух фанатизма и аристократизма». Руководствуясь этими соображениями и «принимая во внимание, что свободное государство не должно терпеть в своей среде какие бы то ни было объединения, не исключая и те, которые были заняты народным образованием и принесли большую пользу отечеству», Собрание постановило закрыть все религиозные конгрегации и в соответствии с этим запретить ношение церковного одеяния вне службы для всего духовенства.

Статья 4 декрета устанавливала, что отныне все дела народного просвещения изымаются из рук католической церкви, а это был важный шаг к отделению церкви от школы. Этот акт заметно ослабил связи церкви с государством и освобождал дело народного образования от опеки духовенства.

Парижская Коммуна 28 августа тоже приняла постановление, свидетельствующее о том, как постепенно совершался переход от антиклерикализма, т. е. борьбы с духовенством, к борьбе с католицизмом. В постановлении говорилось: принимая во внимание, что нынешние религиозные церемонии противоречат принципам равенства, что в свободной стране взгляды, «порожденные фанатизмом и суеверием, должны быть разрушены и заменены здоровой философией и чистой моралью»,

Коммуна постановила ввести одинаковые для всех умерших погребальные церемонии. Запрещались факельные шествия, а обычным похоронным процессиям разрешалось занимать лишь одну сторону улицы. Отменялись также привилегированные места для богатых в церквях, а священникам запрещалось требовать плату за совершение обрядов.

20 сентября 1792 г. Законодательное собрание решило изъять акты гражданского состояния, т. е. запись браков, рождений и смертей, из ведения церкви и передать их в руки муниципалитетов. В тот же день был принят декрет, разрешавший браки католическим священникам. Чем были вызваны декреты, которые, по оценке буржуазной антиклерикальной литературы, «сделали нас доподлинно свободными гражданами, освободив нас от церковной опеки»?

Несомненно, эти акты были вызваны к жизни конкретными условиями — расколом в церкви и сопротивлением революции со стороны неприсягнувшего духовенства. Дело в том, что по действующим законам государство признавало только «конституционных» священников, т. е. тех, кто давал присягу. Но известная часть населения не пожелала пользоваться услугами «самозванцев», и неприсягнувшие священники в значительной части Франции продолжали по-прежнему выполнять свои функции. Таким образом, создалась невероятная путаница в записях гражданских актов, не говоря уже о том, что в ряде мест должности священников были вакантны и населению просто негде было получить нужные документы и справки. Бывало и так, что новорожденного крестили у неприсягнувшего, а свидетельство о рождении получали у «конституционного» кюре. Уже в 1791 г. нередко местные власти вынуждены были сами регистрировать гражданские акты.

Существовало, однако, еще одно соображение в пользу передачи этих актов государству. До революции католическая церковь была господствующей, только ей принадлежало право гражданских регистраций и к ее услугам вынуждены были обращаться все, в том числе и не католики. Надо было избавить последних от обращений по гражданским вопросам к католической церкви. Как мы видим, сама обстановка диктовала необхо-

димость регулирования одного из важных элементов гражданской жизни. Законодательное собрание пошло на этот шаг потому, что не было иного выхода, и лишь после того, как оно убедилось в окончательном крахе попыток сделать церковь своей союзницей.

Что касается законопроекта о разводе, то он не встретил возражений в Собрании, поскольку это «право гражданина» вытекало из «личной свободы, которая была бы уничтожена существованием нерасторжимых соглашений», и поскольку брак являлся «простым гражданским договором». Но, конечно, и этот декрет умалил авторитет церкви, так как отменял одно из ее вековых установлений, нарушение которых до сего времени считалось отступничеством.

Таким образом, раз начавшийся процесс ослабления уз между церковью и государством продолжался. И это было неизбежным следствием классовой борьбы в ходе буржуазной революции — разгоревшейся войны католической церкви против революции, с одной стороны, и народного антиклерикального движения, с другой. Но и теперь христианство и католические догматы были ограждены от нападок. Борьба шла пока только с церковью как учреждением, поставившим себя на службу контрреволюции.

Так обстояло дело и в начале работы Конвента. Мы не вправе игнорировать главного — классовой борьбы, основной пружины, двигавшей революцию по восходящей линии. А церковь сама добровольно заняла свое место в этой борьбе. Вот, например, 27 сентября 1792 г. перед Конвентом отчитывались комиссары, направленные в провинцию для ускорения набора добровольцев в армию. Один из них, Альбитт, заявил: «Меня удивляет, что священникам, как бывшим бенефициантам, продолжают давать шеститысячные пенсии. Не слишком ли это много... Мы требуем сокращения пенсий». Альбитта поддержали, а Манюзль воспользовался случаем, чтобы ответить Демулему: «Вопрос о священниках созрел так же, как вопрос о монархии... Ударим по этому старому идолу!». И Конвент постановил сократить пенсии до 1000 франков. Было бы нелепо ожидать от Конвента благосклонности к католическому духовенству, но и у него не было в мыслях ущемлять религию

и оскорблять религиозные чувства населения. Это показали 13 ноября 1792 г. прения по предложению якобинца Камбона об отмене расходов на содержание культа, составивших не менее 10 млн. франков в год. Соображения экономии были не единственными — здесь существовало также намерение продолжить политику дальнейшего ослабления связей и полного отделения церкви от государства. Камбон предлагал, чтобы верующие сами несли расходы по содержанию культа.

Предложение Камбона возбудило в стране сильные антикатолические и антихристианские настроения. Любопытный адрес прислало Конвенту народное общество коммуна Сутеррен. «До каких пор, — спрашивали авторы письма, — нам придется кормить жреческую клику, нетерпимость и испорченность которой доказаны историей? Духовенство принижено, но оно еще не раздавлено. Трепещите, как бы оно снова не поднялось и не начало действовать с прежним ожесточением». Далее они спрашивали, «возможно ли вообще терпеть религию, которая по самому существу нетерпима?». Они соглашались с тем, чтобы верующие сами оплачивали своих священников, ибо «вполне справедливо, чтобы каждый оплачивал свои собственные удовольствия». Наконец, выражалась надежда на то, что «едва ли в наш просвещенный век найдется много глупцов, желающих пользоваться услугами священников, чья мораль действует разрушающе на общественный дух». Все католические добродетели сводятся лишь к «посту, власянице, слепому повиновению и дисциплине»¹⁰.

Из этого документа нетрудно увидеть, как поднималась на новую ступень борьба с контрреволюционным духовенством. Местами под влиянием свободомыслящих интеллигентов она уже переходила в споры о целесообразности содержать церковь и духовенство вообще. Уже высказывались сомнения в разумности католической религии. Но подобные проявления непочтения к церкви были еще редки, и даже те немногие якобинцы, кто поддерживал Камбона, оперировали доводами отнюдь не антирелигиозными. Например, Шабо, бывший священник, ссылаясь лишь на то, что принудительная оплата религиозных расходов противоречит

Декларации прав гражданина и человека, которая провозгласила свободу религиозных убеждений.

Против законопроекта выступили многие видные деятели якобинцев. Дантонист Базир отверг проект как возможный источник смут. По его словам, декрет грозит лишить священников средств к существованию, а кроме того, он опасен, так как народ еще привязан к религии. «Как сумеете вы убедить какую-нибудь старуху, что религию не отменили, раз отменили государственные расходы на содержание культа?... Повторяю, проект декрета плох и останется таким до того времени, пока не перемрут все старухи»¹¹.

Некоторые якобинские ораторы предупреждали, что принятие декрета способно вызвать беспорядки, так как «религиозные убеждения народа» священны и незыблемы, а «на предрассудки не следует нападать без необходимой подготовки, с ними надо бороться средствами просвещения».

Существовал еще один важный довод. 30 ноября комиссары, вернувшиеся из департамента Эндр и Луары, докладывали о волнениях, вызванных дороговизной. Докладчик Бирото сообщил, что толпа заставила их подписать распоряжение о введении твердых цен на яйца и масло, что среди собравшихся было много священников, которые произносили речи от имени народа. При этом выдвигалось требование передела земли, обоснованное тем, что буржуа достаточно долго пользовались всеми жизненными благами и что теперь настала очередь бедных рабочих.

Сообщение Бирото встревожило депутатов. Дело в том, что осенью 1792 г. из-за дороговизны народные волнения происходили довольно часто. Беднота захватывала хлебные склады, народные низы требовали борьбы со спекуляцией путем установления максимума, т. е. твердых цен на продукты. Эти и другие факты, означавшие обострение классовой борьбы, напугали жирондистов, которые устами своего вожака Бриссо теперь требовали остановить революцию, иначе она «ниспровергнет все». Донесения комиссаров показали, что священники в корыстных целях даже поддерживали в рабочих и бедноте подобные настроения. Легко себе представить, как встревожена была буржуазия

этим сообщением. И она рассудила, что в такое время не следует допустить ни малейшего ущемления религии и церкви, поскольку они всегда стояли на страже порядка в обществе. И в этом духе произнес большую речь Дантон.

В начале своего выступления Дантон сказал, что сам он не знает иного культа, кроме «культа справедливости и свободы». Но, заявил он, «человек, обиженный судьбой, ищет утешения, видя, как богатые предаются всем своим прихотям, как они удовлетворяют все свои желания, в то время как он должен ограничить свои потребности самым необходимым, он ищет утешения в вере. Он верит, что в будущей жизни его ожидает вознаграждение в виде наслаждений, которые умножатся в соответствии с теми лишениями, какие он испытывает на земле. Оставьте ему это заблуждение».

Робеспьер в журнале «Письмо к избирателям» доказывал, что предлагаемый проект вреден и политически опасен в настоящее время, когда республика еще не упрочена. Вождь якобинцев пространно доказывал, что религиозные догмы служат «опорой нравственности и тому высокому учению о равенстве, которое Христос некогда преподавал своим согражданам», что недопустимо лишить народ, особенно его бедную часть, священников, которых он не в состоянии будет содержать. А в этом случае произойдет самое худшее — бедняки «почувствуют всю тяжесть нужды, отнимающей у них блага жизни, вплоть до надежды»¹².

Конвент не согласился с предложением Камбона и, желая успокоить верующих, 30 ноября обратился к народу с заверениями в том, что никто не намеревается лишить его служителей культа.

Несмотря на это, декристианизация продолжала расширяться. 23 декабря Парижская Коммуна запретила рождественскую заутреню и ночную мессу, которые враги могли бы использовать, чтобы вызвать волнения среди народа.

В Париже обстановка была напряженной. Происходил судебный процесс над монархом-изменником; аристократы и церковники замыслили похитить короля, был составлен заговор, о котором знал духовник Людовика XVI аббат Фирмон. На ночных сходках на

чердаках неприсягнувшие пели гимны, жгли свечи, молились за короля, королеву и наследника. В столице распространялся памфлет под названием «Молитвенник парижанок для защиты Людовика XVI». Контрреволюционные листовки подбрасывались в подъезды домов, подсовывались под двери. Удивительно ли, что Коммуна и революционная печать должны были проявлять необходимую бдительность? Газета «Révolutions de Paris» шла дальше, она высмеивала сам праздник, отмечающий рождение «внебрачного» сына. Здесь уже затрагивались основные догматы католицизма так же, как это делалось в атеистической литературе.

Ночные мессы все же состоялись. Постановление Коммуны было встречено верующими с раздражением. Притаившиеся враги воспользовались им для разжигания фанатизма и враждебности к революции. В церквах Сен Жак Ла-Бушери, де-л'Опиталь, Сен-Эташ, Сен-Мэри и Сен-Жерье муниципальные чиновники, явившиеся, чтобы воспрепятствовать мессе, подверглись нападению, а заутрени была отслужена.

Якобинцы были правы: даже в столице, где «свет разума» сиял ярче, нежели в провинции, массы не были еще подготовлены к тому, чтобы отказаться от «суеты». Как бы то ни было, за истекшие месяцы появились зачатки дехристианизации, а бывшие прочные связи государства и церкви ослабли. Но вот произошло событие, оказавшее огромное влияние на отношение масс к церкви,— началось восстание в Вандее.

Вандейский мятеж и католическая церковь

В начале 1793 г. положение революционной Франции резко ухудшилось. Казнь Людовика XVI послужила Англии предлогом для вступления в войну. Хозяйственная жизнь была расстроена, спекулянты вздували цены, в рабочих предместьях начался голод. А жирондисты только и думали, как бы усмирить демократическое движение, разогнать Коммуну, убрать Марата. В эти месяцы и католическая церковь усилила свои действия против революции. Эмигранты-церковники созвали в Швейцарии конференцию, которой руководил епископ Пюи. В принятой резолюции говорилось, что

церковь ожидает полной реставрации, возвращения духовенству его «имуществ, прав и владений, привилегий, почестей и прерогатив в таком виде, как они существовали до созыва Генеральных штатов»¹³.

Неприсягнувшая церковь не подчинилась декрету 26 августа 1792 г. о высылке. Добрая половина ее служителей отказалась покинуть Францию и скрывалась в горах и лесах. Переодетые пастухами и нищими, они тайно исповедовали и причащали прихожан.

Церковники стремились подорвать обороноспособность государства. 24 февраля 1793 г. Конвент издал декрет о наборе 300 тыс. человек в армию. Воспользовавшись тяжелым положением крестьян и недовольством, вызванным декретом о мобилизации, церковь стала побуждать молодых людей к дезертирству и толкать население на мятежи.

О волнениях, возникших по поводу рекрутского набора, сообщали отовсюду. В Мон-Блане при усмирении мятежа погибли десятки фанатиков, требовавших отмены набора. В появившихся в районах Морбигана, Финистера, Ардеша и Лозера бандах было много священников. В Страсбурге вооруженные толпы требовали возвращения короля, принцессы, восстановления религии и отмены набора. В Верхней Луаре 2000 восставших отказались идти в армию. Вооружившись, они нападали на патриотов, затем укрылись в горах, намереваясь вызвать гражданскую войну.

Как явствует из донесений комиссаров, положение на местах было в ряде случаев тревожным, так что они принуждены были принять чрезвычайные меры и прежде всего арестовать неприсягнувших. В Финистере и Морбигане были арестованы даже пономари, звонари и прочие служители. Арестованных высылали за границу. Комиссар Конвента Фуше писал из департаментов Нижней Луары и Майенны: «Мы арестовали всех аристократов и священников... Если бы всюду была проявлена такая твердость, рекрутский набор не натолкнулся бы на такие трудности»¹⁴. В большинстве мест удавалось рассеять сборища, однако иначе обстояло дело в так называемой Вандее (департаменты Вандеи, Нижней Луары, Майенны, Мены и Луары и обеих Севр). Здесь католическая церковь сумела добиться

успеха, спровоцировав гражданскую войну под знаменем религии.

Восстание началось в момент, когда вся феодально-монархическая Европа вторглась в пределы Франции. Вызвав вандейский мятеж, католическая церковь совершила акт величайшего национального предательства. Но это не мешает церкви и по сей день восхвалять Вандею, как «одну из самых блестящих страниц в религиозной истории». Вандея используется и поныне для реакционных целей. Так, аббат Билло в 1947 г. многозначительно намекал: «Житель Ванден, вспомни о вчерашнем дне и думай о завтрашнем»¹⁵.

Мы уже рассказали об условиях, благоприятствовавших антипатриотической деятельности церкви в этих районах. «Деятельность» неприсягнувших была здесь опасной — они призывали к мятежу. Одно такое волнение произошло в августе 1792 г. в Шатильоне, где священники внушили крестьянам, что они должны сражаться за бога, за священников и короля. Крестьянам вручали кресты и распятия, якобы делающие их неуязвимыми. Их уверяли, что если они и умрут, то ровно через три дня, как Христос, воскреснут. Подобными методами удалось увлечь две тысячи человек, которые восстали и захватили Шатильон, учинив погром и избивание патриотов. Среди мятежников было много неприсягнувших священников. При нападении на город Брюсюр они были разбиты, потеряв несколько сот убитыми и ранеными. Генеральный прокурор департамента докладывал: «Главные виновники происшедшего — неприсягнувшие священники. Пленные рассказывали, что перед восстанием их оружие было окроплено святой водой. На многих убитых были найдены молитвенники и четки. Глупые мятежники были убеждены, что это их избавит от всякой опасности».

В католической литературе существует легенда, изображающая вандейское восстание как «внезапный порыв» народа, привязанного к своей вере, как стихийное движение крестьянства, оскорбленного в своих религиозных чувствах. Что касается дворян, то авторы легенды уверяют, будто крестьяне «силой» принудили их возглавить свои армии. Сама же церковь тут ни при чем, она ведь служительница «бога мира»,

На деле католическая церковь, готовя восстание, действовала в союзе с аристократами, которые в большом количестве ссылались и обосновывались в Вандее, в то время как ранее они сюда заглядывали лишь изредка. Но дворяне не пользовались популярностью в народе и под их обветшалым знаменем невозможно было собрать армию. Вот почему на первых порах они держались как бы в стороне. Инициаторами и подстрекателями мятежа были главным образом неприсягнувшие. Газета «*Révolutions de Paris*», едва получив известие о мятеже, писала: «Если контрреволюция была возможна, то этим мы обязаны священникам; дворяне в массе не пользуются влиянием, их никто не жалеет». Виктор Гюго был прав, утверждая, что Вандея — это огромный католический мятеж.

Поводом к мятежу послужил набор в армию. 10 марта 1793 г. по сигналу в 600 деревнях ударили в набат. Восстание началось одновременно в Мен и Луаре, в окрестностях Ванна и Бреста, в Нижней Луаре, в Вандее, и всюду мятежники были вооружены. Сразу же появился клич: «Да здравствуют священники! Религия! Король! Старый режим! Смерть патриотам!». На первых порах военными вожаками была дворянская челядь: некий парикмахер Гастон, фанатичный крестьянин Кателино, сборщик налогов Сюшу, охотничий стражник Штоффле и другие второстепенные фигуры. Вскоре движение возглавили хозяева старой Франции — аристократы: генералы Боншан, Шарет, Лескюр и др. Был создан Верховный совет, который располагался в Шатильоне. В него, наряду с другими, входили аграрский лжеепископ Гюйо де Фоллевиль, аббаты Бернье и Ларошфуко, викарий Брэн и бенедиктинец Жаго. Самой активной фигурой в руководстве, «душой» совета был аббат Бернье, жестокий фанатик, автор первого «адреса к французам» от имени Людовика XVII, в котором цели восстания определились так: «Возвратить и навсегда сохранить нашу святую католическую апостольскую и римскую религию, иметь короля, отца и покровителя нации»¹⁶. Это он настаивал и добился заключения в тюрьму всех оставшихся в живых республиканцев, включая их жен и детей. Когда однажды в плен к вандейцам попало 6 тыс. солдат республиканской армии, то на Совете аббат Бернье первым потребовал их

истребления. Этого, впрочем, требовали и 11 других священников, среди них епископ Анжера.

По своему характеру мятеж был монархическим и феодальным, но знаменем его был католицизм. Знаком армии вандейцев было изображение «сердца иисусова», увенчанного крестом. С первого и до последнего дня мятежники воевали с тем ожесточением, на которое способен лишь фанатизм. Церковь не просто одобряла утонченные пытки, потрясавшие современников,—она сама показывала примеры издевательств над своими жертвами.

Церковь не только подготовила и спровоцировала мятеж, но и поддерживала боевой дух восставших — отпущала грехи за учиняемые зверства, освящала убийства; подло обманывая простодушных, она внушала им презрение к смерти. Например, верующим показывали трех стариков со шрамами на шее и уверяли, что все они были гильотинированы, но воскресли. В одном месте был инсценирован расстрел «божьего человека». В него было произведено 15 выстрелов, но так как стреляли холостыми патронами, то он, естественно, остался жив. Не приходится удивляться, что вандейцы порой безоружными бросались на пушки и, конечно, тысячами погибали под картечью. Зато они не знали никакой пощады к патриотам.

Вот на какие зверства шли вандейцы в Машекуле. Конституционный священник Летор был убит не сразу — его прежде кололи штыками в лицо. Гражданина Пейно арестовали вместе с 17-летним сыном. Ему предложили отречься от нации, но он отказался и был убит. Тогда разбойники обратились к сыну. «Ты видел, какая участь постигла твоего отца. Присоединяйся к нам и кричи: «Да здравствует король! Да здравствуют аристократы!» и мы тебя не тронем». Но сын отказался подчиниться изменникам и с возгласом «Да здравствует нация!» пал под ударами палачей. Подобным образом в первые два дня погибло 44 патриота. Вскоре в Машекуль прибыл один из главарей мятежников Шаретт, с этого времени не проходило и дня без массовых убийств. В своем иступлении мятежники доходили до того, что арестованных привязывали к одной длинной веревке, затем выводили в поле и ставили на колени перед большим рвом. Их расстрели-

вали, а затем закалывали тех, кто еще проявлял признаки жизни. У председателя правления дистрикта Жубера сначала отпилили кисти рук, после чего его закололи штыками. Мятежники закапывали живых людей в землю, распиливали их пополам. Всего в Машекуле было убито свыше 540 граждан, в городе Шоле были замучены сотни патриотов.

Церковь сама определила свое место в мятеже. Например, некий Дрион, бывший машекульский викарий, распорядился воздвигнуть алтарь на том самом месте, где были зверски убиты патриоты. Он совершал мессу в то время, как его сутана влачилась в крови убитых патриотов. Кюре Барботен лично участвовал в расправах над гражданами.

Пока республика не приняла решительных мер, вандейцы установили свою власть на значительной территории. Что же представлял собой тот политический и социальный режим, который они установили? Здесь происходила полная политическая реставрация, т. е. была провозглашена власть Людовика XVII, восстановлен «старый порядок» и прежде всего привилегии католической церкви. 11 июля «Верховный совет» вандейцев отменил продажу имуществ духовенства. Все бывшие владельцы доходных бенефиций восстанавливались в своих правах. Лица, уже приобретшие «национальные имущества», могли временно ими пользоваться, но лишь в качестве арендаторов или управляющих и обязаны были давать отчет прежним владельцам. Арендные же договоры оставались в силе. Эта оговорка учитывала интересы той части мятежников, которая приобрела или арендовала бывшие церковные имущества.

Современники сознавали, что Вандея несет с собой угрозу реставрации. Например, генеральный совет департамента Луара и Шер в обращении к населению писал: «Если бы вандейцам удался их заговор, вы скоро увидели бы нового деспота на троне; политические и гражданские свободы были бы уничтожены навсегда; десятины, барщина, оброки, феодальный режим снова вернулись бы в поработленную Францию; бывшие благородные потребовали бы себе свои титулы, а священники — свои имущества, проданные нации».

Именно такие надежды и возлагали на Вандею сторонники власти помещиков и короля. И пресловутый аббат Мори 23 июня направил Пию VI адрес, в котором намечались совместные действия. Так как события, по мнению Мори, приближаются к концу, то необходимо, чтобы папа немедленно отлучил от церкви присягнувшее духовенство. Он требовал осуждения безбожной философии и запрета свободы печати; отмены декретов о веротерпимости и возвращения протестантов к тому положению, какое существовало при Людовике XIV; восстановления всех религиозных орденов и возвращения имуществ церкви; восстановления папы в его владениях в Авиньоне и Венессене; отмены декретов о секуляризации записей гражданских актов, разводах, а также о браках священников.

Вандея содействовала новому патриотическому подъему. Отовсюду на помощь республике спешили граждане добровольцы. Из дистрикта Вандом 500 человек направились на войну с Вандеей. В департаменте Коррез изъявили желание пойти добровольцами 600 человек, в Соне и Луаре 3 тыс. человек. Своих добровольцев предлагали Конвенту парижские секции. Комиссары Конвента на местах вынуждены были в предупредительных целях арестовывать неприсягнувших. Так было в Тулоне, где 72 священника и дворянина были заключены в тюрьму. Строже стал осуществляться декрет 26 августа о высылке. Но этих мер было недостаточно.

18 и 19 марта 1793 г. Конвент принял декрет, объявлявший ванзейцев вне закона и каравший их смертной казнью. Такая же мера наказания предусматривалась в отношении «священников, бывших дворян, сеньоров, эмигрантов, агентов и слуг этих лиц», которые спровоцировали и поддержали мятеж. Учитывая роль церкви в событиях в Вандее, Конвент в эти дни вернулся к вопросу о неприсягнувшем духовенстве вообще. 18 марта 1793 г. он постановил, что всякий неприсягнувший священник, подлежавший высылке и найденный на территории Франции, будет предан военному суду и смертной казни в течение 24 часов. 23 марта эти меры были распространены и на недолжностных лиц — монахов, каноников, капелланов и прочих бенефициантов, которые обязаны были покинуть Францию в течение недели.

Точно не установлено, какая часть клириков уклонилась от подчинения данному декрету, но Франция так и не могла избавиться от этого внутреннего врага. Неприсягнувшая церковь могла держаться в подполье потому, что администрация, местами состоявшая из жирондистов, покровительствовала им. Дело в том, что к лету 1793 г. партия жирондистов окончательно превратилась в контрреволюционную силу, сомкнулась с монархистами и стала помехой революции. За нею пошла и конституционная церковь.

III

Конституционная церковь в 1793 г.

До сих пор революции приходилось обороняться от неприсяжной церкви. Но вот настало время, когда и на конституционную церковь нельзя было более полагаться. Сначала робко и по вопросам чисто каноническим отдельные представители присягнувшего духовенства стали сопротивляться законодательству революции. Летом 1792 г. газета «*Révolutions de Paris*» выступила против кальвадосского епископа депутата Клода Фоше, который обрушился в проповеди на викария Обера, нарушившего обет безбрачия. Он заявил, что «религия запрещает многое из того, что разрешает конституция». И газета спрашивала: только ли неприсягнувшее духовенство является врагом патриотизма и разума¹?

Но что же произошло? Клерикальные историки отвечают так: революция вступила в период, когда религия более не уважалась, а потому не было больше нужды и в конституционных священниках. Антиклерикальная буржуазная литература также недалеко ушла от подобного объяснения. Она подчеркивает главным образом то, что законы о браке и разводе раздражали конституционное духовенство. Жорес считал, что конституционное духовенство начало волноваться, так как «предчувствовало, что сама логика революции приведет ее к ликвидации всякого официального культа». Эти доводы не могут быть приняты нами безоговорочно.

Как бы ни были раздражены декретами 20 сентября все церковники, не было ничего в ходе революции, что

говорило бы о недооценке религии. Более того, уже после сентябрьских дней в Конвент были избраны 17 епископов и 31 священник.

Подлинные причины следует искать в изменившейся политической позиции самих присягнувших в результате развития революции по восходящей линии. Основная масса конституционного духовенства дала присягу в начале 1791 г., когда у власти находились еще фельяны и король. Присягая, они одобряли конституционную монархию, тот режим, который устраивал крупную буржуазию. За истекший год положение в стране резко изменилось, да и фельяны были устранены вместе с Людовиком XVI. Могли ли церковники остаться безразличными к тому, что революция приняла более демократический характер и выдвинула на первый план санкюлотов и плебеев, ставших главной силой движения? Разумеется, нет. И конституционная церковь постепенно перешла в оппозицию к революции. Весьма показательны ее взаимоотношения с жирондистами. Пока жирондисты рвались к власти и выступали с резкими предложениями, направленными против церкви, присягнувшие были от них далеки. Но как только Жиронда сделалась сторонницей прекращения революции, конституционная церковь сближается с ней. Таким образом, если неприсягнувшая церковь была контрреволюционной с первых дней, то конституционная пришла к этому же позднее. Однако и та и другая ненавидели народ и боялись революционного подъема.

Естественно, удобнее было придать своей оппозиции к революции форму защиты религиозных догм. Но разве не с этим же флагом первоначально выступила неприсягнувшая церковь? Уже упомянутый Клод Фоше решительно запрещал священникам венчать разведенных и грозил отрешить от должности тех священников, которые будут венчать служителей культа. Его примеру последовали реннский епископ Лекоз, епископы Верхней Соны, Устьева Роны, Пюи-де-Дом и др. 22 января 1793 г. правительство отмечало, что многие епископы предложили кюре по-прежнему вести регистрацию рождений, браков и смертей и запретили венчать тех, кто не прибег к церковному оглашению брака. Названные действия священников рассматривались как противоречащие

закону. Епископам предписывалось строго выполнять декрет 20 сентября.

В большинстве своем конституционное духовенство выступало против казни Людовика XVI. Отенский епископ публично заклеил «экссессы» Конвента, лионский епископ Ламуретт защищал умеренных, в ряде мест конституционное духовенство брало под защиту неприсягнувших, спасало их от высылки.

Рассмотрение нескольких фактов даст представление о том, как революционные круги относились к конституционной церкви. Власти Лионского департамента весной 1793 г. требовали высылки присягнувших, которые столь же аморальны, что и неприсягнувшие. Когда в Конвенте рассматривался список комиссаров, направляемых в провинцию, депутат Буалло предложил исключить из него всех священников, как не заслуживающих доверия. В клубе Шартра один из ораторов заявил, что присягнувшие дали присягу лишь для того, «чтобы сохранить доверие народа, а втайне более энергично строить козни против революции... Упраздните всех священников, их религия абсурдна, народ должен ее покинуть»².

Конвент не склонен был «упразднить священников». Несколько раз в начале 1793 г. поднимался вопрос о политическом поведении конституционного духовенства. Как выяснилось, из 83 епископов едва ли не 79 осудили закон, разрешавший вступать в брак священникам. Ораторы якобинцы в резкой форме осуждали бунт присягнувших епископов. Почему Клод Фоше, у которого столько любовниц, спрашивал Мор, «вправе запретить другим взять себе одну жену»? Для демократических кругов конституционное духовенство явно стало подозрительным.

Из Невера писали: «Так называемые конституционные священники беспокоят нас ныне в такой же мере, как и неприсягнувшие»³. Комиссар Дартигоейт сообщал из Тулузы, что у одного арестованного кюре было найдено обращение к неприсягнувшим священникам, которые приглашались соединиться с присягнувшими, «чтобы дело является теперь нашим общим делом». Из Луары и Ньевра писали: «Одни лишь священники, а мы говорим здесь только о конституционных, имеют возможность

вредить нам»⁴. Уже в речах политических деятелей не делала различия между двумя церквями, когда речь заходила о контрреволюции. 8 мая Робеспьер настаивал на аресте всех подозрительных — судей, дворян, финансистов, банкиров и священников. Вождь бедноты в Лионе Анри Шалье требовал «истребить всю священническую касту». А Марат в якобинском клубе говорил: «Давайте признаем, что священники являются нашими врагами. Все они аристократы и монархисты — только короли покровительствуют попам».

По мере того как обострялась классовая борьба, вокруг жирондистов собрались все враги революции — от сторонников Людовика XVII до тех элементов буржуазии, которых напугал демократический характер революции. Здесь, естественно, оказалось и духовенство, в том числе присягнувшее. Служители церкви, основной задачей которой всегда было освящать всякое угнетение, не могли не сочувствовать тем, кто во имя обуздания масс готов был принять и контрреволюцию. Эту особенность и отметил Ленин, говоря, что «жирондистов поддерживали и оправдывали от нападков якобинцев прямые изменники делу великой революции, монархисты, попы-конституционалисты и т. д.»⁵. Измена революции со стороны присягнувших священников обнаружилась в дни так называемых федералистских восстаний.

Когда жирондисты убедились, что борьбу в Конвенте они проиграли, что плебейский Париж на стороне Горы, вступившей в союз с «бешеными» (группа, выражавшая интересы бедноты и рабочих), они решили поднять восстание в провинциях юга и юго-запада. Формальной причиной мятежа жирондисты объявили необходимость противопоставить Парижу, осуществлявшему «тиранию», союз или федерацию департаментов. Отсюда восстания стали называться федералистскими.

Как известно, народное восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. свергло жирондистов и утвердило у власти якобинцев, выражавших интересы революционной демократической буржуазии и опиравшейся на широкие народные массы. Но еще до этого начались федералистские мятежи во многих департаментах. Первым начал Лион, а за ним, в июне — июле, департаменты Кавальдос, Финистер, Иль и Вилен, Кот-дю-Нор, Морбиган. Восстали

Тулуза, Марсель, Тулон, который был даже впоследствии сдан англичанам. Предполагалось созвать в городе Бурже новое Национальное собрание в противовес Конвенту. Инициатива мятежей принадлежала богатой буржуазии юга и запада Франции, но кое-где руководство восстаниями перешло к агентам принцев-эмигрантов.

Конституционное духовенство оказалось активным участником федералистских восстаний. Это можно видеть на примере Лиона, где первым примкнул к мятежу конституционный епископ Ламуретт. Он был одним из составителей пресловутого письма бунтовщиков к Конвенту. Его выступления против анархии, против Парижа, «этого прибежища зла», стали главным материалом, который мятежники привлекли для пропаганды против революции⁶. Вслед за Ламуреттом и другие конституционные священники приняли деятельное участие в борьбе. Одни входили в состав вновь образованной администрации (так, секретарем «комитета общего спасения» Лиона стал священник Рубье), другие благословляли бойцов и «утешали» раненых; третьи служили связными между отрядами; четвертые участвовали в сражениях. О степени их участия в восстании можно судить по тому, что среди осужденных впоследствии на смерть мятежников оказалось: дворян — 94, торговцев — 6, медиков — 22, нотариусов — 22, адвокатов — 21, а лиц духовного звания — 155⁷. В списках гильотинированных после подавления федералистских восстаний Нима, Тулона, Марселя, Тулузы и других городов также было много священников и монахов. Замешанными оказались почти все конституционные епископы. Клод Фоше был гильотинирован вместе с вождями жирондистов; подозревали, что он был одним из организаторов тщательно подготовливавшегося убийства Марата. К федерализму был причастен и аббат Экспили — один из инициаторов гражданского устройства клира.

К лету 1793 г. почти все служители католической церкви были скомпрометированы как враги республики. Уже в народные общества присягнувшие священники более не принимались, а когда начались «чистки» клубов, их изгоняли в первую очередь. Газета «Révolutions de Paris» писала о необходимости беспрестанно повто-

рять одну истину: «Большинство присягнувших попов причинило революции больше зла, нежели неприсягнувшие», так как последние, по крайней мере, и вначале не скрывали своей враждебности.

После народного восстания 31 мая — 2 июня власть перешла в руки якобинцев. Начался новый высший этап революции — период якобинской революционно-демократической диктатуры. Борьба с церковью на этом этапе вновь обострилась, приобрела новые формы.

Начало дехристианизации

Когда якобинцы пришли к власти, республика переживала критический момент своего существования. Интервенты осаждали французские города, $\frac{3}{4}$ департаментов были охвачены мятежами. Англичане блокировали французское побережье. Военный порт Тулон был Жирондой отдан англичанам. Париж голодал, диверсанты наносили революции удары в спину. В июле 1793 г. был убит «друг народа» Марат.

Все во Франции знали, что многие священники, не подчинившись декрету о высылке, прятались в горах и лесах и вели подрывную работу. Так, в департаменте Дубс вооруженные фанатики напали на республиканские отряды, а в Па-де-Кале вспыхнуло восстание, названное «маленькой Вандеей в Артуа». Восстание имело целью ударить в тыл северной армии французской республики и было согласовано с планами интервентов. В армии королевского принца Конде и в австрийской армии служило немало духовных лиц.

В этой чрезвычайной обстановке Франция могла спастись только при мобилизации всех сил народа.

В грозные дни лишь якобинцы оказались способными разрешить давно назревший главный вопрос революции — аграрный. Все феодальные повинности были отменены безвозмездно, а феодальные документы, на основе которых они взимались, подлежали публичному сожжению. Были установлены предельные цены на все предметы и продукты первой необходимости. Нарушение этого декрета каралось смертной казнью. Якобинцы ввели систему социального обеспечения для неимущих, всеобщее бесплатное светское образование, отменили

рабство во французских колониях и т. д. Наконец, была принята новая конституция 1793 г., самая демократическая из всех буржуазных конституций. Она провозглашала всеобщее избирательное право и все демократические права и свободы.

Этими мероприятиями якобинцы завоевали себе надежную поддержку народных масс и прежде всего крестьянства. Якобинцы нашли в себе «мужество беззакония», чтобы обрушить на врагов беспощадный меч террора — применить тот «плебейский способ» расправы с феодализмом, к которому народ уже не раз прибегал для спасения революции. В начале сентября санкюлоты Парижа потребовали от Конвента поставить «террор в порядок дня». Против кого он должен быть направлен? Несомненно, против врагов. Но и церковники давно находились в ряду наиболее озлобленных врагов свободы.

Более трех лет церковь ожесточенно сопротивлялась революции. Были испробованы все средства усмирения бунтовщического духовенства. Однако результаты были неутешительны. Постепенно среди патриотов росло недоумение: каково назначение церкви, которая принесла столько несчастий Франции? Что представляет собой христианство, если им прикрывают национальное предательство? Церковь враждебна, так пусть же будет покончено навсегда с католическим культом!

Вовсе не следует представлять себе наступление на христианство как следствие сознательной враждебности к католицизму. Дехристианизация была следствием логического хода событий и выросла в процессе революции из борьбы с контрреволюционным духовенством. Проявилась же она в момент, когда Франция отбивалась от врагов, когда республика вела войну за существование. В это время патриоты ставили рядом католицизм и контрреволюцию, которые срослись идейно и практически. Разумеется, подобные мысли могли появиться лишь в среде активной части демократической интеллигенции. Именно здесь и сознавали, что «войны в Вандее, Лозере и других местах были вызваны только священниками, ...что державы объединились против нас только по подстрекательству священников и дворян». А если это так, может ли революция считать себя упро-

ченной, а свобода гарантированной, пока существует католический культ?!

Можно смело утверждать, что толчок к дехристианизации был дан Вандеей, где католицизм выступил в своем кровавом обличье. И народное общество Бовэ, прося Конвент издать декрет об уничтожении всех внешних знаков культа, ссылалось на то, что именно они являются «вандейскими эмблемами»⁸.

Дехристианизация стала возможной после фактического провала гражданского устройства клира, она была подготовлена появлением нового патриотического культа во время революционных празднеств. Но главным ее источником была бунтовщическая деятельность служителей церкви, сделавших фанатизм орудием классовой борьбы. Недаром временная исполнительная комиссия Лиона имела основания для вывода: «Когда исчезнет фанатизм, тогда не будет больше и контрреволюционеров»⁹. Дехристианизация, сколь бы ошибочной она ни была, находит себе объяснение в той эпохе, когда она возникла; необходимо было защитить и сохранить республику, осаждаемую со всех сторон. Историки почему-то мало замечают такие с виду незначительные, но важные факты вроде следующих: муниципалитет Сен-Омера ввиду отсутствия мест в госпиталях использовал для этих целей церкви; власти Страсбурга запретили звонить в колокола, так как это служит «средством предупреждения внешних врагов»; газета «Révolutions de Paris» предлагала отменить исповедь, так как священники злоупотребляют ею во враждебных целях. В эту трудную минуту вся жизнь народа определялась одним страстным желанием, одной несокрушимой мыслью — стремлением победить и довести до конца революцию. И все, что стояло на пути, подлежало устранению. Поскольку католицизм стал поперек дороги, естественно, казалось, что его следовало убрать.

Дехристианизация зародилась в провинции, где больше всего неистовствовала клерикальная контрреволюция. Осенью 1793 г. Конвент получал много адресов от клубов и народных обществ. В них назывались три врага: «фанатизм, роялизм, федерализм». От народных представителей требовали, чтобы были обузданы «дворяне и все мятежные священники», уволены из армии

«все священники», чтобы «все священники, по крайней мере те, кто не женился, повсюду рассматривались как подозрительные». В адресах настаивали не только на поголовном изгнании, но и на смерти всех служителей культа. Власти Сен-Омера, например, писали Конвенту: «Вы истребили королей, почему же вы щадите попов?»¹⁰, а народное общество Мулена провозгласило: «После королей священники — самый страшный бич человеческого рода»¹¹.

Принято считать, что первыми дехристианизаторами были атеистически настроенные комиссары Конвента. Для этого есть известные основания. Но разве осмелились бы они напасть на католицизм, если бы не было подготовленной почвы в виде распространенного среди демократии взгляда о необходимости отвергнуть католическую религию, непримиримо враждебную делу свободы? Дехристианизацию нельзя считать делом только двух десятков вольнодумных комиссаров и деятелей Парижской Коммуны.

Открытые нападки на католицизм начались, по-видимому, в начале сентября 1793 г. — во время наибольшей опасности для революции. Первый намек на дехристианизацию мы находим в донесении комиссаров из Авиньона от 3 сентября. «Нам удалось, наконец, установить во вверенном нам департаменте религию Горы, величественный культ равенства», — писали они¹². А будущий термидорианец и объявленный реакционер, а ныне подлаживавшийся под общие настроения Андре Дюмон доносил в Конвент о церемонии, в которой священники были выставлены на посмеище. Речь шла о 64 не присягнувших, которых Дюмон из соображений безопасности решил заключить в тюрьму. Среди бела дня их провели через город. «Вид этой породы чудовищ, — писал он, — которых впервые выставили на показ, произвел прекрасное впечатление: вокруг этого стада черных зверей раздавались крики: „Да здравствует республика!“». Через месяц, как видно, из письма, написанного Дюмоном из Аббевилля, он уже занимал позиции настоящего дехристианизатора. Он потребовал от двух священников, выдвинутых на общественную должность, чтобы те в присутствии 1800 граждан изложили свои убеждения. При этом Дюмон «дал понять народу, как его

подурачивали священники... эти паяцы и арлекины, одетые в черное и разыгрывающие перед народом кукольную комедию», и выразил надежду, что в скором времени «все исповедальни будут пылать на кострах». И тогда оба конституционных священника под аплодисменты слушателей заявили, что все, сказанное Дюмоном, сущая правда, что «не существует иной религии, кроме религии ума и сердца»¹³.

В Ньевре Шометт, прибывший сюда навестить своих родных, устроил праздник по поводу установления бюста Брута, древнеримского республиканца. Празднество происходило 22 сентября в кафедральном соборе. Как сказано в протоколе, «под готическими сводами этого собора, памятника порабощения народа и тирании сильных, впервые прозвучали энергичные слова истины, очищенной от гнусной примеси религиозных софизмов и невежественных предрассудков»¹⁴. 2 октября народное общество Бовэ писало Конвенту о том, что все дороги Франции усыяны крестами, распятиями, голгофами, и просило: «Законодатели Горы, издайте декрет, и мы сломаем все эти изображения, воздвигнутые сектой фанатиков»¹⁵.

Движение перекинулось в другие департаменты, ибо всюду накопилась ненависть против католической церкви. Но всюду инициатива исходила от комиссаров, а они в своем административном рвении опирались на революционно-демократические круги, которым по душе было это «наступление на католицизм». Комиссары Ленъело и Лекиньо писали из Рошфора: «Мы разрушили здесь ядовитое дерево религиозных предрассудков, которое в течение многих веков покрывало людей своей смертоносной тенью», население поклялось иметь только одну религию, «религию истины», католики и протестанты объединились в этой религии и вместо священника и пастора решили иметь одного общего «проповедника морали». А в церквах все прежние «нелепые картины, символы и изречения» решено заменить текстами Декларации прав и республиканской конституции 1793 г.

В письме подчеркивалось, что «пример этому подали деревни» (?!). В частности, народ заставил (!) комиссаров переименовать на острове Олерон все, что

имело приставку «Сен» — святой. Поселок Сен-Пьер переназначивали в Братство, Сен-Жорж — в Единство, Сен-Дени — в Соединение. Народ «сам сбросил с глаз ослепляющую его повязку и, организованный в народное общество, водворился в храме, где до настоящего времени он собирался лишь за тем, чтобы учиться молоть всякий вздор и верить в бредни, которые держали его в нищете и рабстве».

Наконец, комиссары сообщали о банкетах, на которых место председателя занимало Равенство, а «пламя гражданственности было зажжено во всех душах», раздавались восклицания «Да здравствует Разум и Свобода!»¹⁶. Спустя два дня эти же комиссары доносили о «философском сражении», диспуте, происшедшем в церкви между священниками и «людьми здравого смысла». Церковь была до того переполнена, что пришлось выломать стекла, чтобы не задохнуться. Народ высмеял кюре, говорившего лишь «о таинствах и непостоянствах», и решил, что церковь отныне будет называться «храмом истины» и станет местом заседаний народного общества.

Расширил деятельность атеистически настроенный комиссар Фуше. Это был карьерист и ловкий беспринципный интриган, один из главных организаторов будущего контрреволюционного переворота 9 термидора, свергнувшего якобинскую диктатуру, впоследствии министр полиции при императоре Наполеоне I. 26 сентября он заявил, что «уполномочен (!) Конвентом заменить суеверный и лицемерный культ... культом республики и естественной морали». 10 октября он издал знаменитое постановление, в котором содержалось атеистическое положение.

«Принимая во внимание, что французский народ не может признавать... никакого культа, кроме культа всемирной морали», народный представитель постановил все религиозные культы отправлять только в храмах. Все религиозные символы, находящиеся на дорогах и площадях, должны быть уничтожены. Священникам запрещается показываться вне храма в церковных облачениях. Обряды похорон должны совершаться в присутствии чиновников, но без служителей культа. Погребальный покров будет изображать Сон, на воротах кладбища

будет сделана надпись: «Смерть есть вечный сон». Последняя фраза означала отрицание загробной жизни.

Фуше начал изымать церковную утварь. 1 ноября делегация Невера передала Конвенту золотые кресты, посохи и митры, изображения святых и 17 ящиков с посудой. Передавая «половские погремушки», член делегации говорил, что «крестьяне сами приносят серебро с алтаря своего бога... они изъявили желание уничтожить служителей культа и просят прислать вместо них наставников морали»¹⁷. Несомненно, все эти ссылки на «желание народа» не более как вымысел комиссаров.

Так развертывалась дехристианизация. Начатая в провинциях, она приняла широкие размеры в столице, где ее подхватили и углубили деятели Коммуны, единомышленники Эбера и Шометта.

Конвент, как уже отмечалось, бережно относился к религии и к религиозным чувствам верующих. Но обстоятельства оказались сильнее его намерений. Праздник 10 августа 1793 г. носил чисто светский характер. На Марсовом поле была воздвигнута статуя, олицетворяющая Природу, которой ораторы воздавали хвалу. А в сентябре был принят новый календарь.

20 сентября Конвент заслушал доклад депутата Ромма о проекте нового летоисчисления. «Христианская эра, — сказал он, — была полна жестокости, лжи, вероломства и рабства, она окончилась вместе с монархией... Время открывает новую книгу истории, и отныне ход времени, величественный и простой, как равенство, должен новым и мощным резцом начертать анналы возрожденной Франции»¹⁸. Ромм предложил установить новое летоисчисление с 22 сентября 1792 г., дня провозглашения республики, к тому же дня осеннего равноденствия. По проекту год делился на 12 месяцев по 30 дней в каждом. Оставшиеся пять или шесть дней приходились на конец года. Месяц делился на три декады; дни декады получали названия растений и животных. Смысл нововведения был раскрыт в одном кратком диалоге. Епископ Грегуар спросил Ромма: «Для чего собственно нужен новый календарь?» Тот ответил: «Чтобы упразднить воскресенье». Несомненно, новый календарь лишил католицизм известной доли авторитета, его вытесняли из быта, а святые просто

устраивались из жизни народа, поскольку в новом календаре они не упоминались.

Конвент благожелательно отнесся к этому проекту и его антихристианской направленности, споры были лишь по вопросу о наименовании месяцев и дней. В конце концов 24 октября был принят проект дантониста Фабра д'Эглантина.

Новый календарь установил следующие наименования месяцев. Осенние месяцы: вандемьер (сентябрь — октябрь) — месяц сбора винограда; брюмер (октябрь — ноябрь) — месяц туманов; фример (ноябрь — декабрь) — месяц холодов. Зимние месяцы: нивоз (декабрь — январь) — месяц снега; плювиоз (январь — февраль) — месяц дождей, вантоз (февраль — март) — месяц ветров. Весенние месяцы: жерминаль (март — апрель) — месяц всходов; флореаль (апрель — май) — месяц цветов; прериаль (май — июнь) — месяц лугов. Летние месяцы: мессидор (июнь — июль) — месяц нивы; термидор (июль — август) — месяц жары; фрюктидор (август — сентябрь) — месяц плодов. Месяц делился на три декады, а каждый день декады носил свое порядковое название. Оставшиеся пять, а в високосном году шесть дней были названы санкюлотидами и посвящались празднествам в честь добродетели, гения, труда, подвигов и наград.

Принятие нового календаря означало новую ступень в борьбе с католической церковью и религией. Это, писала газета «*Révolutions le Paris*», осуществление великой идеи «разрыва всех связей с прошлым, с эрой деспотизма и суеверия».

Одновременно с практическими шагами по разрушению католического культа начал создаваться новый культ — культ Разума. Знакомство с культом Разума позволит полнее раскрыть содержание всего дехристианизаторского движения.

Культе Разума

Осень 1793 г. была решающей для судеб революции. Якобинцы, имевшие сильную поддержку в крестьянстве и городском плебействе, напрягали все силы, чтобы отбить натиск интервентов и подавить внутренние мятежи. Они осуществляли всеобщую мобилизацию, прово-

дили реквизицию хлеба для армии, вылавливали и обезвреживали подозрительных, обуздывали спекулянтов и скупщиков. В это время интересы народа учитывались в социальной политике правительства. Это заметно было в исходе, начиная с налогового обложения богачей, кончая всеобщим бесплатным обучением.

Но сколь ни были заняты деятели революции, они находили время для борьбы с преступным духовенством, поскольку она являлась составной частью всей политики революционного террора. Мы имеем в виду не только репрессивные законы 20 и 21 октября 1793 г. — Конвент декретировал высылку священников в Африку. Сама дехристианизация была своеобразным выражением революционного террора, правда, уже не декретированного Конвентом, а зародившегося в крайних демократических и революционно-патриотических кругах. Показательно, что Робеспьер в разгар дехристианизации длительное время вообще не высказывался по этим вопросам. Но известно, что в его записной книжке была пометка о необходимости помешать введению революционного календаря. Будущий коммунист Грахх Бабеф был решительно не согласен с насильственными методами борьбы с религией, которые применяли дехристианизаторы и которые «могли только воскресить и увеличить в неизмеримой степени силы наших внутренних врагов»¹⁹. Но он критиковал также и Робеспьера за то, что тот «призвал всех французов к молчанию в отношении религиозных дел». Бабеф опасался, что при такой полной бездеятельности «глубоко укоренившиеся предрассудки и влияние, которое сохраняют священники, вскоре заставят нас сделать еще несколько шагов назад»²⁰. Он считал необходимым вести в массах умелую разъяснительную работу.

Но пока Робеспьер молчал некоторые ретивые интеллигенты усиливали административную войну с религией. Под их влиянием в различных местах в начале октября принимались решения об отказе от «фанатизма» и религии.

31 октября в Конвенте делегация от местечка Риз-Оранжи объявила, что народ решил «сместить святого Блеза, покровителя местечка, и заменить его Брутом». Этим именем римского республиканца и просят они назвать свой приход, а кюре ввиду его бесполезности

уволить. Конвент удовлетворил просьбу делегации. Вслед за тем представители города Корбей заявили в Конвенте, что большинство населения этого города признает только «культ свободы». В эти же дни депутат Мари Шенье требовал в Конвенте освободить детей республики от ига священников: «Свободные от пред-
рассудков и достойные представлять французскую на-
цию, вы утвердите на развалинах повергнутых суеверий
единственную всеобщую религию, у которой нет ни тайн,
ни таинств. Ее единственной догмой будет равенство,
ее проповедниками — наши законы, ее жрецами — наши
должностные лица, которые будут сжигать свой ладан
только перед алтарем нашего общего божества — Отече-
ства»²¹.

По словам очевидца, 3 ноября в Нанси сожгли «все
принадлежности католического богослужения — испове-
дальные кресла, распятия и пр. Отрекшиеся священники
сами бросали свои молитвенники в огонь и кричали перед
всем народом, что нет бога». 6 ноября в Конвент яви-
лась делегация народного общества Меннеси, одетая
в насмешку в церковные мантии, и потребовала декрети-
ровать, чтобы в их коммуне не было более кюре, чтобы
церкви были отданы народному обществу, а вместо ста-
туй святых Петра и Дени поставлены статуи Марата
и Лепеллетье (члена Конвента, убитого монархистами).
Они просили переименовать свою коммуну Меннеси-
Вильруа (Вильруа — «королевский город») в Меннеси-
Марат. Конвент удовлетворил эту просьбу, как и многие
другие, аналогичные ей.

В стране происходило массовое переименование улиц,
площадей, сел и местечек. Все названия, в которых со-
держалось упоминания о монархии и религии, заменя-
лись новыми. Чаще всего фигурировали Свобода, Разум,
Гора, Конституция, Руссо и т. п. Люди отрекались от
старых имен и брали новые, вроде Брута, Марата, Руссо,
Сократа, Разума и др. Один бывший священник переме-
нил свое имя Эразм на Апостат (отступник). На дорогах
и в общественных местах разрушались знаки монархии
и католического культа. Комиссары доносили об успехах
дехристианизации. В департаменте Марна применили
постановление Фуше о порядке погребения. В депар-
таменте Ош семь священников публично объявили,

что они проповедовали ранее ложь. В церкви прихода
Пиньян был произнесена речь «о бесполезности като-
лического культа». В Реймсе комиссар Рюль разбил
сосуд с миррой, служившей для помазания королей
на трон.

Особенно развернулась антихристианизаторская ак-
тивность Парижской Коммуны. 13 октября была закрыта
часовня в здании городской Ратуши. 14 октября Комму-
на запретила торговцам закрывать магазины по воскре-
сенням «под страхом прослыть подозрительными». Им
запрещалось продавать предметы «суеверного фокусни-
чества», как-то: молитвенники, иконы, четки и т. п. 20 ок-
тября было решено увековечить на общественных зда-
ниях события Варфоломеевской ночи специальными изо-
бражениями, «предающими проклятию Карла IX, Медичи,
кардинала Лотарингского, священников и королей». 25 октября Коммуна постановила уничтожить все сим-
волы религии и монархии, начиная с портретов королей
у входов в собор Парижской богоматери.

В начале ноября антихристианизаторские позиции
Коммуны усилились — ее стали поддерживать и данто-
нисты. Это была группа правых деятелей якобинской
партии, которая выражала интересы новой нарождаю-
щейся буржуазии, разбогатевшей на спекуляции землей
и на поставках в армию. Дантон и ранее колебался меж-
ду истинными якобинцами и жирондистами; теперь, по
мере углубления революции, он стал занимать более
«умеренные» позиции. Буржуазная интеллигенция в це-
лом увлеклась дехристианизацией, которая была рожде-
на революционными и патриотическими чувствами в мо-
мент наивысшей опасности для революции. С другой
стороны, у дантонистов имелись и тактические соображе-
ния. Для Дантона и его единомышленников дехристиа-
низация явилась средством, при помощи которого можно
было доказать, что они вовсе не «умеренные», как их
в том справедливо обвиняли, а «левые».

Чувствуя поддержку в Конвенте, эбертисты осмелели.
Коммуна передала на монетный двор раку с мощами
святой Женевьевы, «покровительницы Парижа». Было
решено перевести на латинский язык антицерковные
постановления Коммуны и направить их в Ватикан,
«дабы излечить папу от его заблуждений»²². 7 ноября

произошло памятное событие. Накануне вечером бывший барон и атеистически настроенный Анахарсис Клоотс, которого называли «личным врагом Иисуса Христа», и эбертист Перейра явились на квартиру парижского епископа Гобеля и стали требовать от него отречения от сана. Гобель ответил, что он навсегда останется верен религии, но что касается отречения от епископского сана, то он соглашается выполнить это требование. В тот же день в Конвенте происходила церемония отречения. Между прочим, и в отречениях сана провинция явно опередила Париж. В то же утро в начале заседания Конвент заслушал письмо некоего Парана, которое начиналось так: «Я был священником, то есть шарлатаном». Далее он пишет: народу следует разъяснить, что есть только одна истинная религия, «религия естественная, а все басни, обряды и фокусы на самом деле суть лишь сказки, подобно сказке о «Синей бороде»»²³.

В Конвент вошла делегация от парижских властей, а с ней Гобель и члены епископского совета, одоббившие требование об отречении от сана. Слово было предоставлено Моморо, эбертисту и деятелю Коммуны. Он известил депутатов, что Гобель и другие священники, «руководимые разумом», пришли сложить с себя сан. «Мы надеемся,— сказал он,— что их примеру последуют другие. В скором времени французская республика будет знать один культ свободы, равенства и истины, культ, позаимствованный у самой природы»²⁴. Затем произнес речь Гобель. Он закончил ее словами: «Да послужит мой пример укреплению царства свободы и равенства!». Затем, надев на голову красный колпак, он возложил на алтарь отечества свой крест и кольцо, а его викарий — медали с изображением короля. Президент Конвента Лалуа приветствовал людей, «отрекшихся от обмана», которые так долго при помощи «побрякушек» оскорбляли Верховное существо. Истинный культ, сказал он, требует только «осуществления нравственных и общественных добродетелей. Религия этого культа признает только культ Разума... она и будет отныне нашей национальной религией». Вслед за Гобелем сложили с себя сан многие церковники-депутаты. — Томас Линде, Гомер Валлер, протестантские пасторы Жюльен и Ломбар-Лашо. Конвент установил в календаре празднование дня Разума²⁵.

В ноябре отречения от сана сделали массовым явлением. Конвент был завален просьбами священников не считать их более служителями культа. Отрекающиеся посылали Конвенту церковную утварь и дипломы о священническом звании, эти «погремушки роялистско-папистского режима». Так, один священник писал, что в молодости он стал жертвой деспотизма и склонил голову «под унижительным ярмом священничества». Ныне же, просвещенный разумом и философией, он понял, что его положение нарушает «естественные права и принципы» и решил проповедовать лишь «любовь к родине, подчинение законам, культ разума и свободы». По имеющимся сведениям, в 148 из 562 дистриктов сложило сан 5600 священников и 27 епископов. Конвент сохранил за отрекшимися пенсии.

Можно допустить, что отдельные священники были увлечены антихристианской агитацией. Но очевидно, и современники это понимали, что в массе своей отречение было не более, как результат административных мер и угроз ретивых дехристианизаторов и попытка конституционных священников оградить себя от репрессий. Мало кто из них хотел стать «мучеником». Их заставляли отрекаться, и они шли на это. На заседании Парижской Коммуны 8 ноября было высказано недоверие к раскаяниям людей, которые всего несколько дней назад служили мессу, а ныне «прозрели». Власти и народные общества продолжали смотреть на них, как на «шарлатанов» и «врагов общественного блага». В Бовэ 11 отрেকшихся от сана священников были посажены в тюрьму.

Удар по католицизму был нанесен и нарушением целибата, т. е. обета безбрачия. Первым, кто стал требовать от священников, чтобы они женились, был все тот же комиссар Фуше. 25 сентября в Невере он распорядился, чтобы каждый священник в течение месяца либо вступил в брак, либо усыновил ребенка, либо взял на свое иждивение неимущего старика. Вступление в брак было равносильно отказу от правил и норм католической религии. Тем не менее в 1793—1794 гг. женилось более 2 тыс. священников и 13 епископов. Конвент поощрял эти браки; в ноябре 1793 г. было декретировано, что вступившие в брак «не подвергнутся ни высылке, ни заключению, даже если они и не принесли присяги».

Тем временем дехристианизация усиливалась и привела, наконец, к насильственной попытке полной ликвидации католического культа. Однако сначала мы познакомимся с тем, как был ознаменован «праздник Свободы и Разума».

20 брюмера (10 ноября) 1793 г. внутри собора Парижской богородицы был построен «величественный храм», на фасаде которого было начертано слово «Философии». Вход в храм украсили бюстами философов. В центре храма на искусственной скале горел факел — «светоч истины». На празднике присутствовали местные власти. Оркестр исполнил гимн, сочиненный композитором Госсекком на слова поэта Шенье: «Сойди к нам, Свобода, дочь природы. Народ снова завоевал свои права и на развалинах надменного изуверства он снова воздвигает твой алтарь. Приходите, победители королей, Европа взирает на вас, свергайте также и лживых богов. Святая Свобода, будь богиней французов!». Свобода, которую олицетворяла артистка оперы, восседала на кресле и принимала знаки почета от республиканцев. Они восторженно пели и клялись навеки быть верными свободе²⁶.

Члены Конвента, хотя они и были приглашены участвовать в празднике, в соборе не присутствовали. Но по окончании церемоний Шометт прибыл в Конвент и предложил разрешить народу, «только что совершившему жертвоприношения Разуму», вступить в зал заседания. И тогда уже в самом Конвенте был разыгран второй акт торжества. На сей раз церемония открылась шествием музыкантов и молодых защитников отечества, исполнявших патристический гимн. За ними следовали республиканцы с красными колпаками на голове, с возгласами «Да здравствует Гора!». Девушки, одетые в белое, с трехцветными лентами и венками на головах окружали женщину, олицетворяющую Разум. В руке она держала пику и восседала на декорированном кресле, которое несли четверо граждан. При виде этой сцены всех охватил энтузиазм. Перед «богиней Разума», восседавшей напротив председательского кресла, с антихристианской речью выступил Шометт. Он просил Конвент переименовать кафедральный собор в храм Разума, что и было декретировано. После этого члены Конвента направились в храм Разума, чтобы пропеть там гимн свободе.

Такие же праздники отмечались во всех церквях Парижа, в кафедральных соборах провинции. Повсюду были воздвигнуты алтари, украшенные цветами, устанавливались бюсты Марата, Лепеллетье, Руссо и Брута. В шествиях отдавалась дань культу природы. Так, в Отене в процессии следовали символические фигуры: зиму изображали четыре седовласых старика, весну — четыре юные девушки, лето — четыре молодые женщины с коронами из васильков, осень — четыре женщины зрелого возраста. В Страсбурге впереди шествия несли бюст Марата. Кафедральный собор был очищен от «нелепых церковных орнаментов». Над входом красовалась надпись: «Мрак отступает перед светом». Внутри храма стояли статуи Природы и Свободы. По бокам помещались два Гения: один из них топтал ногами разбитый скипетр, другой держал в руках пучок связанный трехцветным знаменем, — символ союза 83 департаментов Франции. Здесь же находились изображения «чудовищ» — священника, пастора и раввина. В Этампе, Руане, Бове распевали гимн, в котором народ призывался «открыть глаза на опасность Вандеи». В Нанси сжигали исповедальные и священнические дипломы и послания «всеплутейшего отца» папы. Во многих городах пылали костры, составленные из символов христианства и тирании: портретов королей и епископов, феодальных документов, изображения святых дев, распятий, крестов. В Бордо за официальной частью состоялось шествие ряженых. Среди них карлик Ришфор, переодетый папой, тряся на муле. С тройным крестом в руке и тройной тиарой на голове, он раздавал налево и направо «благословения».

Ноябрь 1793 г. был периодом наивысшего подъема борьбы с христианством. Слов нет, борьба эта была окрашена в патристический цвет и питалась революционным энтузиазмом. Дехристианизаторы были убеждены в том, что они творят великое дело, что каждый их шаг означает новый удар по врагам. И они торопились искоренить нетерпимый и враждебный революции католицизм. Необходимо подчеркнуть, и это совершенно очевидно, что вся затея с насильственной дехристианизацией была ошибочным и политически вредным актом.

Тем временем дехристианизация приняла разнообразные формы, в ней появились и антирелигиозные элементы.

11 ноября парижские секции Кенз-Вен, Ломбар, Гравилье, Прав человека, а за ними все другие заявили, что они не признают более католический культ, а признают культ Разума. Секции Музея и Елисейских полей сожгли молитвенники. Закрыли свои церкви секции Арсенал, Братство, Монтрейль и др. Секция Кенз-Вен принесла в Коммуну рубашку святого Людовика и сожгла ее. 12 ноября Коммуна приняла решение сжечь святыне реликвии, а в дни декад вместо месс произносить патриотические речи. 13 ноября протестанты Парижа также отреклись от своего культа. В провинции клубы устраивали праздники «разрушения фанатизма». 57 санкюлотов народного общества Блуа писали: «Народ начинает понимать, что религия есть не что иное, как скопление глупостей и бессмысленностей»²⁷. В Тюлле члены народного общества устроили шествие и в насмешку нарядились в церковные облачения. Здесь устраивались в клубах крестины. В Монпелье, Армантье, Эгеморте клубы требовали от своих членов не носить крестов на шее и выбросить иконы.

Устраивались антирелигиозные карнавалы, массовые действия с участием ряженых. В антирелигиозных демонстрациях участвовали большие толпы граждан, которые пели антирелигиозные песни. В Лионе героем карнавала был осел, облаченный в епископскую мантию, — он изображал бывшего епископа Ламуретта. По словам аббата Грегуара, пародии принимали причудливые формы. «Священники были представлены с различными эмблемами, которые должны были или сделать их смешными или вызвать перед ними ужас, вроде шутовских бубенчиков или кинжалов... Священническими облачениями покрывали собак, козлов, свиней и почти всегда ослов, которых наряжали так, чтобы как можно резче подчеркнуть самое грубое безбожие». 12 ноября группа ряженых в священнических рясах с пением карманьолы вступила в Конвент, неся на руках подсвечники, кропильницы, чаши и т. п. Депутаты встретили их смехом и аплодисментами. Спустя неделю, в Конвенте была разыграна сцена «погребения религии»: несколько молодых человек несли гроб, за ними шли «плакальщики». Участники «похоронной процессии» пели революционные песни, плясали. 20 ноября депутация, наряженная в церковные облачения, разыграла у решеток Конвента пародию на католическое богослужение. Когда

оратор депутации поклялся не признавать никакой другой культ, кроме культа Свободы, Равенства и Республики, члены Конвента воскликнули: «Клянемся! Да здравствует республика!»²⁸.

Дехристианизация достигла такой степени, когда из-за административного нажима существование каких-либо признаков культа делалось нетерпимым. Был запрещен колокольный звон, а затем были сняты колокола, хотя декрет Конвента от 23 июня 1793 г. предписывал сохранить по одному колоколу в каждом приходе. Парижская Коммуна это объясняла тем, что колокола возвышаются над другими зданиями и нарушают «принцип равенства». На место колоколен воздвигались статуи Свободы.

Очень быстро совершался переход от одного антихристианского шага к другому. Еще только началось движение за полное упразднение колоколов, а уже наиболее рьяные дехристианизаторы насильно закрывали церкви. Из Армантье уже 17 ноября сообщали, что там «нет церквей». В Сен-Омере были закрыты все церкви 20 ноября, а в Страсбурге 22 ноября. В Париже Коммуной было решено закрыть храмы 23 ноября. При этом служители культов объявлялись лично ответственными за беспорядки, которые могут возникнуть на религиозной почве. Одновременно они были отстранены от всех общественных должностей, им было запрещено также служить на оборонных предприятиях. По словам Жореса, закрытие церквей означало «конец всех культов»²⁹.

Помещения бывших храмов были использованы для нужд обороны. В Бовэ монастырь урсулинок был превращен в военный госпиталь, монастырь Сен-Этьена — в склад фуража, церковь Сен-Лоран стала конюшней, Сен-Мартен — тюрьмой. Церкви использовались под бойни, для интернирования военнопленных, хранения оружия. Уже готовился законопроект о передаче церквей для нужд просвещения и для устройства в них больниц. Якобинский клуб предлагал Конвенту открыть театры для постановки пьес, «чувствительных в духе революции» — никаких расходов это не потребует, ибо всюду имеются пустующие церкви.

Закрытие церквей происходило во многих городах и деревнях. В связи с этим изъятие церковных ценностей

приняло всеобщий характер. В отчетах о заседании Конвента отмечены сотни патристических даров. Комиссар Кутюрье из Этампа с упоением докладывал: «200 повозок не хватит, чтобы погрузить предметы церковного обихода». Бо из Реймса докладывал: «Все церковные ценности направляются на монетный двор, где им будет придана более республиканская форма...». Церковную утварь называли «предметами религиозного шарлатанства» и в ироническом тоне говорилось, что «святые пройдут через горнило печей», подразумеваемая переплавка икон и пр.

Изъятие ценностей раскрывает и политическое назначение дехристианизации, вызванной, между прочим, и потребностями обороны. Вот что говорил один оратор, обращаясь к образам: «Вы, некогда бывшие орудием фанатизма, святые отцы... блаженные всякого рода, покажите себя, наконец, патриотами; восстаньте всей массой, отправляйтесь на монетный двор. И да будет нам дано, с вашей помощью, получить в этой жизни то счастье, которое вы сулили нам за гробом»³⁰.

Эбер восторженно приветствовал движение за изъятие церковных ценностей: «...санкюлоты убрали всех богов из золота и серебра и теперь везут их полными повозками на монетный двор. Ах, если бы Иисус Христос возвратился на землю, как бы он был доволен, что все воры изгнаны из храмов, потому что он был заклятым врагом священников... Санкюлоты всех департаментов, следуйте его примеру, кончайте с попами и превращайте в монеты серебряные фигурки, которые ваши няньки научили вас называть святыми»³¹. Остается добавить, что Конвент отстранил духовенство от народного образования. Все дело просвещения было передано в руки государства. Служителей культа запрещалось назначать учителями.

Теперь, казалось, все, что ранее связывало население Франции с христианской церковью, было порвано, ее место занял культ Разума. Но так только казалось. Революционный террор не щадил духовных лиц. Их рассматривали как подозрительных, и они тем самым подлежали аресту по закону 17 сентября о подозрительных. Первыми жертвами террора стали представители конституционного духовенства. Среди гильотинированных были Лекоз, епископ Ренна, Дебуа де Рошфор из Амьена, Барт из Оша, Лемаль из Ванна и др.

Так шли рядом революционный террор и новый культ.

Что же представлял собой культ Разума? Был ли этот культ антирелигиозным? Явился ли он следствием сознательной антирелигиозной политики и пропаганды атеистов или возник во Франции благодаря чрезвычайным обстоятельствам, когда требовалось подавить решительно все, что мешало завершить революцию? Безусловно, происхождение нового культа было обязано прежде всего не философии. Конечно, в тогдашней Франции было немало атеистов. Можно назвать Сильвена Марешаля — автора многочисленных антирелигиозных произведений, из которых часть, например «Альманах честных людей», была сожжена по постановлению парижского парламента, человека, который за атеизм подвергался тюремному заключению. Но он как раз и был противником дехристианизации. Другой атеист, Салавилль, также считал, что «недостаточно сжечь кресты, молитвенники, иконы, реликвии и прочие нелепые памятники наших суеверных культов: надо устроить в наших головах аутодафе из всех наших религиозных идей. Потому, что поскольку они там останутся, они помешают выработке в нас истинных философских убеждений». С критикой религии выступал и ученый материалист Вольтей. Известный химик Фуркруа тоже говорил о необходимости «искоренить подлую религию». Безбожниками были отдельные депутаты, вроде математика Дюпона. Этот бывший аббат сделал смелое заявление: «Я должен чистосердечно признаться Конвенту, что являюсь атеистом». Атеистами в той или иной степени были некоторые комиссары, т. е. члены Конвента, находившиеся в миссии. Вот что говорил Лекиньо: «Граждане! Я утверждаю, что загробной жизни не существует... После смерти от нас не останется ничего, кроме рассеянных молекул... да памяти о нашей прошлой жизни». Тут же он осмелел все религии — небесную музыку христиан и гурии магометан, образ предвечного и могущество Юпитера, рай и ад, Сатану и Люцифера³². Но среди комиссаров Лекиньо едва ли не был исключением. Фуше тоже не может считаться последовательным атеистом. Его толкование смерти оставляло лазейку для суеверия.

В отдельных случаях в празднествах встречались антирелигиозные элементы. Но проявления атеизма были все же редки. Да откуда им было взяться, если зачинщики дехристианизации, как правило, вовсе не были последовательными атеистами. Им не был Эбер, издатель «Père Duchêne», газеты, ожесточенной других нападавшей на католицизм. Эбер направлял свои стрелы не против религии вообще, а против современного ему христианства, против тех, кто извратил учение, завещанное, по его словам, «славным санкилотом Иисусом», против попов, шарлатанов и фокусников, которые из Христа, «этого лучшего из якобинцев, какие когда-либо существовали на свете», сделали бога и его именем «передушили половину человеческого рода»³². Не был последовательным атеистом и Шометт, признававший дехристианизацию лишь как крайнее средство борьбы с мятежным духовенством. Он был пантеистом, т. е. обожествлял природу. Пантеистом, а не атеистом в конечном счете был даже Анахарсис Клоотс. Он, например, утверждал, что, после смерти человек возрождается в растениях.

Дехристианизация не имела в виду помочь трудящимся избавиться от религиозного дурмана — таких задач революционная буржуазия себе практически не ставила, хотя многим из них атеизм и не был чужд. Она была направлена против христианской религии, которая сделалась опорой реставрации феодализма. Но разве может государство обойтись без церкви, а народ без церемоний культа, думали дехристианизаторы. И тогда на смену старому, скомпрометировавшему себя культу пришел новый революционный культ со своими «мучениками» — Маратом, Лепеллетье, Шалье (вождь лионской бедноты, убитый в дни федералистского восстания), со своими церемониями, впервые появившимися во время празднования Дня федерации 14 июля 1790 г. Дехристианизаторы не допускали и мысли о том, что можно обойтись без культа, храмов, церемоний. Не кто иной, как Эбер, писал: «Существо, создавшее нас, требует от нас культа, а ему может быть приятен один культ Разума». Отвергался лишь христианский культ, его церемонии, в первую очередь его духовенство. Вот содержание песни, пропетой в одной из церквей Парижа: «Что

является нашим евангелием? — Природа. А нашим культом? — Добродетель». Французский народ любим небом обязан делать подношения Верховному существу.

Таким образом, идея Верховного существа, творца вселенной, постоянно присутствовала. И взгляды дехристианизаторов были не атеистическими вовсе, а деистическими.

В Парижской церкви Сен-Рок некий Монвиль обратился к Верховному существу: «О ты, высшая мудрость, душа природы, а быть может, сама природа... ты обнаруживаешь перед нами... бога, столь давно неведомого нам»³⁴. В Бовэ прославляли «вечного двигателя миров», «верховного творца». Так во всей стране новый культ означал поклонение высшему существу, Разуму, Природе. В нем причудливо переплетались деизм с пантеизмом, христианство было заменено «естественной религией», культом Родины и «общественных добродетелей».

Следовательно, главным содержанием дехристианизации была не борьба с религией вообще, а попытка основать новую буржуазную религию взамен существующей. Между прочим делались попытки установить некое единообразие обрядовых форм культа Разума, даже ввести должности священнослужителей Разума.

Празднества в честь Разума были церемониями, полными своеобразного религиозного экстаза, хотя они в то же время выражали собой и революционный патриотизм. И тогда возникает вопрос: почему в период революции, которой предшествовала деятельность большой группы мыслителей, настроенных материалистически и антирелигиозно, почему в дни дехристианизации по существу не было пропаганды атеизма? Ответ на этот вопрос лежит в классовой сущности французской революции, которая, как и всякая буржуазная революция, хотя и была великой, тем не менее была крайне ограничена в своих целях — она призвана была заменить одну форму эксплуатации другой. Ведь совершенно независимо от личных намерений и взглядов отдельных творцов революции на деле объективно под знаменем Свободы и Равенства утверждался буржуазный строй, а для его освящения нужен был культ, нужны были храмы, служащие средством идейного порабощения трудящихся.

Элементы нового культа родились вместе с победой буржуазии еще в самом начале революции. Вожди революции были озабочены тем, как бы внушить массам чувство уважения и религиозного трепета перед частной собственностью и законом, который ограждает ее от покушения. «Закон,—говорил якобинец Ромм,—есть религия государства». Ему вторил жирондист Инар: «Закон—мой бог, и я не знаю никакого другого»³⁵. С первых дней буржуазные политики стремились окружить революцию ореолом святости, чтобы ее установления почитались низами. Уже тогда начали вырабатываться символика и церемониалы, вроде присяг, алтарей отечества, пучков, символизирующих единство страны, множество празднеств, обставленных с торжественностью поистине религиозной. Так складывались элементы будущего культа.

К тому же самые рьяные дехристианизаторы были ограничены недостаточностью тех данных, которыми располагалась наука. Ведь в ту эпоху не существовало последовательно научного понимания корней религии. Всем, даже атеистам, было чуждо понимание истинных корней религиозного дурмана как определенных взглядов и идей, «порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом,—идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу»³⁶. Среди них было распространено убеждение, что причины религиозности кроются в мошенничестве священников, с одной стороны, в невежестве масс—с другой. Они считали, что верования масс принадлежат к чувствам поверхностным, что борьба с ними—дело легкое. Например, Жак Дюпон говорил, что с тех пор как исчезли троны, алтари остались без опоры, «достаточно дунуть, чтобы они исчезли все»³⁷.

Теперь понятно, почему дехристианизаторы решили помочь исчезновению «фанатизма» и принуждали священников отречься от сана, а верующих отказаться от культа. У них «бог, как в 1793 г., отменяется декретом»³⁸. У дехристианизаторов возобладал метод принуждения. Но подобные способы борьбы с религией были бесполезны, даже вредны. Ленин поддерживает Энгельса, который решительно осуждал подобные методы у

бланкистов: «...такое объявление войны есть лучший способ оживить интерес к религии и затруднить действительное отмирание религии». Он считал, что всякая борьба с религией должна быть поставлена «в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии»³⁹.

А между тем, несмотря на то, что католицизм был объявлен «ликвидированным», он в действительности продолжал существовать. Да и как иначе! Жорес был прав: «Воистину, христианство не держалось бы 18 веков, если бы достаточно было одного эбертизма, чтобы его опрокинуть»⁴⁰.

Многие тысячи неприсягнувших священников продолжали, особенно в деревне, втайне отправлять службу, скрываясь от террора. В Аласоне были обнаружены в подвале одного дома 11 священников. В самом Париже скрывалось много священников.

Напомним, что подавляющее большинство крестьянства, оставшееся неграмотным, веками находившееся под влиянием церкви и религии, было верующим.

Дехристианизация, проведенная административными методами, нажимом сверху, не могла найти поддержку масс. Напротив, она вызывала их недовольство. Вот примечательный документ. Из коммуны Сен-Мартен-дю-Вьё-Беллем в Конвент поступил адрес, подписанный 87 гражданами. Считая себя верными республиканцами, подавшие петицию, предупреждали, однако, что «бессмысленно хоронить католический культ, раз он живет в сердцах французов: это—феникс, который возродится из пепла». Они предлагали Конвенту посоветоваться с народом, посчитаться с его волей. «Не обманывайте себя, законодатели. В вопросах религии клубы и муниципалитеты не могут считаться выразителями общей воли. Коммуна не может отречься от того, что она впитала с молоком матери»⁴¹.

Разумеется, комиссары не были уполномочены народом объявлять от его имени об отказе от культа. В декабре 1793 г. жители коммуны Коломб жаловались Конвенту, что муниципалитет не спрашивал их мнения прежде, чем сделать заявление об отказе от католического культа, и теперь они решили его восстановить. Тут же сообщалось, что многие священники, ранее отреч-

тисся от сана, требуют вернуть им свои священнические дипломы. Надо ли говорить о набожности народа? В донесении агента Кайава мы читаем: «Я проезжал через один поселок, все жители которого стояли на коленях у своих дверей. На мой вопрос, что произошло, они отвечали: на расстоянии одного лье отсюда служат вечерню»⁴².

Почему же тогда крестьянство не подняло всеобщего восстания за религию? Французский историк Олар считает, что во Франции было «недостаточно веры для того, чтобы считать попытку дехристианизации абсолютно невозможной». К тому же «обстоятельства отвратили сердца народа от его священников». В этих рассуждениях есть доля справедливости. Католицизм во Франции действительно никогда не был таким же иступленным, как, например, в Испании. Рабочие Парижа аплодировали антирелигиозным маскарадам, «испытывая удовольствие от непочитательных выходов против религии». И все же Олар преувеличивает, утверждая, будто всеобщее восстание не произошло потому, что «французский крестьянин был весьма безразличен в вопросах религии», что «система насилия и разрушений», если бы она продолжалась, была бы в состоянии «вытравить из крестьянского сознания христианскую религию». С этим согласиться невозможно.

Всеобщего восстания не было потому, что крестьяне связывали религиозную политику Конвента и его комиссаров с их социальной, экономической и военной политикой. Подавляющее большинство крестьян не считало возможным сопротивляться тем, кто избавил их от феодальных поборов, а дехристианизация достигла своего апогея в период, когда угроза феодальной реставрации была реальной. Перед нами характерный документ — 50 бедняков коммуны Кудро-сюр-Сейн жалуются Конвенту на то, что они не в состоянии покупать эмигрантские земли, а если землю раскупают богачи, «бедняки навсегда останутся собственниками своей нищей сумы». Тут же они предлагают в дар церковную утварь: «Будучи добрыми республиканцами, мы не желаем больше иметь попов»⁴³. Могли ли эти бедняки выступить против Конвента, если ожидали от него удовлетворения своей тяги к земле?!

Все же остается бесспорным, что дехристианизаторские действия вызывали все большее недовольство народа. Неудивительно, что антихристианизаторское движение в период, когда народ не был подготовлен к отказу от «веры своих отцов», движение, осуществлявшееся насильственно средствами административного нажима, было обречено на провал. В самой столице богослужение так и не прерывалось — молились в часовнях Оратории на улице Анфер и женского монастыря на улице Сен-Оноре. Проявлялось и открытое недовольство политикой дехристианизации, кое-где вспыхивали мятежи. Так, в коммуне Курталэн департамента Сены и Марны народ, вооружившись, решительно потребовал открыть церкви.

Насильственная принудительная дехристианизация становилась политически вредной и опасной; она компрометировала революционное правительство и давала оружие в руки его врагов. И, конечно, внутренние враги республики — священники, для которых отречение от сана было не более чем уловкой, поспешили воспользоваться созданным положением. Поддавшись их подстрекательской политике, многие приходы требовали возвращения своих кюре. Комиссар Жанбон-Сен-Андре, предупреждая об опасности волнений на религиозной почве, связывал их именно с дехристианизацией. Он указывал, что «недоброжелатели злоупотребляют движением и распространяют обвинения в атеизме».

Беспорядков было немного, однако в донесениях комиссаров часто встречаются признания, что в дехристианизации «допущены насилия»⁴⁴. Радость дехристианизаторов по поводу того, что с «фанатизмом покончено», омрачалась народными требованиями открыть церкви, нередко манифестациями с лозунгами: «Да здравствует религия», жалобами рабочих на то, что с исчезновением праздников не стало выходных дней.

Стоит подчеркнуть, что кампания по изъятию церковной утвари и колоколов оказала республике услугу, поскольку правительство нуждалось в средствах для нужд обороны. Часть средств была использована для оказания помощи малоимущим: на эти цели Коммуна Парижа просила у Конвента 100 тыс. ливров в счет изъятых церковных ценностей.

В своем большинстве дехристианизаторы руководствовались справедливыми целями — очистить землю от всех остатков феодализма и абсолютизма, поскольку он был их идейной опорой. Эти люди пытались на практике осуществить призыв Вольтера «раздавить гадину». Но при благородстве мотивов дехристианизаторы, возглавившие одно из крупнейших антицерковных движений прошлого, были совершенно неправы в образе действий и могли нанести революции большой ущерб. И в этом состоит урок истории.

Осуждение культа Разума

Молчание Робеспьера длилось сравнительно недолго. Вскоре он выступил с резким осуждением дехристианизации. Каковы были его религиозные взгляды?

Атеизм, по убеждению Робеспьера, безнравственен и страдает отсутствием добродетели. Религия — существенно необходимый элемент государственной жизни, ее должны исповедовать все. Это были взгляды Руссо, который в своих представлениях об идеально построенном обществе предусмотрел «гражданскую религию» для всех. «Государству важно, — писал Руссо, — чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставила бы его любить свои обязанности». У этой религии, утвердить которую должен сам народ, будут свои символы веры, но они не будут похожи на религиозные догмы — они будут выражать те «чувства общественности, при отсутствии которых человек не может быть ни хорошим гражданином ни верноподданным». Этими символами являются существование могущественного высшего существа, признание загробной жизни, святость общественного договора и законов. Государство не потерпит тех, кто не исповедует «гражданскую религию», ибо эти люди антиобщественные⁴⁵. Робеспьер оставался верен этой идеологии, и Декларация прав 1793 г. провозглашалась «в присутствии Верховного существа».

Робеспьер относился к дехристианизации отрицательно прежде всего по политическим мотивам. В стране, где большинство населения было верующим, принудительная дехристианизация должна была возбудить недовольство народа. Робеспьер справедливо опасался,

то пропаганда, оскорбляющая религиозные чувства верующих, способна породить среди деревенского населения новые мятежи под религиозным флагом и ухудшить международное положение Франции.

Тем не менее казалось совершенно невозможным сразу обрушиться на движение, все же рожденное патристическими чувствами, да еще в тот момент, когда плебеи и санкюлоты навязывали правительству свои народные методы расправы с врагом, свою социальную политику. Сопротивляться дехристианизации в самом ее разгаре было трудно. На время Робеспьер решил воздержаться от выступлений против движения, из которого вырос культ Разума. Но он его не одобрял, более того — отвергал. После смерти у Робеспьера была найдена рукопись, в которой сказано: «Нет! Смерть не есть вечный сон. Граждане, вычеркните с могильных плит это изречение, высеченное святотатственными руками, оно приводит в уныние угнетенную невинность. Замените его другим: «Смерть есть начало бессмертия»⁴⁶.

Не слышно было протестов Робеспьера ни 10 ноября, когда в Конвенте совершались церемонии в честь Разума, ни в дни, когда читались заявления об отречении от сана, об отказе от католического культа, ни тогда, когда в Конвенте прозвучала откровенно атеистическая речь Анахарсиса Клоотса, предложившего Конвенту принять в дар его многолетний труд под названием «Достоверность доказательств магометанства». Эта работа была призвана нанести удар по всем религиозным сектам. Клоотс обрисовал общество будущего, утопическую всемирную республику всеобщего равенства, где не будет ни бюрократии, ни палачей, где люди будут объединены знанием и разумом. Но, заявил он, «главным препятствием для претворения в жизнь моей утопии является религия». Впрочем и примеры дехристианизации убеждают нас в том, что народ вполне созрел, чтобы больше не верить «поповским фокусам» и вернуться к истинной морали. Клоотс предложил увековечить память того церковника, который первым отрекся от религиозных заблуждений, — поставить в храме Разума статую «смелого, великодушного и великого Жана Мелье». Конвент единодушно постановил принять в дар книгу Клоотса,

в которой «констатируется ничтожество всех религий», и передать в комитет народного образования предложение воздвигнуть памятник Мелье.

Значило ли это единодушие, что весь состав Конвента одобряет дехристианизацию? Отнюдь нет. Среди депутатов была многочисленная группа, иронически названная болотом, которая всегда поддерживала партию, наиболее сильную в данный момент. Это были «беспартийные» буржуазные политики, которые порицали «крайности», но трусость мешала им высказывать свои мнения вслух. Они ограничивались пассивным протестом. Так, например, многие из них 10 ноября не участвовали в «празднике Разума».

Дантонисты поддерживали дехристианизацию для того, чтобы прослыть «крайними». Со временем благоприятная для эбертистов обстановка в Конвенте должна была измениться и это сказалось на всей религиозной политике. Эти изменения были следствием обострившейся классовой борьбы.

Раньше всех выступили против культа Разума дантонисты. Прежде всего их напугал размах дехристианизации. К тому же оказалось, что своим участием в движении они не сумели скрыть присущую им «умеренность», т. е. склонность к политике, угодной новой буржуазии, спекулянтов и наживал, которые не могли мириться с террористическим режимом. Когда Робеспьер в начале ноября в якобинском клубе заговорил о «мошенниках», «врагах республики», то все, и в первую очередь сами дантонисты, поняли, что речь идет о них. И тогда дантонисты, спасая себя, перешли в церковном вопросе в лагерь Робеспьера, религиозные взгляды которого были им достаточно близки. Повода для выступления долго ждать не пришлось.

Вопрос об отделении церкви от государства ставился неоднократно. Сейчас, когда католический культ был повсеместно отвергнут, казалось, настало время для его положительного разрешения. Действительно, в ноябре 1793 г. он был поднят снова. 8 ноября в Конвенте был зачитан адрес республиканских обществ Шербурга, в котором утверждалось, что оплачивать служителей одного культа — значит покушаться на свободу всех прочих культов, что «свободная нация не может... признать гос-

подствующий культ»⁴⁷. Одновременно в Париже центральный клуб народных обществ от имени 56 обществ возбудил аналогичное ходатайство перед Парижской Коммуной, а 11 ноября депутация от клуба пришла в Конвент с требованием «издать закон, согласно которому ни один гражданин не должен был бы участвовать в оплате культов, в которые он не верит... почему мы должны заставить свободного республиканца, человека, знающего лишь один культ свободы и любви к родине, платить эту постыдную дань. Пора перестать оплачивать обман и фанатизм!»⁴⁸.

Можно было ожидать, что Конвент благосклонно отнесется к просьбе делегации, так как связи католического культа с государством были порваны, да и сам культ был осужден. Но этого не случилось. С возражением выступили дантонисты, притом те из них, которые еще недавно были рьяными сторонниками дехристианизации. Шабо постеснялся прямо отвергнуть справедливое требование клубов и предложил передать его на рассмотрение комитетов, чтобы за это время «узнать мнение остальных частей республики». Другой активный дехристианизатор и друг Дантона Тюрио призывал «отомстить добром священникам за то зло, что они содеяли», и предложил установить пенсии тем из священников, кто отрекся от сана и остался без средств к существованию. Оба предложения были приняты, а просьба делегации оставлена без внимания. Это произошло на следующий день после торжеств в честь Разума.

Почему Конвент не пожелал увенчать религиозную политику последних недель закономерным, давно назревшим отделением церкви от государства? Быть может, большинство Конвента надеялось на возрождение католицизма, культа традиционного, имевшего прочные корни в народе? Или оно не верило в победу нового культа Разума, пышного до театральности, но надуманного, культа, который неизбежно исчезнет, когда улягутся бури революции? Как бы то ни было, не смея на словах противоречить сторонникам дехристианизации, Конвент и правительство фактически сдерживали движение, а то и прямо сопротивлялись ему, как в описанном выше случае. Но это было лишь началом. Вскоре в наступление перешел Робеспьер.

22 октября комиссар Дюмон писал Комитету общенационального спасения: «Я только что приказал арестовать священников, позволяющих ознаменовывать чем-либо церковные праздники или воскресенья. Я уничтожаю кресты и распятия и вскоре предпишу отправить в изгнание тех черных зверей, которых называют священниками». Немедленно Комитет за подписью Колло д'Эрбуа, Робеспьера, Карно и Бильо-Варенна направил Дюмону политически совершенно правильный ответ. «Нам кажется,— писали они,— что своими последними действиями вы слишком сурово ударили по католическому культу. Настроение части Франции, особенно на юге, еще склонно к фанатизму. Надо очень остерегаться того, чтобы не доставить какого-либо повода, могущего оправдать клеветнические нападки тех лицемерных контрреволюционеров, которые стараются разжечь пламя гражданской войны. Нельзя дать им повод говорить, что нарушается свобода культов и что идет борьба против самой религии. Надо наказывать священников с антиобщественными и бунтовщическими убеждениями, но отнюдь не провозглашать открытое гонение на сан священника, как таковой»⁴⁹.

Как стало впоследствии известно, Робеспьер резко порицал Анахарсиса Клоотса за то, что он вынудил Гобеля отречься от сана. Беседа между ними происходила в ночь с 6 на 7 ноября. Когда Клоотс доложил об одержанной им «победе» над парижским епископом, Робеспьер выразил ему свое недовольство в резкой форме. Он привел один довод: «Вы нам недавно говорили, что надо вступить в Нидерланды, помочь им восстановить свою независимость и обращаться с населением, как с братьями. Почему же вы отталкиваете от нас бельгийцев, нападая на суеверия, к которым они столь привязаны?» Клоотс возразил: «Но ведь нас уже тысячу раз называли безбожниками». Робеспьер его прервал: «Верно, но это обвинение до сих пор не подкреплялось фактами»⁵⁰.

Внешнеполитические мотивы также занимали видное место в определении позиции Робеспьера. Он опасался, что насильственная дехристианизация и в тех областях, которые занимали французские войска, повлияет на позиции нейтральных держав, так как даст в руки врагов

Франции новое оружие в виде обвинений революции в богохульстве. Эти опасения он впервые выразил в Конвенте 17 ноября, где дехристианизаторы, правда, пока еще намеками, изображались провокаторами, действующими по наущению врагов республики, ибо «они усиливают фанатизм вместо того, чтобы его уничтожить».

А в это время поступали тревожные сведения о недовольстве населения принудительным закрытием храмов, ликвидацией католического культа. Имели место случаи, когда рядом с протестами против дехристианизации ставились контрреволюционные требования. Так, в Жюи-сюр-Морэн (департамент Сены и Марны) сотни вооруженных крестьян угрожающе заявили комиссару Мориссону: «Мы хотим, чтобы была восстановлена католическая религия и чтобы не было якобинцев».

Эти факты дали Робеспьеру основание обвинить дехристианизаторов в том, что они возбуждают фанатиков против революций, что из-за них пламя мятежа в Вандее никогда не погаснет, что против «святотатственного правительства» пойдет вся Европа.

А эбертисты, ободренные успехами дехристианизации, тем временем осмелели. 21 ноября в Конвенте они потребовали самых суровых мер борьбы с аристократами, а особенно со священниками, ибо, по словам Моморо, «мы должны дрожать от страха, пока остается хотя бы один поп, не отрекшийся от сана»⁵¹. Вечером Робеспьер в якобинском клубе произнес знаменательную речь. «Неужели правда,— сказал он,— что фанатизм является главной причиной наших бедствий? Фанатизм? Он издыхает, можно сказать, что он умер. Направляя на борьбу с ним все наше внимание, не отвлекаемся ли мы от действительных опасностей, которые нам угрожают? Фанатизм — это дикое и капризное животное: оно бежит от разума. Но если вы будете преследовать его громкими криками, то он вернется на прежнее место». Отметив, что разум и философия могут лишь приветствовать граждан, отказывающихся от суеверий, Робеспьер воскликнул: «Но по какому праву неизвестные доселе за все время революции люди используют все эти события для того, чтобы создать себе популярность, чтобы провоцировать патриотов на неправильные поступки и вызвать среди нас раздоры и распри? По ка-

кому праву во имя свободы они являются нарушать свободу культов?... По какому праву они будут превращать в надоедливые и смешные фарсы те торжества, которые устраиваются для прославления истины?»

Итак, антихристианская пропаганда решительно осуждена. Правда, Конвент до сих пор ее позволял. Но у него были совсем другие намерения. «Есть люди,— продолжает Робеспьер,— которые вообразили, будто Конвент, приняв гражданские приношения, тем самым изгнал католический культ. Нет! Конвент не совершил этого безрассудного поступка и никогда не совершит его. Его целью является поддерживать свободу культов, которую он сам установил, и вместе с тем наказать всех тех, кто воспользуется ею с целью нарушения общественного спокойствия».

Теперь Робеспьер дал волю своему гневу против полой религии, «религии атеизма». «Атеизм,— сказал он,— аристократичен, идея же великого существа, которая защищает угнетенную невинность и карает торжествующее преступление,— эта идея в высшей степени демократична (бурные аплодисменты). Народ, угнетенные рукоплещут мне, я могу встретить критику только в среде богачей и преступников. Уже в школе я был плохим католиком, но я никогда не был равнодушным или непостоянным защитником гуманности. Теперь я еще больше привязан к тем моральным и политическим идеям, которые я изложил вам. Если бы бога не было, его нужно было бы выдумать... У нашего народа нет привязанности ни к священникам, ни к суевериям, ни к религиозным церемониям, ему дорог только самый культ, то есть идея о непостижимой власти, карающей преступников и поощряющей добродетель». В заключение Робеспьер выдвинул против деятелей дехристианизации очень грозное в ту пору политическое обвинение в измене, сказав, что они «подлые приспешники иностранных тиранов», чьи крайности, выдаваемые за общие убеждения, рассчитаны на то, чтобы «сделать нас ненавистными для всех народов и этим укрепить колеблющиеся троны тех негодяев, которые их угнетают»⁵².

Понятно, не было никакого основания для обвинения в переходе на службу тиранам тех деятелей революции, которые самую дехристианизацию искренне

считали лучшим средством борьбы со всякой тиранией. Но обвинение было брошено, и большинство в Конвенте, включая робеспьеристов, дантонистов и болото, охотно его поддержало. На следующий день эбертисты столкнулись с блоком робеспьеристов и дантонистов и потерпели в Конвенте поражение. 22 ноября обсуждалось уже одобренное предложение Тюрио о пенсиях священникам, отрекшимся от сана. Повторив обвинение, выдвинутое Робеспьером против дехристианизаторов как агентов «вечно бодрствующих Питта и Кобурга» (министры Англии и Австрии), докладчик призывал проявить как можно больше гуманности к священникам. Его поддержал Дантон, который заявил: «Если вы лишите священников средств к существованию, вы их поставите перед выбором: либо умереть с голоду, либо присоединиться к вандейцам... Я требую экономии человеческой крови, я требую, чтобы Конвент проявил свою справедливость в отношении тех, кто не показал себя врагом народа». Одиноким прозвучал голос неизвестного депутата, несомненно, принадлежавшего к эбертистам. Он сказал: «Раньше, чем решить судьбу священников, нужно спросить себя — не обязана ли нация прежде оказывать помощь неимущим патриотам, защищавшим родину, нежели священникам — обманщикам, отрекшимся от сана, но достаточно молодым, чтобы работать». Затем оратор спрашивал: как можно в одно и то же время оплачивать епископов и священников и провозглашать, что священники всегда были «бичом нации, залившим землю кровью народов»? Эта речь примечательна, она показывает, что дехристианизация большого всего отвечала настроениям тех, кто был наиболее близок к демократии и плебейству. Эбертисты проиграли, декрет о пенсиях был утвержден.

Удары сыпались один за другим, но левые не сдавались. На следующий день Шометт в Коммуне произнес воинственную речь. Он говорил о «публичных женщинах, сделавшихся богомолками», о священниках, «способных на все преступления». Выходит, одной речи Робеспьера было недостаточно, чтобы дать обратный ход движению. И тогда в бой вступил Дантон. 26 ноября он потребовал, чтобы в стенах Конвента не устраивались антирелигиозные маскарады. «Пусть те, кто

желает сложить на алтарь отечества останки церквей, не делают из этого ни забавы, ни триумфов... Я требую, чтобы был положен конец этим манифестациям!»⁵³. Предложение было принято. В тот же день, словно стараясь завоевать расположение Робеспьера, Дантон доказывал, что необходимо устраивать празднества в честь Верховного существа — властелина природы. «Разве для того, — спрашивал он, — мы уничтожили суеверия, чтобы установить царство атеизма?» Поразительно, до чего схожи были даже выражения, которыми пользовались эти два столь несхожих политических лидера. Но то время, как Робеспьер боролся с «атеизмом» во имя упреждения революционного режима, у Дантона были другие намерения. Он тяготился террором в политической области, а потому спешил его устранить и в церковной. Именно этого требовали стоявшие за его спиной спекулянты и новые богачи.

Перед лицом наметившегося сближения между робеспьеристами и дантонистами Шометт и Эбер решились отступить. Дело не в том, что левые «вдруг» осознали безуспешность их попыток ликвидировать культ. Объяснение их повороту надо искать в острой классовой борьбе, нашедшей свое отражение и в столкновениях в Конвенте и в борьбе вокруг культов. Начавшееся отступление вчера еще пламенных «врагов католицизма» лишний раз убеждает нас в том, что истинные причины всего антихристианского движения надо искать раньше всего не в философии, а в политической и классовой борьбе. Сейчас, когда левым грозила политическая изоляция, они предпочли пожертвовать курсом, который еще недавно казался им единственно верным.

Сразу же за выступлениями Дантона в Конвенте, Шометт выступил в Коммуне с речью, которую нельзя расценивать иначе, как стремление попасть в тон Робеспьеру и Дантону. «Какое нам дело до того, — сказал он, — является ли тот или иной человек теистом или атеистом, католиком или православным... Пусть он верит во все, что ему угодно..., лишь бы он был республиканцем. Не будем мешать его фанатизму, а займемся лишь тем, чтобы обеспечить ему свободное пользование всеми его правами, в том числе правом фантазировать». Признав, что «атеизм не выражает воли народа», Шометт внес два

предложения: первое — не выслушивать в Совете Коммуны речей по вопросам культа и религии; второе — подтвердить, что «поскольку отправление культов является свободным», то нельзя препятствовать гражданам «ни нанимать здания, ни оплачивать служителей культа»⁵⁴. Некоторые члены Совета возражали, говоря, что если будут снова открыты церкви, то «фанатизм, временно подавленный, возродится с новой силой». Однако Шометту удалось провести свои предложения.

Тем временем Робеспьер продолжал начатое наступление. 28 ноября в якобинском клубе он пугал дехристианизаторов тем, что они понесут наказание за свои преступные намерения, за то, что европейские монархи извлекли выгоду из гонений на религию, «изобразив Конвент соучастником всех этих безобразий». Теперь настала очередь обороняться и Эберу, одному из главных дехристианизаторов. Он выступил вслед за Робеспьером и решительно отвел возводимые на него обвинения в атеизме. «Я заявляю, — сказал он, — что всегда проповедовал чтение евангелия для жителей деревни. Эта книга морали кажется мне заветом для того, чтобы быть хорошим якобинцем. На Христа я смотрю, как на основателя народных обществ»⁵⁵. Защищаясь, Эбер осуждал и культ Разума. Особенно резко звучали его нападки на тех, кто уверял, будто дехристианизаторы хотят заменить культ другим и превратить Марата в божество. Все это, по его словам, «западня, расставленная врагами, чтобы дискредитировать революцию, выставив ее в смешном виде».

Это отступничество не помогло ни Шометту ни Эберу. Политические и религиозные соображения делали Робеспьера непримиримым в отношении своих недавних союзников. Когда придет время отправить их на гильотину, не последним пунктом обвинения будет, как сказано в обвинительном акте против Шометта, «соглашение составленное Гобелем, Клоотсом, Шометтом, Эбером и их прихвостнями с целью изгнать всякую идею о божестве и основать французское государство на атеизме».

И все же историческая правота была на стороне Робеспьера, справедливо опасавшегося, что насильственная дехристианизация усилит позиции контрреволюции. Совсем не случайно атеист Сильвен Марешаль

считал, что «насилием нельзя убить церковь»⁵⁶. Он также

Политические соображения Робеспьера, всеми признанного авторитетного вождя революции, увлекли за собой Конвент, и судьба культа Разума была предreshена. 5 декабря, в ответ на опубликованный антифранцузский манифест европейских монархов Конвент принял составленный Робеспьером манифест к народам Европы. В нем говорилось: «Ваши повелители обманывают вас, говоря, что французская нация преследует все религии, что мы заменили культ божества культом нескольких людей. Они рисуют нас в ваших глазах идолопоклонниками или безумцами. Это неправда. Французский народ и его представители уважают свободу всех культов и не подвергают гонению ни один из них»⁵⁷.

Теперь оставалось официально осудить дехристианизацию, и это сделал декрет 6—8 декабря. Вот его содержание: «Национальный Конвент, принимая во внимание принципы, провозглашенные им от имени французского народа, и необходимость поддержания общественного спокойствия, постановляет: 1) запретить всякие насилия и меры, противоречащие свободе культов; 2) вмешательство установленных властей должно ограничиваться мерами полицейского надзора и охраны общественной безопасности; 3) вышеизложенные статьи не имеют в виду отмены законов и мер общественного спасения, направленных против непокорных или мятежных священников или против всех тех, кто стал бы злоупотреблять религией с целью повредить свободе. Конвент не имеет также в виду осудить все то, что было до сих пор сделано постановлениями комиссаров»⁵⁸.

Декрет о свободе культов был подхвачен дантонистской прессой. Камилл Демулен 10 декабря обрушился на дехристианизаторов, которые своими фарсами, «недостойными величия Конвента», старались представить французов в глазах Европы «безбожным народом». Он с тем большей охотой обвинял Шометта и Клоотса в действиях, «грозящих контрреволюцией», что к этому времени дантонисты и эбертисты занимали в революции противоположные позиции. Дантонисты стремились извлечь из декрета 6—8 декабря политические выгоды и потребовать пересмотра всей предшествующей политики. Уже

5 декабря Демулен в своей газете «Старый Кордельер» заявил о несогласии с теми, кто говорит, что «надо поставить террор в порядок дня. Я уверен в обратном — свобода будет упрочена, а Европа побеждена лишь в том случае, если у нас будет комитет милосердия».

А между тем только что официально осужденный культ Разума продолжал отправляться, а антихристианская пропаганда велась по-прежнему и даже с некоторым ожесточением. Конечно, нашлись комиссары, которые быстро «перестроились» в духе новых веяний. Так, Дартигоейт, слывший до сих пор «разрушителем католицизма», уже 13 декабря писал правительству: «Революция против духовенства зашла слишком далеко... в некоторых местах чинили насилие над совестью, слабым людям ставили в вину их религиозные идеи»⁵⁹. О своей роли в насилиях Дартигоейт предпочел умолчать. Комиссар Ленъело, который недавно вместе с Лекинио «расправлялся» с фанатизмом, теперь обвинял последнего в «неблагоразумии» и т. д. Но остается непреложным фактом, что храмы, как и раньше, закрывались, сам Конвент продолжал принимать патриотические дары в виде церковной утвари, выслушивал адреса, в которых поносились «шарлатанство попов», отречения от сана. Так, 13 декабря зачитывался список 145 отречений. В тот же день республиканское общество Эр требовало от Конвента, «чтобы не было больше попов и чтобы ни один из них не оплачивался». Из Вердена 17 декабря поступил адрес: «Во всех коммунах нашего дистрикта народ отказался от идола и заменил его культом Разума»⁶⁰. Так было в декабре 1793 г. и в начале 1794 г. Кутон, ближайший сподвижник Робеспьера, в самом Конвенте издевался над «шарлатанством церковников», показывая с трибуны «святые реликвии», привезенные из провинции.

Нет ничего необъяснимого в этом противоречии — оно вполне вытекало из декрета 6—8 декабря, который сам был противоречив. Действительно, Конвент провозгласил (в который раз!) свободу культов, но не отменил постановлений и действий комиссаров, нарушавших эту свободу. Можно ли это объяснить только нежеланием подорвать престиж представителей центральной власти на местах? Не вернее ли предположить, что, издавая декабрьские декреты, Конвент был в то же время всерьез

озабочен тем, что священники воспользуются ими в своих антигосударственных целях? Во всяком случае, это сообщение, несомненно, учитывалось. Его попросту нельзя было игнорировать: многочисленные факты ежедневно напоминали о реальности этих опасений.

Новый этап антицерковного движения.

Культовый Верховный суверенитет

Декрет 6—8 декабря о свободе культов имел, безусловно, положительное значение в той мере, в какой он подверг осуждению принудительную дехристианизацию Франции. Однако этот декрет не в состоянии был разрешить церковный вопрос; он его усложнил и запутал. Ни о каком даже приблизительном единообразии в религиозной политике конца 1793 и начала 1794 г. не было и речи. Повсюду царил разброд, правительство было растеряно, его представители на местах неуступчивы. С одной стороны, были многочисленные факты одобрения декретов. Тайный агент Гривель 10 декабря доносил, что запрет применять насилие в вопросах религии — мера как нельзя более «своевременная, под пеплом уже огонь тлеет, быть может, скоро произойдет взрыв. Декрет Конвента начинает успокаивать умы»⁶¹. Лежандр писал из Ньевра, что декрет повсюду принес «успокоение и надежду». Из провинции также сообщали, что народ празднует, как и прежде, воскресенье, что лавки закрыты, а «церкви полны верующих». Были и такие мнения: декретируя свободу культов и одобряя действия его комиссаров, Конвент «в одно и то же время сказал и да и нет... Так не лучше ли просто разрешить свободу культов, оплачиваемых гражданами?»⁶².

В противоположность этому многочисленные донесения с мест говорили о том, что декреты оказали отрицательное действие, что церковники воспользовались ими в целях, далеко не чуждых врагам республики. В стране началась религиозная реакция, духовенство ожило. А так как контрреволюция постоянно пользовалась церковью как орудием своей политики, то естественно было ожидать, что она не преминет воспользоваться фактом дехристианизации. Комиссар Лекинио так писал: «Этот декрет едва не причинил огромное зло в департаментах... он до

какой степени придал аристократам смелость, что во многих местах мы были вынуждены применить вооруженную силу для подавления или предупреждения восстаний». В Шато-дю-Луар раздавались угрозы, совершались провокации против патриотов, так что пришлось прибегнуть к решительным мерам. Серьезней было донесение Лано из департамента Коррез: в кантоне Меймак 10 декабря, в день, когда патриоты собрались на праздник Разума, неожиданно раздался набат. По этому сигналу с гор спустились вооруженные мятежники, напали на патриотов и более 40 из них были тяжело ранены. Под лозунгами «Да здравствует религия! Да здравствуют священники! Да здравствует Людовик XVII!» фанатики ограбили дома патриотов, разрушили статую Свободы, растоптали национальные кокарды. Рассеяны мятежники были лишь с помощью армии. Вожаки мятежа признались, что «под предлогом свободы культов» они призвали крестьян напасть на города и «истребить протестантов». В феврале вспыхнула «маленькая Вандея» в департаменте Эндр и Луары. В департаменте Шер совершались нападения на клубы. В Артоне в день празднования взятия Тулона фанатики мешали церемониям, говоря: «Мы за республику, но мы хотим также религии. Долой красные колпаки!»⁶³.

Религиозная реакция выразилась и в том, что многие священники, ранее отрекшиеся от сана, возобновили службы и в проповедях ругали «клубистов» за то, что те вынудили их совершить святотатство. Теперь, когда Конвент осудил дехристианизацию, священники осмелились нарушить и другие его постановления. Так из Байо сообщали, что «злодеи-священники игнорируют законы и ведут записи актов гражданского состояния, датируя их по старому летоисчислению «год искупления 1794-й».

В Париже произошел любопытный инцидент. Когда по улицам последовали экипажи с арестованными эмигрантами и священниками, один гражданин сказал: «Пора бы избавиться от всех этих злодеев, их следовало бы убить». Его сейчас же окрестили «агентом Питта и Кобурга» и отвели в ближайший комитет секции.

Между тем «агентами Питта» как раз и были священники, причастные к волнениям под религиозным флагом, происходившим в начале 1794 г. в департаментах

Морбиган и Нижняя Луара, в Гаре и Лозере, в Верхнем Рейне, в Ланде, где был раскрыт заговор, имевший целью выдать департамент испанцам. В распоряжении комиссара Фусседара было достаточно фактов для следующего заключения: «Области, менее зараженные присутствием священников, более расположены к революции»⁶⁴.

Провозглашение свободы культов не остановило поэтому революционного террора, и по решению трибунала было гильотинировано много духовных лиц. Газеты регулярно печатали смертные приговоры, в которых часто встречались имена священников, их обвиняли в «контр-революционной пропаганде» и участии в заговорах. Были казнены кюре Жан Баптист Пейир из Сены и Уазы, Жан-Мари Аллар из Сомюра, Ванклемпюр (он показывал «пакет, смоченный кровью тирана»), Шампань из кафедрального собора Труа, капуцин Дондаго, Мандо (за связь с вандейцами), Блокен из Орлеана, Эбер-Виллер (за помощь врагам республики) и многие другие.

Декабрьские декреты могли быть использованы врагами. И первыми, кто это увидел, были комиссары. Естественно, что они сопротивлялись постановлениям Конвента. В конце концов, в их руках был главный довод той поры — революционная целесообразность, а нарушать декреты они не боялись, так как все прошлые их «крайности» были прощены тем же декретом 6—8 декабря 1793 г. Этим и можно объяснить, что антихристианизаторская деятельность комиссаров в некоторых местах не претерпела существенных изменений. Народные общества также выражали недовольство «свободой культов». Последнее обстоятельство было особенно важно, ибо комиссары находились под влиянием местных революционных обществ и уж во всяком случае считались с их мнением. Так, муленский клуб требовал от Конвента не только взять обратно свой декрет, но и «уничтожить последние остатки капитунады, известной под названием гражданское устройство духовенства, снести все колокольни, не допускать никаких религиозных церемоний»⁶⁵. Клубы сопротивлялись открытию церквей, считая это мероприятие противоречащим интересам государства. Родезский клуб в январе 1794 г. на собрании граждан в храме Разума провел постановление, в котором объявлялось об отказе «осуществлять публичный культ». Во мно-

гих обществах принимались клятвы не иметь никакой иной религии, кроме религии природы, никаких иных алтарей, кроме алтарей отечества, никаких иных священников, кроме законодателей, иного культа, нежели культ свободы, равенства и братства. Клуб Эгеморта постановил: «Так как смерть есть вечный сон, никто не будет носить траура»⁶⁶. Правда, большинство клубов публично не протестовало против декабрьских декретов, но редко кто собирался их выполнять; некоторые клубы даже пытались повлиять на Конвент, чтобы тот отменил декреты. Например, 15 декабря народное общество Монконтур просило Конвент сделать так, «чтобы священники не могли нам вредить, объявив подозрительными всех тех, кто в определенный срок не сдаст свои дипломы безделья и обмана. Вы декретировали свободу культов, но это не значит, что вы хотели покровительствовать лжи...»⁶⁷.

Революционные круги опасались, что декреты о свободе культов явятся началом политической реакции против санкюлотов. Народное общество Лилля видело в них проявление «умеренности», а народное общество Дуэ направило своих членов в деревни с заданием, явно антихристианизаторским, «высмеивать обезьяничающие попов».

Тайный осведомитель Шармон доносил 2 января 1794 г.: «Обвиняют Робеспьера в том, что с некоторых пор он проявляет чрезмерную умеренность во многих вопросах, например в отношении к расе попов, которую он хочет увековечить»⁶⁸. Видимо, такие настроения имели место, ибо еще 26 декабря Робеспьер жаловался на то, что «в кафе о нем говорят, как об умеренном, фельяне»⁶⁹.

Известны и многие попытки помешать отправлению католического культа. Так, в Париже 2 февраля в церкви Успения служили мессу. Когда церемония близилась к концу, явились «трое или четверо якобинцев в красных колпаках» и, став как часовые у дверей, с книгой записей в руках, потребовали от присутствующих, чтобы каждый себя назвал и указал свое местожительство. Власти дистрикта Авень департамента Нор тоже игнорировали декреты. 9 января они вторично запретили всякое публичное отправление католического культа и колокольный звон, предписали уничтожить кресты, распятия и статуи.

Комиссары лучше Конвента видели отрицательные политические последствия «свободы культов». Ру-Фазильяк

писал 17 декабря из Перите о первой реакции на декреты: священники, отрекшиеся от сана, возвращаются к своим службам, приходы требуют возвращения своих кюре, церковные службы посещают верующие из приходов, где нет кюре. В иных местах крестьяне требуют немедленного осуществления декретов, «сопровождая свои требования оскорблениями и угрозами в адрес муниципалитетов. А так как аристократы используют в своих целях подобные движения, то обманутый народ дошел до того, что требует возвращения неприсягнувших священников». Комиссар Дартигоейт недвусмысленно осудил декрет: «Клубы, местные власти и наблюдательные комитеты сопротивляются открытию церквей, они считают эту меру реакционной и совершенно непополитичной».

Сопротивление «свободе культов» имело в основе стремление оградить республику от новой опасности оживления духовенства. Политические мотивы стояли на первом плане. Вот что пишет по этому поводу историк Олар: «Многие духовные лица воспользовались этим декретом с целью противодействовать республике; во многих местах эмиссарам Конвента пришлось констатировать, что сборища для отправления культа были в такой же мере политическими, как и религиозными. Повсюду, где замечалось скрытое или явное сопротивление установлению революционного правительства, повсюду, где плохо выполнялись законы о наборе, повсюду, где казалось, что успеху национальной защиты мешали недоброжелательство или апатия, во всех заговорах и во всех интригах, направленных против революции, эмиссары Конвента, когда они добивались до сути дела, всегда находили руку священника».

Так создавалась обстановка, при которой многие комиссары решили продолжать прежнюю политику. В донесениях же пресловутого Андре Дюмона словно ничего не изменилось. 10 декабря он докладывал о празднике Разума в Амьене, где ему довелось совершить обряд бракосочетания одного бывшего священника, а также крестины. Отец ребенка тоже получил новое имя — раньше он назывался Руа (по-французски — король), теперь его зовут Мир. 14 декабря Дюмон с удовольствием сообщал, что граждане Монтаня, освобожденные от предрас-

судков, ненавидящие мошенничества попов, «не ограничались сожжением всех болванчиков, именуемых святыми. Они ходатайствуют, чтобы помещение, до сих пор служившее манежем для священников и фанатиков, было тотчас же превращено в рынок. Я не считал возможным противиться их желанию и постановил, если, конечно, вы одобрите, что бывшая церковь будет хлебным рынком»⁷⁰. 21 января 1794 г. он же в дехристианизаторском стиле писал: «Священнический сброд чувствует приближение своего последнего часа... Лживость этих зверей до такой степени изобличена, что жители деревень сами помогают нам очищать церкви». И вот уже церковные скамьи переданы народным обществам и госпиталиям, «калтари, эти подмостки шарлатанства», разрушены. Лишь кафедры сохранены, чтобы с них провозглашать законы и просвещать народ.

Комиссар Кимберто из Тура спокойным тоном, словно он к тому не причастен, поведал о том, как санкюлоты напали на церкви, в которых совершались ночные мессы и «сожгли на костре все реликвии и изображения так называемых апостолов суеверий». Крассу, комиссар в департаменте Сены и Уаза, сообщал 21 января: «Итак, со всем, что касается религии, здесь покончено, либо близко к этому»⁷¹. Альбитт докладывал о том же: «Я хочу избавить департаменты Эн и Мон-Блан от священнического сброда и я добьюсь, чего бы это ни стоило, что здесь не будут более служить мессы, подозрительные не будут нас тревожить, а колокола будут перелиты». Иные комиссары, вроде Жавога из департамента Соны и Луары, считали, что поскольку все меры исправления священников оказались безрезультатными, то «не проще ли было бы их перестрелять»⁷². Не осмеливаясь прямо назвать Конвент, комиссар Лано направлял свои стрелы вообще против тех, кто, прикрываясь революционными фразами, «говорят об опасности лобовой атаки на религиозные предрассудки и уничтожения внешних знаков господствующего культа».

Открыто возражали Конвенту лишь те, кому довелось сталкиваться с волнениями, виновниками которых было духовенство. Шатонеф-Рандон из департаментов Пуи-де-Дом, Канталь и Ардеш считал декреты опасными для республики. «Веротерпимость, — говорили они, — одна из

наиболее прекрасный черт республиканской конституции, но разве она должна распространяться на шарлатанов, которые являются более опасными врагами народа... не жели все армии коалиции?». Далее следовало признание: «Я пришел к выводу, что арест всех священников, не отрекшихся от сана, производит благоприятное действие». Пресловутый Каррье, отозванный Конвентом за его безмерные жесткости, писал из Нанта, что следовало бы направить в районы внутренней Бретани депутата с кавалерийским отрядом в 1200—1500 сабель, который объездил бы сельские местности и «как бы ненароком сжег все церкви», учинил расправу над неприсягнувшими священниками и увел с собой «почти столь же опасных конституционных священников». В этом случае крестьяне, лишённые церквей, набатов, попов и аристократов, будут думать «только об обработке своих полей и уплате налогов»⁷³.

Действуя в этом духе, комиссары как ни в чем не бывало продолжали закрывать церкви и превращать их в храмы Разума, заключали в тюрьму священников, как писал один комиссар, «не за то, что они совершают мессы а потому, что они возбуждают умы, втайне готовят контрреволюцию»⁷⁴.

Среди множества донесений комиссаров встречаются, понятно, и слова одобрения по адресу декабрьских декретов. Такого мнения был, например, Паганель из Тулузы, чье письмо от 14 декабря было по существу переложением робеспьеровских речей — тут и «экспессы» и «заговоры, подготовленные агентами Питта» и т. п. Точно соблюдая декреты 6—8 декабря, комиссары Лежандр и Луше снова открыли церкви в Руане, а Бютель даже лично направился в церковь в Маньи-ле-Фрель департамента Кальвадос, чтобы не «оскорбить верующих отказом».

Значительное же число представителей Конвента, а с ними и местные власти не знали как им быть. Они метались между обязанностью подчиниться декретам и необходимостью в интересах спасения республики обуздать церковь. При создавшемся положении в стране царила неразбериха, и более осторожные из комиссаров, не зная, какую линию поведения выбрать, обращались за указаниями к Комитету общественного спасения. О том, как велико было замешательство, свидетельствует письмо

миссара Бантаболя. Он спрашивал: «Если граждане требуют служить мессу в своей приходской церкви, надо ли им отказать в этом? Должен ли муниципалитет рассеять сборища тех, кто не хочет, чтобы служились мессы? Наконец, должен ли муниципалитет закрыть церковь, если мнения граждан разделились: одни — за, другие — против мессы?»⁷⁵. Иные комиссары в отчаянии, они не знали как им быть и осаждают Комитет общественного спасения требованиями точно определить их линию поведения. Пфлигер из Седана писал 31 декабря, что сам он сторонник свободы культов, однако в законодательстве по религиозному вопросу много противоречивого, много неясного. В итоге, по его словам, «в иных местах предоставляется полная свобода отправления культа, в других она преследуется»⁷⁶.

Общезвестно, что Комитет общественного спасения во многих принципиальных вопросах проявлял твердость, давал четкое направление, он не ведал колебаний, когда речь шла о спасении республики. В религиозной же политике этой ясности цели не было, циркуляры Комитета можно было толковать как угодно. И такая позиция не была случайностью или ошибкой членов Комитета: они просто не знали, на чем остановиться. Действительно, Комитет стоял перед нелегкой задачей. С середины декабря стали поступать сведения с мест, означавшие, что враги расценили новый курс как победу умеренных, притом не только в церковных вопросах. Ведь проводниками дехристианизации были крайне левые якобинцы, ратовавшие за максимальное углубление революции и усиление террора. Если, рассуждали враги, отвергнута религиозная политика эбертистов, то не значит ли это, что в политике вообще победили умеренные, что революция начинает понемногу отступать? Здесь таилась угроза: получалось, что сам Конвент сделал поблажку врагам республики, позволив им открыть церкви — очаги заговоров. Этого не следовало допускать, нельзя было ослаблять репрессии в отношении духовенства. С другой стороны, совершенно очевидно, что и продолжение дехристианизации было еще более опасно. Что же оставалось делать Комитету, как не остановиться на некоей средней линии, явившейся сочетанием политики свободы для тех, кто желает совершать богослужения, и

принуждения для лиц, использующих эту свободу в ущерб республике? Надо признать, что в конкретных условиях того времени не существовало иного выхода. Вот что мы находим в переписке Комитета общественного спасения с комиссарами.

В своих первых директивах Комитет, естественно, настаивал на веротерпимости и призывал «предоставить религиозным идеям самим прийти в упадок»⁷⁷. 16 декабря в письме к Лано и Бривалю Комитет провозгласил свои принципы: «Просвещать, но не озлоблять, убеждать, но никогда не насиловать. Пусть каждый верит в то, что ему нравится, лишь бы его поведение или ошибки не нарушали общественного спокойствия»⁷⁸. Лекинио получил выговор за то, что 21 декабря опубликовал регламент, запрещавший в департаментах Вандеи, Шаранты и двух Севр проповедь культов вообще. Ему напоминали, что «меньше всего религиозные мнения уступают силе». За подписью Робеспьера и Барера Комитет запретил оперному театру ставить пьесу «Могила обманщика и освящение храма истины».

Однако, правильно запрещая насильственное ущемление свободы совести, Комитет не упускал из виду и другую сторону вопроса, а именно, опасение того, как бы открытие церквей не было использовано врагами революции. Эти мотивы неизменно подчеркивались в циркулярах. Например, 24 декабря 1793 г. речь шла о том, что тираны, которые возобновили свои козни, «заключили союз со священниками, а фанатизм для них — последнее убежище». Поэтому «иди, и с факелом в одной руке просвещай тех, что еще ослеплены старыми предрассудками; с мечом в другой руке — карай тех предателей, которые проповедуют о небе только для того, чтобы легче установить свое господство на земле. Будь терпелив по отношению к первым и устрашай всех заговорщиков». И этот тезис — терпимость к заблуждающимся и подавление священнической контрреволюции — наиболее часто повторялся в переписке. В письме к Лефио говорилось: «Злодеи, переступающие границы, установленные для них законом, не представляют собой нацию — это контрреволюционеры. Преследуй, арестовывай, порази их!»⁷⁹. И рядом в письме к народным обществам в марте 1794 г. указывалось: «Вы желаете уничтожить фанатизм проти-

опоставьте чудесам, почерпнутым в легендах, чудеса, сотворенные свободой; жертвам ослепления — мучеников разума; ханжескому притворству — подвиги Маратов, Лепеллетье и Шалье; церковным маскарадам — пышность наших национальных праздников»⁸⁰.

Но, конечно, обстановка в стране в религиозном вопросе оставалась сложной и даже противоречивой. Ибо если, как это вытекало из директив, надо наказывать мятежников, то практически культ едва ли мог отправляться, поскольку большинство священников принадлежало к разряду подозрительных и как таковые подлежали аресту. Комитет общественного спасения понимал, это, но был бессилен что-либо изменить. Поэтому нередко комиссарам предоставлялось самими на местах решать как им быть, как решать церковный вопрос. «Находясь на месте, тебе легче судить о положении вещей. Комитет полагается на твою энергию и осторожность». По существу, создалось положение, при котором комиссары были вольны толковать декреты 6—8 декабря по своему разумению и в соответствии с нуждами общественного спокойствия. Последнее обстоятельство было решающим, республика отбивалась от врагов. Можно ли упрекать комиссаров в том, что, получив свободу действий, они продолжали искоренять католицизм, преследовать его служителей?

Комиссар Конвента Бо доносил 4 апреля из Авейрона об интернировании в главном городе дистрикта «всех попов, которые отреклись от сана из-за лицемерия». То же писал Маллармэ из департаментов Мез и Мозель: «Скоро мы будем избавлены от этой отравленной пены»⁸¹. Сибло в департаментах Нижней Сены и Эра издал 8 апреля такое постановление: «Принимая во внимание, что священники во все времена были бичом общества, что там, где они господствовали, земля осквернена их преступлениями и окрашена людской кровью; принимая во внимание, что ужасные опустошения, имевшие место в Вандее, явились делом их рук... принимая во внимание, что священники, которые не отреклись от своих функций и не сложили сана, не подчиняются всеобщей воле; что их сопротивление имеет целью увековечить заблуждения, в которых пребывают добрые жители деревень, дабы провозгласить сборища, возбудить мятежи и снова надеть на французов ярмо тирании; принимая во внимание, что

священники являются естественными врагами республики, что они стоят во главе всех интриг и заговоров, направленных против свободы... постановляем: все священники, не отрекшиеся от сана, обязаны в течение 24 часов явиться в главный город дистрикта. Там они будут находиться в специально отведенных для этого зданиях... Священники, которые отреклись от сана, но продолжают обманывать и совращать народ, будут немедленно арестованы. Все лица, которые будут сопротивляться осуществлению данного постановления будут считаться подозрительными и с ними будут обходиться согласно закону о подозрительных»⁸².

Таким образом, весной 1794 г. некоторые комиссары продолжали бороться против церкви, притом даже более энергично, нежели в октябре — ноябре 1793 г. И объясняли они это тем, что в период острой политической борьбы ни один враг не должен поднять головы, а священники не являются исключением. Их следовало разить беспощадно. Следовательно, фактически свободы культа в значительной части Франции не было.

Теперь только и слышно было о том, что «нет больше церквей во Франции». Комиссары Пине-старший и Кавеньяк из Байонны доносили 17 апреля: «В департаменте нет более ни дворян, ни попов». Из Бурже писали: «Все церкви закрыты, воскресенье празднуют лишь небольшое число граждан». Из департамента Ардеш комиссар докладывал: «Я не думаю, чтобы здесь существовала хотя бы одна церковь, из которой так называемый католический культ не был бы изгнан и заменен культом Разума. Кафедры лжи преобразованы в трибуны для проповеди истины...». В некоторых дистриктах «католический культ не существует более», в департаментах Эра и Нижней Сены «не служат более месс» и народ «приветствует эти меры, так как он убежден, что они обеспечивают его спокойствие»⁸³. А чрезмерно старательный Дюмон в прежних выражениях докладывал Конвенту в апреле: «Кульм истины, разума и добродетели заменяет культ фанатизма и суеверия и вместо служителей-священников проповедью занимаются сами санкюлоты, и не словами, а делом». Короче, к лету 1794 г. во всей Франции едва ли насчитывалось 150 коммун, в которых совершались публичные мессы⁸⁴. И что показательно, ни Ко-

митет общественного спасения, возглавлявшийся Робеспьером, ни Конвент не одергивали комиссаров, хотя декрет о свободе культов ими явно нарушался.

Можно сказать больше. Создается впечатление, что культ Разума, хотя и несколько пострадал, но полностью не исчез. И это подтверждается не только терминами, которыми пользовались комиссары и клубисты, но и церемониями в честь Разума, устраиваемыми в самой столице, на виду у Конвента. Так, секция Гравилье 14 марта 1794 г. постановила отмечать каждую декаду торжествами в честь Разума, Свободы и Равенства в помещении церкви Сен-Никола-де-Шан, на дверях которой было выгравировано: «Храм Разума и Истины». Празднества состояли из гражданских песен, речей о благодеяниях революции и способах ее укрепления, чтения новых законов и сообщений об актах патриотизма. Полицейский комиссар зачитывал имена граждан, рожденных, женатых, разведенных и умерших в течение декады. Судья и член комитета секции знакомили собравшихся с добродетельными действиями, свидетелями которых они были. В секции Пон-Неф целью этих празднеств было напоминать гражданам об их правах и обязанностях. В театрах Парижа ставились антиклерикальные пьесы, вроде «Священники и короли», «Похищение колоколов», «Непокорный священник или новый Тартюф» и т. д.

Мы вовсе не утверждаем, что католический культ уступил свои вековые позиции и был изгнан из жизни народа. Католицизм существовал, и мессы совершались тайно. Ни церковь не сдавалась, ни верующие не отвернулись от «религии отцов». Что касается духовенства, то известно, что оно во все времена обнаруживало поразительное упорство и цепкость. Пренебрегая опасностью, воодушевляясь перспективой реставрации, оно давно ушло в подполье, создало разветвленную сеть своих тайных церковных служб, которые и в дни террора не были полностью уничтожены. Примером могут служить так называемые «миссии» в лионском департаменте. Это была крепко сплоченная группа священников, опиравшаяся в своей деятельности на надежных прихожан. Вся лионская епархия, насчитывавшая 800 или 900 приходов, была разделена на группы по 40 или 50 приходов каждая, обслуживаемые несколькими миссионерами во главе с

шефом, который был связан с архиепископом, жившим в эмиграции: Помощниками миссионеров были «наставники» из среды верующих фанатиков. В организации поддерживалась строжайшая дисциплина. В инструкциях наставникам от 12 марта 1794 г. говорилось, что они обязаны «предпочесть скорее умереть, нежели открыть имена миссионеров и места их убежища». Политическую оценку «миссиям» дал генерал Преси, вожак лионских мятежников. Накануне своего бегства из Франции он жил в доме одного «шефа» и оттуда писал брату Людовика XVI графу Прованскому: «Если бы в каждой епархии делали то, что я видел в лионской, вы бы легко вернули себе трон своих отцов»⁸⁵.

Мы не должны забывать, что действия этих миссий были возможны потому, что католическая религия прочно держалась в деревенской массе, а насильственное закрытие храмов глубоко задевало их. В бумагах Робеспьера было найдено письмо от старост прихода Сан-Жюст коммуны Отфаж от 8 марта 1794 г.: «Преисполненные доверия к твоей справедливости, гражданин-представитель, мы закликаем тебя со слезами на глазах и от имени религии оказывать нам благосклонность; мы требуем только справедливости; мы совсем не стоим за внешние проявления культа, вроде процессий, так как мы никогда не были фанатиками, а всегда были мирными. Но если, благодаря тебе, нам можно будет сохранить публичные богослужения внутри наших церквей и наш колокол, призывающий нас идти туда, мы будем вечно благословлять тебя»⁸⁶. Известно немало случаев, когда крестьяне, лишенные храмов и священнослужителей, собирались в частных домах и либо сами пели молитвы, либо слушали молитвы учителей.

А между тем, анализируя переписку с комиссарами, нельзя не заметить, что руководящий орган все более стал проявлять колебания в религиозной политике. В сложной обстановке весны 1794 г. Комитет общественного спасения порой словно метался, бросаясь из одной крайности в другую: то он настаивал на неукоснительном соблюдении декретов Конвента о свободе культов, то ему казались подозрительными даже богослужения крестьян, и он их запрещал. И в этой противоречивости религиозной политики отражалась сложность и противо-

поставленность всей якобинской политики весны и лета 1794 г., знавшей, на кого опереться в своей деятельности и какой средней линии.

Напомним, что якобинцы, великие революционеры буржуазии, до основания выкорчевывали феодальные пережитки, устраняли препятствия, стоявшие на пути развития капитализма. Это значит, что классом, который больше всех выиграл от революции, была буржуазия. Но задача эта выполнена была только потому, что якобинцы, которые вели за собой массы, в то же время оказались способными учиться у масс, воспринять народные методы борьбы с врагами. Когда же революция была успешно завершена, обнаружилось основное противоречие якобинской диктатуры — противоречие между ее буржуазными целями и методами, которыми они достигались. В политике это привело к расколу якобинского блока, к борьбе между различными ее течениями, приведшей весной 1794 г. к казни эбертистов и дантонистов.

Разумеется, в религиозной политике были свои особенности, но она, как мы видели, носила на себе отпечаток острой классовой борьбы.

Чем иным по своему происхождению была дехристианизация, если не крайним средством искоренения клерикальной контрреволюции? В начале революции никто из современников и не подозревал, что борьба зайдет так далеко. К ней прибегли тогда, когда, казалось, не осталось иного средства обезвредить католицизм. Но для подлинной дехристианизации в тогдашней Франции не было даже самых элементарных условий. Никакая буржуазная революция, будь она даже великой и народной по своим методам, как французская, не освобождает народ от эксплуатации и социальной придаленности, а это одна из главных причин устойчивости религиозных пережитков в сознании трудящихся. Только социалистический переворот, превращающий рабочих и крестьян в хозяев собственной судьбы, в то же время создает условия для их освобождения от религиозного дурмана, поддерживаемого и закрепляемого чувством беспомощности и бессилия эксплуатируемых перед имущим и правящим классом. Только победивший пролетариат заинтересован в том, чтобы массы поднялись и отряхнули с себя религиозный груз, державший их в рабстве, только партия

пролетариата вместе с социалистической идеологией вносит в сознание трудящихся веру в силу человека — покорителя и преобразователя природы, способного творить чудеса.

В условиях буржуазной французской революции борьба с христианством, хотя и приобретала порой характер антирелигиозной пропаганды, сводилась к принудительному закрытию храмов и отмене католического культа, осуществляемыми декретами комиссаров. Когда же Робеспьер, обладавший не только непрекращаемым авторитетом, но и наибольшим чувством ответственности за судьбы революции, добился осуждения дехристианизации, обнаружилось, что и свобода культов грозит неисчислимыми бедами.

Весной 1794 г. робеспьеристы пришли к выводу о необходимости предпринять что-либо для успокоения народа. К этому их побуждало и желание какими-нибудь новыми идеями или программой приблизить к себе народные низы и сплотить их на широкой основе. А после разгрома эбертистов социальная база якобинцев до некоторой степени сузилась. Казалось, что, проводя более терпимую политику в отношении религии, можно будет вернуть себе симпатии тех слоев, которые по тем или иным причинам стали отворачиваться от них.

Не могло быть и речи об официальном восстановлении католического культа. Это было бы и опасно, поскольку тотчас же из подполья вышла бы целая армия оголтелых врагов, а кроме того, католицизм противоречил философским и религиозным взглядам революционных вождей якобинской диктатуры. Культ Разума с его атеистическими элементами, не принятый народом, также отвергался. Оставалась «гражданская религия» Руссо, идея о «Верховном существе», назначение которого состоит в том, чтобы поддерживать слабых и добродетельных и служить уздой для сильных и злых.

6 апреля 1794 г., т. е. на следующий день после казни дантонистов, друг Робеспьера Кутон в речи в Конвенте сказал, что Комитет общественного спасения намеревается в скором времени представить проект декадного

праздника «в честь предвечного, утешительная мысль о существовании которого была отнята у народа эбертистами». Месяц понадобился Робеспьеру для подготовки доклада о новой религиозной политике. Хотел ли он за эти недели добиться в среде якобинцев единодушия, которого не было, желал ли он получить дополнительные сведения из провинции о состоянии умов — этого мы не знаем. Но его выступление состоялось только 7 мая 1794 г. (18 флореаля II г.).

Доклад Робеспьера, посвященный религиозным проблемам, был по существу сугубо политическим и целью его было развенчать всех своих противников, найти путь к сердцу масс.

Религиозная философия речи 7 мая содержала все известное нам о «гражданской религии» Руссо, которая, по утверждению Робеспьера, должна составлять единственную моральную основу общества. Изложением этих принципов, т. е. необходимости пронизать все законы и управление «моральными истинами, до сих пор содержащимися лишь в философских сочинениях», и начинался доклад. С присущим ему ораторским блеском, Робеспьер атаковал «апостолов небытия и фанатичных проповедников атеизма», которых он снова изображал заговорщиками и «агентами Питта».

Робеспьер доказывал, что атеизм, на котором покоилась дехристианизация, есть не что иное, как «национальная религия, связанная с системой заговоров против республики». Этими рассуждениями он хотел привязать к правительству массы верующих и тем упрочить якобинскую диктатуру. «Человек, воодушевленный только бесплодной идеей атеизма и никогда не воодушевляющийся во имя интересов родины, — кто поручил тебе проповедовать народу, что божество не существует? Разве хорошо убедить человека в том, что его судьбами управляет слепая сила, случайно карающая то преступление, то добродетель, и что его душа — это только легкое дуновение; исчезающее у порога могилы?». И далее: «Разве мысль о небытии вызовет в нем более чистые и возвышенные побуждения, чем идея о бессмертии? Разве она вызовет в нем больше уважения к ближним и к самому себе, больше храбрости для борьбы с тиранией и больше презрения к смерти и к чувственным наслаждениям?».

Предвидя оппозицию со стороны атеистически настроенных депутатов, Робеспьер заметил, что законодателям не должно быть дела до того, как отдельные философы объясняют явления природы. Для нас истиной является то, «что оказывается полезным в жизни и хорошим на практике». А полезным для общества он считал создание нового религиозного культа Верховного существа. «Идея Верховного существа и бессмертия души,— продолжал он,— является постоянным напоминанием о справедливости; следовательно, эта идея носит республиканский и общественный характер». Приведем эти рассуждения Робеспьера. «Природа наделила человека чувством горя и радости, которые заставляют его избегать предметов, приносящих ему вред, и искать тех, которые ему полезны. Задачей общества является создание такого морального инстинкта, который даже без запоздалой помощи разума, заставлял бы его делать добро и избегать зла... этот драгоценный инстинкт вызывается и заменяется религиозным чувством, которое дополняет авторитет других людей, и запечатлевает в душах мысль о той санкции заповедей морали, которая дана им властью, стоящей над человеком».

Таким образом, Робеспьер всемерно подчеркивал, какие неоценимые услуги общественному благу оказывает религия. Он предупреждал: «Остерегайтесь порвать священные узы, объединяющие людей с их творцом; если только в народе господствовало это верование, то его разрушение является опасным, ибо на этой идее основывается догмат нравственности и сознание долга; уничтожить ее — это значит сделать народ безнравственным». А «безнравственность» разве не ведет к нарушениям норм общественной жизни? «Укрепим,— сказал он,— нравственность на вечных священных основаниях; внушим человеку то священное уважение к его ближнему, то глубокое сознание своих обязанностей, которые только одни являются залогом общественного благополучия».

Провозглашая новый культ, явившийся в сущности чем-то вроде очищенного христианства, Робеспьер опасался, как бы этим не воспользовалась мятежная церковь. Поэтому он предупреждал: «Честолюбивые священники, не ждите, что мы восстановим ваше владычество! Такая попытка была бы даже выше наших сил».

Конец речи был посвящен плану торжеств в честь Верховного существа, которые должны служить воспитанию граждан и днями отдыха, и оглашению проекта следующего декрета:

«1. Французский народ признает Верховное существо и бессмертие души. 2. Он признает, что культом, достойным Верховного существа, является исполнение человеком своих гражданских обязанностей... 4. Для напоминания человеку об идее божества и его величии устанавливаются особые празднества. 5. Их названия должны быть связаны с достопамятными событиями нашей революции, с самыми дорогими и полезными для человека добродетелями и с наивысшими благодеяниями природы... 6. Республика будет ежегодно праздновать дни 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 г., 21 января 1793 г. и 31 мая 1793 г. 7. В дни декад она будет устраивать следующие празднества, посвященные: Верховному существу и Природе; республике; свободе всего мира; любви к родине; ненависти к тиранам и предателям; истине; справедливости; скромности; славе и бессмертию; дружбе; простоте нравов; чистосердечию; героизму; бескорыстию; стоицизму; любви; супружеской верности; отцовской любви; материнской нежности; сыновней почтительности; детству; юности; мужественному возрасту; старости; несчастью; земледелию; промышленности; нашим предкам; потомству; счастью».

После статей, в которых устанавливалось, что празднества будут отмечаться гимнами и гражданскими песнями, в проекте далее говорилось: «11. Свобода культов сохраняется. 12. Всякое сборище, связанное с аристократизмом и нарушающее общественный порядок, будет разогнано. 13. В случае волнений, возникших на почве какого-либо культа, будут наказаны по всей строгости законов все те, кто возбуждал их своими фанатическими проповедями или клеветническими выпадами, а также и те, кто вызвал эти беспорядки несправедливыми и беспричинными насильственными мерами... 15. Двадцатого прериаля будет устроено празднество в честь Верховного существа»⁸⁷. Художнику Давиду, члену Конвента, поручалось подготовить это празднество.

Конвент без прений одобрил предложения Робеспьера и постановил разослать его речь в армию, админи-

стративные учреждения и клубы, в виде афиш расклеить по улицам. Кутон, внесший это предложение, потребовал также перевести речь на все языки и распространить во всем мире, дабы рассеять клеветническое обвинение в приверженности якобинцев к атеизму.

Чем объяснить единодушие Конвента? Едва ли можно говорить о согласии с провозглашенной религиозной политикой всех членов Собрания, в котором были скрытые последователи и Дантона и Эбера, атеисты и материалисты, сторонники дехристианизации и веротерпимости. Наиболее вероятно, что в обстановке усилившегося террора последних месяцев диктатуры трусливое Болото не рискнуло противоречить Робеспьеру. К тому же в эти майские дни начали плестись первые нити заговора, призванного сокрушить Робеспьера, всю его политику, включая религиозную. Для заговорщиков, так называемых термидорианцев, такая политика — удачная мишень для нападков на Робеспьера. Им поэтому было выгодно не противиться этим предложениям, дать им осуществиться, а потом начать борьбу против их автора, обвиняя его в стремлении стать диктатором и верховным жрецом нации. А покамест декрет 18 флореаля был одобрен якобинским клубом и правительственными учреждениями. В якобинском клубе его восхвалял даже недавний дехристианизатор Лекинио. Но нельзя не заметить, что более всего и не без задней мысли он расточал похвалы не по адресу нового культа, а в честь его автора, который де «велик своими политическими и моральными идеями... велик во всем, в большом и малом»⁸⁸.

Спустя несколько дней, 12 мая (23 флореаля) Комитет общественного спасения принял постановление заметить на фронтонах зданий, ранее служивших отправлению культа, надпись «Храм разума» следующими словами первой статьи декрета 18 флореаля: «Французский народ признает существование Верховного существа и бессмертие души». Кроме того, предписывалось, чтобы доклад и декрет 18 флореаля публично прочитывались в этих же зданиях три раза в месяц.

Парижская Коммуна, очищенная от эбертистов и шометтистов, обратилась к Конвенту с адресом, обнародованным 14 мая. В нем были перепевы робеспьеровских гимнов в честь существа, «которое приводит в движение

природу, взирает с благоволением на человека, совершающего добро» и наказывающего пороки. Но наибольший интерес представляла вторая часть адреса.

Дело в том, что новый культ, на деле означавший уступку католицизму, был хорошо воспринят нелегальной церковью, которая считала декрет 18 флореаля переходной ступенью к восстановлению «религии отцов». Священники обрадовались. Как писал впоследствии епископ Грегуар, «появилась надежда на близкое восстановление религии». Между прочим этим питалась и ненависть Бланки, коммуниста и атеиста XIX в., к Робеспьеру, который, по его словам, «выдал королям голову Клоотса, а священникам — голову Шометта, проповедника атеизма», и рубил головы «в честь бессмертия души».

Адрес Коммуны был рассчитан на то, чтобы развеять надежды «фанатиков». В противоречии с самим духом нового декрета авторы утверждали, будто Конвент «не создал религии, а лишь напомнил людям простые и вечные истины, преданные забвению суеверным атеизмом». Адрес отметил наветы «злонамеренных людей», утверждающих, будто декрет возрождает отвратительное чудовище фанатизма. Ничего подобного — ведь в нем священников отождествляют с королями. Кто же после этого захочет стать священником? Да и зачем вообще священнослужители? «Разве нужны особые люди для оказания Верховному существу почестей, которые мы сами ему воздадим с наслаждением?»

В этом примечательном документе отражена вся противоречивость религиозной политики этого времени: поскольку главной целью оставалось посрамление атеизма, объявленного врагом республики, естественно было противопоставить ему религию и только религию.

В то же время было очевидно, что клерикалы могут извлечь для себя выгоду из нового культа, поэтому провозглашалось, что новый культ не является религией и не нуждается в служителях. Кроме того, существовали декреты 6—8 декабря 1793 г. о свободе культов. Отвергая «священническую расу», якобинцы в то же время на практике проявляли о ней известную заботу. Так 7 июня 1794 г. в ответ на донесение комиссара Лебона о том, что в департаменте Нор бывшим священникам не выпла-

чиваются пенсии, Комитет общественного спасения медленно перевел для этой цели 68 тыс. ливров. А за день до этого член правительственного комитета Во обр-нулся с нападками на католический культ. Конвент, сказал он, вовсе не намеревается «дать фанатизму новую пищу, гонителям — новый повод для насилий, шарлатанам — возможность поднять шум, лицемерам — лучшее средство для одурманивания народа».

При всех своих неизбежных колебаниях робеспьеристы хотели дать французскому народу новую религию, религию патриотической верности и республиканской, т. е. буржуазной, добродетели и божество, венчающее ее. Если были еще сомнения, то мэр Парижа в середине мая их развеял. В прокламации по продовольственному вопросу он ясно говорил, что бог вознаградит Францию за декрет 18 флореаля и пошлет ей хорошие урожаи. «Вас ожидает изобилие. Верховное существо, покровитель свободы народов, повелело природе подготовить для вас обильную жатву. Оно наблюдает за вами. Будьте достойны его благодетельности».

Якобинский клуб одобрил декрет и обратился с благодарственным адресом к Конвенту. В нем воздавалась хвала французскому народу, который признает Верховное существо и бессмертие души. Как же выглядел праздник Верховного существа?

Приготовление к празднику велось поспешно, но тщательно. Ему придавалось значение крупного политического и религиозного события, долженствующего своими церемониями не только заменить народу пышность католических обрядов и тем способствовать пронижению нового культа в быт, но и закрепить победу Робеспьера над своими политическими противниками, придать ей характер своеобразного религиозного освящения одержанной победы. Помимо прочего, для Робеспьера это был момент борьбы против «безнравственных проконсулов», разложившихся комиссаров, отозванных из провинции, — Барраса, Каррье, Тальена, Фуше и др. Накануне дня 20 прериала (8 июня) Робеспьер был избран председателем Конвента. Этим самым ему автоматически отводилось первое место в празднике, место первосвященника — ведь новый культ, объявленный национальной религией, не знал священнослужителей и руко-

водство его церемониями принадлежало органам революционной власти, т. е. Конвенту. Церемония носила официальный характер, и по решению Конвента члены его обязаны были присутствовать на празднестве.

По словам очевидца, никакой другой праздник во время революции не проходил так «стройно, гармонично, с таким чувством братства», как этот. Все дома в городе были украшены символами свободы. При этом «роскошь богачей не унижала бедняков», так как в убранстве жилищ царило «трогательное однообразие» — повсюду были ветви, гирлянды, листья и цветы. На окнах развешались трехцветные флаги, а женщины украшали себя трехцветными лентами.

На заре раздались сигналы, призывавшие народ на сборные пункты своих секций. В 8 часов утра артиллерийский залп возвестил о начале торжеств. Народ двинулся по направлению к Тюильрийскому саду двумя колоннами: мужчины и мальчики справа, женщины, девушки и дети — слева. Матери несли букеты роз — символ грации, дочери — корзины с цветами, символ юности, мужчины и мальчики — дубовые ветки, символ силы и свободы.

Когда все собрались, прибыли депутаты Конвента и заняли места в амфитеатре, специально построенном для этой цели. Праздничная церемония открылась речью Робеспьера: «Французы-республиканцы! Настал, наконец, сей навеки счастливый день, который французский народ посвящает Верховному существу. Никогда еще созданный им мир не являл собой зрелища, более достойного его взгляда. Он видел, как царили на земле тирания, преступление и обман, теперь он видит, как целая нация, борясь с угнетателями человечества, прервала свои героические труды, чтобы мыслями и мольбами возвыситься до Верховного существа». Вся речь была сплошным восхвалением существа, которое «бессмертной рукой начертало законы равенства и справедливости в сердце человеческого и тем вложило в него смертный приговор тирании», которое создало королей не для того, чтобы они уничтожали род людской, а священников не для того, «чтобы они показывали пример низости, гордости, скупости, разврата и лжи». «Нет! — восклицал Робеспьер. — Оно создало вселенную, чтобы проявить свое

могущество... оно вселяет в душе торжествующего угнетателя страх и раскаяние, а в душе невинно угнетенного — спокойствие и гордость; оно заставляет справедливого человека ненавидеть злодея, а злодея — уважать справедливого человека». Далее следовал призыв к французам очистить землю от тиранов и вернуть на землю справедливость и добродетель, «вышедшие из лона божества».

После этого под музыку, прославлявшую бога, творца гармонии и порядка вселенной, была разыграна сцена сожжения «гидры атеизма». Статуя, изображавшая это чудовище, а также символы честолюбия, эгоизма и гордыни были сожжены Робеспьером, а на их месте появилась статуя Мудрости. Затем Робеспьер произнес вторую речь, на сей раз против атеизма, который «короли хотели утвердить во Франции». Ее заключительная часть походила на молитву, которую Робеспьер в роли первосвященника произнес перед творцом вселенной. «Существо из существ! Творец природы! Ничтожный раб, опора деспотизма, жестокий и лицемерный аристократ оскорбляет тебя, взывая к тебе. Но защитники свободы могут доверчиво предать себя в твои руки. Верховное существо! У нас нет несправедливых молитв к тебе, ты знаешь создания, вышедшие из твоих рук, их потребности так же не ускользнут из твоих очей, как и самые сокровенные мысли. Ненависть к бесчестию и тирании горит в наших сердцах вместе с любовью к справедливости и к родине. Мы проливаем нашу кровь за все человечество. Вот наша молитва, вот наши жертвы, вот наше поклонение, которое мы тебе возносим!»

Когда Робеспьер закончил речь, народ направился на Марсово поле. С ним шли и члены Конвента, которым воздали почести, словно жрецам новой религии. Все они были окружены трехцветной лентой, которую несли Детство, украшенное фиалками, Отрочество с миртами, Возмужалость с дубовыми ветвями, Старость с оливковыми ветвями и виноградными листьями. Каждый депутат имел в руках букет из колосьев ржи, цветов и фруктов. Посреди кортежа двигалась запряженная восьмью быками с позолоченными рогами колесница, задрапированная красной тканью. На колеснице были плуг и сноп ржи — символы земледелия, инструменты

земледелия, инструменты типографии — символы знаний, инструменты ремесла — символы промышленности.

На площади народ разместился вокруг воздвигнутой здесь горы, а члены Конвента — на ее вершине. В этот момент музыканты исполнили гимн Верховному существу, сочиненный композитором Госсексом на слова поэта Мари-Жозефа Шенье. Затем была исполнена симфония, первую строфу которой на мотив «Марсельезы» пропели старики и юноши. Это была клятва не сложить оружия, пока не будут уничтожены враги республики. После этого раздался артиллерийский залп, символизировавший национальное возмездие. Праздник закончился под крики: «Да здравствует республика! Да здравствует Гора!»⁸⁹. Несомненно, искусство Давида проявилось в полную меру, и торжество по своей пышности не уступало католическим обрядам. Именно на это и рассчитывали его устроители.

Праздник 20 прериаля был, по мнению Жореса, «крупной политической ошибкой» Робеспьера, ибо он наводил на мысль, что «Неподкупный» не довольствовался более ролью главы политической власти, а стремился стать жрецом новой национальной церкви. Кроме того, священники рады были извлечь для себя пользу из любого двусмысленного действия. Теперь они могли без конца твердить, что «Верховное существо есть в конечном счете не что иное, как христианский бог». Праздник Верховного существа расценивался ими как переходная ступень к официальному прославлению Христа. И Робеспьер возбуждал контрреволюционные надежды более, чем это делал «Старый Кордельер» — газета, издававшаяся Камиллом Демуленом.

Можно понять Жореса, который писал эти строки в конце XIX в., в момент, когда во Франции развертывалась острая борьба с клерикализмом. Но что считать «ошибками» Робеспьера? Если считать ошибкой религиозную политику, то ведь «ошибочной» была и социально-экономическая и рабочая политика диктатуры. Одно лишь верно, что культ Верховного существа, действительно, не разрешал противоречий в религиозной политике.

Католическая церковь иногда безуспешно пыталась изображать новый культ как видоизмененное христиан-

ство, и верующие шли на праздник с молитвенниками и четками, благо день 20 прериаля оказался днем троицы. Слушая речи в честь Существа, набожные люди молились Христу. В итоге «в новый культ было внесено немало католических обрядов, как, например, воскурение благовоний, и немало молитв по своей форме до такой степени напоминали катехизис, что простые души могли легко ошибиться»⁹⁰. Да и мудрено было «простым душам» разобраться в тонкостях — ведь божеству поклонялись и тут и там, а по обрядности новый культ не уступал старому. В Версале перед алтарем Верховного существа сжигали благовоние, а в Безансоне депутат Конвента Лежен зачитал на празднике молитву, одобренную якобинским клубом: «Бог всемилостивый, бог справедливый, высшее и предвечное существо, верховный вершитель судеб человеческих, творец всех земных благ, ты не отвергнешь молитв этих добродетельных людей, собравшихся в твой храм на молитву: они просят у тебя только правды и справедливости...».

Любопытно, что на местах порой не видели никакой разницы между культом Верховного существа и культом Разума. И это неудивительно — культ Разума тоже не исключал божества. Писал же комиссар Шодрон-Руссо 30 апреля Комитету общественного спасения: «Праздник декады будет здесь ознаменован открытием храма Разума, но это не заставит нас, однако, забыть о божестве. Мы и мои сотрудники воздадим последнему наши первые и глубочайшие почести. Подобно вам, мы смотрим на Разум лишь как на проявление божества».

Праздник в честь Верховного существа в Компьене был проведен 9 мая. Сомнительно, чтобы так быстро дошел сюда декрет от 7 мая. Следовательно, он был задуман до официального осуждения культа Разума. Тем более примечательно, что по духу своему он ничем не отличался от парижских торжеств в честь Верховного существа. Празднество началось с шествия. Впереди шли отряды кавалерии, пушки и пехота, за ними старики со знаменем, на котором начертаны были слова: «Мы видели крушение деспотизма, мы умрем удовлетворенными». Далее следовала национальная гвардия, за ней — повозка с ранеными бойцами, окруженная врачами и гражданами, несущими стяг с надписью: «Облегчить страдания защит-

ников родины — значит почитать Верховное существо». Члены якобинского клуба сопровождали бюст Марата. На повозке везли статую Свободы, а также знамя с надписью «Верховное существо и Родина», за ними несли плуг, украшенный цветами и лентами, на которых было написано: «Наиболее полезное искусство должно быть наиболее почитаемо». Потом шествовали представители местных властей. Рабочие порохового завода держали свои инструменты и стяг со словами: «Мы готовим громы, враги должны быть уничтожены!». Манифестанты прибыли на площадь Нации, с возвышением в центре, увенчанном алтарем. Здесь произносились патристические речи, пели гимны, после чего каждый муниципальный чиновник поднимался на алтарь и сжигал благовоние. Самый старый из них произнес слова: «Ты нам вернуло свободу, Верховное существо, прими наше изъявление благодарности и робкие свидетельства нашей живой признательности». Вечером был дан большой бал и спектакль. Это был праздник, воспевавший гражданскую добродетель и свободу, любовь к родине как исполнение долга перед отечеством и божеством.

Некоторые комиссары не проводили различия между двумя культами по той причине, что считали новый культ продолжением прежнего. А может быть, ими руководила боязнь, что маской Верховного существа будут прикрываться священнослужители — в этом случае не следует отказываться от Разума, поскольку с ним было связано усиление борьбы с клерикалами. Так или иначе, но национальный агент в Гавре говорил: «Разум и Верховное существо составляют один и тот же принцип, из которого вытекает одна и та же вера для людей»⁹¹. Понимаемый так, новый культ праздновался как культ Разума. И в Бресте комиссар Конвента Приер из Марны распорядился починить и подновить для праздника Верховного существа ту же гору, которая ранее служила для праздника Разума. В провинции сплошь да рядом те же женщины, которые ранее изображали богинь Разума, теперь исполняли главные роли в символах, посвященных Верховному существу. Немало было и таких случаев, когда праздники Верховного существа приправлялись изрядной долей деchristианизации. Комиссар Лежен в Безансоне так же, как в Париже, сжег «гидру атеизма». Но костер был

составлен из... крестов, изображений, святых, четок, крестов, молитвенников, чаш и святой Урсулы с 11 тыс. так называемых девственниц.

* * *

О революционном терроре писали преимущественно реакционеры. Для них революция была бунтом «черни», необузданным разрушительным актом «толпы», лишенной рассудка и нравственных устоев. Деятели революции, особенно Робеспьер, изображались тиранами. Дошло до того, что, например, Детрэ приписывает комиссару Лебону, действовавшему в Аррасе, решение «ежедекадно посылать на эшафот 10 неprisягнувших священников»⁹². Однако весь террор был средством обороны республики от наседавших на нее врагов. Казалось, в условиях якобинской диктатуры контрреволюция должна была притаяться, либо вовсе исчезнуть. Этого не случилось. И всего более живой была священническая контрреволюция. Один из присяжных заседателей парижского революционного трибунала, Антонель, писал: «Предполагая себя членом революционного суда, призванным высказываться революционным образом против священников и бывших дворян, оставшихся во Франции, я чувствую, что, по совести, я объявил бы священников более виновными в прошлом. Что касается настоящего времени, то я считаю священников еще более опасными и более подозрительными»⁹³. И то, что церковь по сей день называется «жестокостью», на деле было необходимой мерой обороны, политикой, навязанной революции ее врагами, в том числе церковью.

Донесения комиссаров Конвента летом 1794 г. указывают на духовенство как на главного нарушителя общественного порядка в некоторых местах. Из департаментов Ардеш и Верхней Луары сообщали о действиях банды, состоявшей из неprisягнувших священников, эмигрантов и дезертиров. 2 июля комиссар Карпантье доносил о волнениях на религиозной почве в двух дистриктах Ла Манша. Ленъело сообщал о планах англичан поднять восстание в Бретани, а также о том, что один из главарей заговора священник Эмери арестован. Левассер 20 июля 1794 г. жаловался на фанатизм, поднима-

ющий голову в Арденнах, несмотря на то, что он арестовал 120 контрреволюционеров, среди которых 50 священников.

Именно эта контрреволюционная активность духовенства вынудила революцию в интересах самообороны действовать беспощадно. Реакционные историки, старающиеся бросить тень на представителей революции на местах, рисуют их «убийцами», посылавшими на гильотину всякого, кто выказывал верность католической религии. При этом ссылаются на пресловутого Каррье, комиссара в Нанте, который явно превысил свои полномочия и осуществлял массовые репрессии. Но репрессии Каррье были осуждены Комитетом общественного спасения и лично Робеспьером. К тому же Каррье был исключением, и католическим писателям следовало бы не игнорировать многочисленные документы революции.

Вот, к примеру, письмо комиссара Лано из Тюлля. Он просит у Конвента милосердия в отношении более 120 крестьян, «слепых орудий заговора, замышлявшего именем бога, чтобы обезлюдить и залить кровью землю». Пятеро зачинщиков гильотинированы, остальные по закону тоже заслуживают смерти, но должны быть помилованы ибо они лишь «несчастные жертвы невежества и соблазна»⁹⁴.

Якобинцы не могли щадить смертельных врагов нации. Но не следует преувеличивать число священников, ставших жертвой террора. Причиной осуждения являлись: связь с вандейцами; переписка с эмигрантами; распространение контрреволюционной литературы; побуждение солдат к дезертирству; призыв к разгону Конвента; служба в армии, сражавшейся против республики; пропаганда монархизма; шпионаж в пользу ин-тервентов; неподчинение закону о ссылке; подготовка убийств представителей власти; подстрекательство к мятежам и т. п. До 9 термидора (27 июля) 1794 г. дня, когда совершен был контрреволюционный переворот, сверг-нувший якобинскую диктатуру, меч гильотины разил только тех служителей культа, кто поднял руку на собственный народ и пытался снова надеть на него ярмо самодержавия и феодализма. Чтобы не потерпеть поражения, французский народ должен был сломить католическую контрреволюцию.

В каком состоянии находился католический культ летом 1774 г.? Казалось, он более не существовал. Неприсягнувшая церковь была вне закона, а конституционная подвергалась преследованиям. Из 85 конституционных епископов 24 отказались от должности, 23 отреклись от сана, 9 женились, 8 взойшли на эшафот. Так было и среди низшего духовенства. И тем не менее католическая церковь не умерла: ни дехристианизация, ни новый культ в условиях буржуазной революции не могли заменить широким массам «религии отцов». Новые общественные условия, утвердившиеся во Франции, не благоприятствовали распространению атеизма в народе, а победившая буржуазия была, напротив, заинтересована в упрочении религиозных верований трудящихся.

Что касается культа Верховного существа, то его ожидала та же участь, что и культ Разума. Он не достиг своей цели и не разрешил ни одного из противоречий. Он не пустил корней в народе и рухнул вместе с его творцом Максимилианом Робеспьером на следующий день после крушения якобинцев.

Контрреволюционный переворот 9 термидора (27 июля) 1794 г. оборвал восходящую линию французской буржуазной революции. Падение якобинской диктатуры означало конец революции, оно открыло полосу буржуазной контрреволюции, наступила термидорианская реакция. Хотя среди заговорщиков, совершивших переворот, были и левые деятели, подлинными вершителями судеб Франции стали дельцы из «новой буржуазии», спекулянты, казнокрады и воры.

Как это часто бывает, не все современники сразу разобрались в смысле происходящих событий. Но за казнью Робеспьера и его единомышленников последовали ликвидация государственного аппарата якобинской диктатуры, закрытие якобинского клуба, отмена «максимума» и всего прогрессивного социального законодательства, наконец, разгром «левых термидорианцев», которые своим участием прикрыли контрреволюционную сущность термидора. Церковники сразу почувствовали наступление «новых времен». Да иначе и быть не могло. Каждый удар по

якобинцам фактически означал облегчение для тех, кого диктатура подавляла. Действительно, место революционного террора занял террор белый, контрреволюционный. Открылись двери тюрем для врагов революции, прежде всего для священнослужителей, которые по выходе возвращались к исполнению своих священнических функций. Неприсягнувшие стали выходить из своих тайных убежищ, а иные даже возвращались из эмиграции и обособлялись в своих бывших приходах.

Конечно, не следует считать, что немедленно после переворота католическая церковь была «амнистирована». Этого не могло случиться уже потому, что утвердившаяся у власти так называемая новая буржуазия, состоявшая из элементов, разбогатевших во время революции на приобретении «национальных имуществ», в том числе церковных, и слышать не хотела о феодальной и католической реставрации. И термидорианский Конвент и правительство последующей Директории ощутимо, вплоть до массовых расстрелов эмигрантов, не раз давали понять некогда привилегированным сословиям, что их надежды на возврат к «старому порядку» не имеют под собой почвы. Что касается духовенства, то 9 термидора вовсе не положило конец репрессиям против них, они еще долго применялись комиссарами Конвента. Не отменялось также законодательство, направленное против церкви, сохранился революционный календарь, отменивший воскресный день, и т. д.

Однако и объективный смысл совершившегося и желание победившей буржуазии обеспечить религиозный мир привели после многократных вспышек и кровавой острой борьбы к ослаблению войны государства и католической церкви. 18 сентября 1794 г. был принят декрет, первая статья которого гласила: «Французская республика не платит больше издержек и жалования по какому бы то ни было культу»⁹⁵. Вслед за этим Конвент капитулировал перед вандейцами, заключив с ними 17 февраля 1795 г. соглашение, по которому все они были освобождены от ответственности за совершенные злодеяния, им даже возвращалось конфискованное имущество. Более того, комиссары при вандейской армии издали постановление, в котором говорилось: «Так как беспорядки в западных департаментах были вызваны закрытием церквей

ч невозможностью мирного отправления культа», то на-
стоящим подтверждается право каждого гражданина
«свободно и мирно отправлять обряды своего культа».
Следовательно, и неприсягнувшее духовенство получило
теперь легальные возможности для проведения служб.
Вскоре этот порядок был распространен и на остальную
Францию.

21 февраля 1795 г. Конвент декретировал отделение
церкви от государства, но при этом установлена была
свобода религиозных культов. Именно это обстоятель-
ство объясняет, почему декрет был встречен в католиче-
ских кругах с радостью и привел к заметному оживле-
нию церкви. Впрочем, провозглашая свободу культов,
Конвент по-прежнему не доверял клерикалам, и поэтому
полиции предписывалось наблюдать за религиозными
собраниями. Для таких мер предосторожности было слиш-
ком много оснований. На юге церковники в союзе с
роялистами создали погромные организации, вроде Об-
щества Иисуса, Общества солнца и т. п., которые устро-
или массовую резню патриотов. В Лионе, Сен-Этьене,
Тарасконе, Марселе и других городах были буквально
растерзаны сотни граждан, и среди убийц были священ-
ники и эмигранты. В ответ власти усилили репрессии
против мятежного духовенства.

Годы существования Директории (1795—1799) были
периодом политических колебаний. Осуществляя на деле
лозунг «Ни монархии, ни демократической республики»,
спекулятивная буржуазия и в религиозной политике ко-
лебалась от усмирения бунтовщиков к примирению с
церковью. Одно время сделана была попытка создать
новую религию, призванную заменить контрреволюцион-
ный католицизм. Такой религией был культ теофилантро-
пии, или культ «почитания бога, любви к ближним и
стремление быть полезным отечеству». Признавая два
основных религиозных догмата, а именно: существование
бога и бессмертие души, новый культ старался придать
этой вере простоту и доходчивость, в частности, молитвы
произносились на французском языке.

Понятно, что идея создания нового культа была по-
рочна в своей основе и несостоятельна. Теофилантропия
просуществовала недолго и за исключением узкой груп-
пы инициаторов из интеллигенции последователей не

имела. Но и нужды в ней не было. Религия полезна
для правящего класса лишь тогда, когда она является
для широких масс, а этой цели во Франции мог слу-
жить только католицизм, проверенный и освященный
вековыми традициями.

Это превосходно понимал Наполеон, свергнувший Ди-
ректорию во имя удовлетворения своих честолюбивых за-
мыслов и в угоду крупной буржуазии, требовавшей «силь-
ной власти» для обуздания трудящихся. Но этот душитель
французской революции сознавал, что для выполнения
возложенной на него миссии необходимы не только жан-
дармы, но и попы. И одним из первых его законодатель-
ных актов было заключение мира с католической церко-
вью. В 1801 г. успешно завершились переговоры между
Наполеоном и Пием VII. По достигнутому соглашению
католическая церковь была объявлена государственным
учреждением, и духовенство стало получать жалование
от правительства. Церкви была возвращена часть нерас-
проданных ее бывших имуществ. Епископы и кюре назна-
чались правительством, каждый священнослужитель да-
вал клятву на верность правительству, установленному
конституцией. Таким образом, Наполеону удалось ре-
шить ту задачу, какую ставила перед собой буржуазия
в начале революции — приспособить католицизм к нуж-
дам нового общества.

Причины «удачи» Наполеона кроются не только в
том, что папство переживало кризис, но в том, прежде
всего, что первый консул Франции снискал себе симпатии
всей европейской реакции — ведь он задавил «гидру ре-
волюции». Обманутыми оказались те, кто надеялся, что
Наполеон взял власть для того, чтобы вернуть ее Бур-
бонам. Но зато с какой свирепостью расправлялся он с
демократией! Компромисс между церковью и военной
диктатурой стал возможен лишь потому, что наполеонов-
ский режим представлял собой победившую буржуазную
контрреволюцию. И все-таки известная часть эмигрант-
ского духовенства не пожелала признать конкордат, ос-
талась непримиримо враждебной к консулу, затем импе-
ратору Франции. Она ожидала и дождалась в 1814 г.
реставрации Бурбонов.

Заключение

О взаимоотношениях французской буржуазной революции и церкви написаны сотни книг, прежде всего католическими писателями. По окончании революции Ватикан распорядился начать сбор материала о священниках, жертвах этой борьбы, чтобы провозгласить их «святыми мучениками» за веру. Так появилась обильная клерикальная литература, в которой все события революции искажены, а революция изображается «гонительницей религии, исчадием ада». До сегодняшнего дня не иссякает поток «произведений», авторы которых — аббаты, каноники, монахи — фальсифицируют историю, возводят клевету на французский народ.

В конце XIX в., в период, когда во Франции развернулась острая борьба между сторонниками республики, с одной стороны, и сторонниками монархии — с другой, появилась также и антиклерикальная буржуазная литература. Ей принадлежит немалая заслуга в развенчании легенд, созданных католическими историками вокруг церковного вопроса. Она по достоинству оценила враждебную деятельность церкви. Однако, будучи буржуазными идеологами, авторы этих книг не сумели раскрыть классовые корни столкновения, показать место народа, трудящихся в борьбе с феодализмом.

Советская историография до сих пор уделяла мало внимания этой теме. Мы могли бы назвать лишь одну работу, вышедшую 30 лет назад. Это — двухтомное сочинение Я. Михайлова «Великая французская революция и церковь», дающее марксистское освещение событий.

Между тем ознакомление советского читателя с этим интересным и значительным периодом в истории католической церкви имеет большое значение. «Массам, — писал В. И. Ленин, — необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить с фактами из самых различных областей жизни»¹. Уже не раз в истории католическая церковь покрывала себя позором. В конце XVIII в., когда во Франции происходили поистине грандиозные события — совершался переход к новому, тогда передовому общественному строю, капитализму и закладывались основы современной цивилизации, флаг католицизма сделался знаменем мятежа. С этим знаменем шли в бой все силы старого отжившего феодального мира. Церковь направляла их против народа, против его кровных интересов.

Мы вспоминаем прошлое потому, что оно объясняет нам настоящее, помогает разобраться в том, как сегодня в новую, исторически совершенно иную эпоху происходит борьба между силами реакции и силами демократии мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 261.

¹ E. Lafont. La politique religieuse de la révolution française. Paris, 1909, p. 36.

² F. C. Heitz. La contre-révolution en Alsace de 1789 à 1793. Strasbourg, 1865, p. 5.

³ Луи Блан. История французской революции, т. III. СПб., 1907, стр. 248.

⁴ J. Robinet. Le mouvement religieux à Paris pendant la Révolution. Paris, 1896, p. 204—205.

⁵ Ch. Chassin. Les cahiers du curés. Paris, 1887, p. 41.

⁶ P. de la Gorce. Histoire religieuse de la révolution. Paris, 1911, p. 42.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II. Госполитиздат, стр. 107.

⁹ F. Laurent. La philosophie de XVII siècle et christianisme. Paris, 1866, p. 416.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 204.

¹¹ См. В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1958, стр. 102—204.

¹² Поль Гольбах. Разоблачение христианства. М., 1924, стр. 176.

¹³ См. И. П. Вороницын. История атеизма. Рязань, 1930, стр. 230.

¹⁴ Жан Мелье. Завещание, т. I. М., 1954, стр. 67.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 374.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. М., Госполитиздат, 1952, стр. 369.

¹⁷ «Archives parlementaires», т. 2, p. 376.

¹⁸ См. «Французская буржуазная революция. 1789—1794», под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле, М.—Л., 1941.

¹⁹ J. Peter, Ch. Paulet. Histoire religieuse du département du Nord pendant la Révolution, t. I. Lille, 1930, p. 57—63.

²⁰ «Archives parlementaires», т. 8, p. 353.

²¹ Там же, стр. 370.

^{22—23} «Archives parlementaires», т. 9, стр. 398.

²⁴ К. Маркс. Капитал, т. I. М., Госполитиздат, 1955, стр. 8.

²⁵ «Révolutions de France et de Brabant», N 13, 1790.

²⁶ «Révolutions de Paris», N 32, 1790.

²⁷ «Политический журнал», кн. 2-я, 1790, стр. 911.

²⁸ A. Aulard. La Société des jacobins, t. I. Paris, 1892.

^{28—29.}

²⁹ E. Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870, t. I. Paris, 1903, p. 136.

³⁰ J. Robinet. Le mouvement religieux à Paris..., t. I, 182—183.

³¹ O. Aubry. La Révolution française. Destruction de la royauté. Paris, 1942, p. 170.

³² J. Jaurès. Histoire socialiste de la révolution française, t. I. Paris, p. 519.

³³ Ch. Chassin. Les cahiers des curés, p. 55.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии. М., Госполитиздат, 1955, стр. 185.

³⁵ «Archives parlementaires», т. 15, p. 724—731.

³⁶ Я. Михайлов. Великая французская революция и церковь, т. I. М., 1930, стр. 5.

³⁷ A. Mathiez. Rome et le clergé français sous la constituante. Paris, 1911, p. 345.

³⁸ «Archives parlementaires», т. 21, p. 3—8.

³⁹ «L'Ami du peuple», N 311, 1790.

⁴⁰ «Journal ecclésiastique», XII, 1790.

⁴¹ «Révolutions de Paris», N 79, 1790.

⁴² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 242.

⁴³ «Московские ведомости», 7/V 1790.

⁴⁴ P. de la Gorce. Histoire religieuse de la révolution, t. I. Paris, 1911, p. 287.

⁴⁵ «Московские ведомости», 1/III 1791.

⁴⁶ A. Debidour. Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France de 1789 à 1870. Paris, 1898, p. 82.

⁴⁷ I. Wallon. Le clergé de 1789. Paris, 1876, p. 487.

⁴⁸ F. A. Aulard. Le société des jacobins, p. 155.

⁴⁹ «L'Ami du peuple», N 207, 31/VIII 1790.

⁵⁰ «Révolutions de Paris», N 89, 1791.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии, стр. 368.

⁵² «Gazette de Paris», 9/XII 1790.

⁵³ P. Pisani. L'Eglise de Paris et la Révolution, t. I. Paris, 1908, p. 88.

⁵⁴ «Литературное наследство», № 29—30, М., 1937, стр. 421.

⁵⁵ M. Poujoulat. Le cardinal Maury. Sa vie et ses oeuvres. Paris, 1855, p. 202.

⁵⁶ «Moniteur», т. 4, p. 197.

⁵⁷ «Révolutions de Paris», N 91, 1791.

⁵⁸ «Extrait des registres de l'Assemblée nationale du Manege et de celles des Jacobins». s. a.

⁵⁹ «Compte rendu par m. l'abbé Grandin, curé d'Ernel à ses commettants», s. a.

- ⁶⁰ «Французская буржуазная революция», стр. 318—319.
- ⁶¹ H. Chassagné. Coblenz, 1789—1792. Paris, 1939, p. 74.
- ⁶² F. A. Aulard. La société des jacobins, t. II, p. 293, 296.
- ⁶³ «Анналы», кн. IV, 1924, стр. 120.
- ⁶⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 368.
- ⁶⁵ «Политический журнал», кн. 2 я, 1790, стр. 911.
- ⁶⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 332.
- ⁶⁷ «Moniteur», t. 4, p. 534.
- ⁶⁸ «La Feuille villageoise», N 37, 9/VI 1791.
- ⁶⁹ A. Sicard. Le clergé France pendant la révolution, t. II. Paris, 1927, p. 329.
- ⁷⁰ A. Lallié. Le diocèse de Nantes pendant la révolution, t. I. Nantes, 1893, p. 174, 183.
- ⁷¹ «Archives parlementaires», t. 28, p. 330.
- ⁷² Там же, т. 34, стр. 114.
- ⁷³ Там же, стр. 117.
- ⁷⁴ «Moniteur», t. 10, p. 166—167.
- ⁷⁵ «Archives parlementaires», t. 34, p. 141—147.
- ⁷⁶ Там же, стр. 340.
- ⁷⁷ «Mercure Universel», 2/XI 1791.
- ⁷⁸ «L'Ami du peuple», N 570, 581, 583, 1791.
- ⁷⁹ «Archives parlementaires», t. 34, p. 663.
- ⁸⁰ Там же, т. 35, стр. 43.
- ⁸¹ Там же, т. 35, стр. 66—68.
- ⁸² «L'Ami du roi», 15/XI 1791.
- ⁸³ «Archives parlementaires», t. 35, p. 426.
- ⁸⁴ Там же, стр. 435—437.
- ⁸⁵ F. A. Aulard. La Société des jacobins, t. III, p. 282.
- ⁸⁶ См. А. З. Манфред. Великая французская буржуазная революция. М., Госполитиздат, 1956, стр. 146—150.
- ⁸⁷ «Mercure Universel», 4/II 1792.
- ⁸⁸ A. Debidour. Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France..., p. 103.
- ⁸⁹ J. Bouchary. Les Faux-Monnayeurs sous la révolution française. Paris, 1946, p. 29.
- ⁹⁰ J. Robinet. Le mouvement religieux à Paris pendant la révolution, p. 167—168.
- ⁹¹ А. Олар. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции. Госиздат Украины, 1925, стр. 53—54.
- ⁹² «Archives parlementaires», t. 42, p. 408.

II

- ¹ Histoire du clergé pendant la révolution française par l'abbé Barruel. Londres, 1793, p. 349.
- ² «Archives parlementaires», t. 48, p. 667.
- ³ A. Latreille. L'Eglise catholique et la révolution française Paris, 1946, p. 121.
- ⁴ A. Sicard. Le clergé de France pendant la révolution, t. II Paris, 1927, p. 126.
- ⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 81.
- ⁶ «Père Duchêne», 9/VI 1792.
- ⁷ A. Aulard. La Société des jacobins, t. III, p. 650—651.

- ⁸ J. Jaurès. Histoire socialiste de la révolution française, t. IV. 189.
- ⁹ E. Lafont. La politique religieuse de la révolution française. 72—73.
- ¹⁰ J. Jaurès. Histoire socialiste de la Révolution française, V, p. 29.
- ¹¹ Там же, стр. 30—31.
- ¹² Я. Михайлов. Великая французская революция и церковь, I, стр. 196—198.
- ¹³ A. Latreille. L'Eglise catholique et la Révolution française, t. I, p. 193.
- ¹⁴ A. Aulard. Recueil des actes du Comité du salut public, II, p. 430.
- ¹⁵ A. Billaud. La guerre de Vendée. Paris, 1947, p. IX.
- ¹⁶ A. Mayer. L'abbé Bernier. Paris, 1923, p. 25.

III

- ¹ «Révolutions de Paris», N 159, 21—28/VII 1792.
- ² A. Gazier. Etudes sur l'histoire religieuse de la révolution française. Paris, 1887, p. 194—195.
- ³ A. Aulard. Recueil des actes..., t. III, p. 440.
- ⁴ Там же, стр. 572—573.
- ⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 196.
- ⁶ C. Riffaterre. Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhone-et-Loire en 1793, t. I. Lyon — Paris, 1912, 320.
- ⁷ Там же, т. I, стр. 353—354.
- ⁸ M. Dommanget. Sylvain Marechal l'Egalitaire, «L'Homme dans Dieu», Paris, 1950, p. 40.
- ⁹ A. Salomon de la Chapelle. Lyon et les environs sous la erreur, 1793—1794. Lyon, 1885, p. 71.
- ¹⁰ «Archives parlementaires», t. 78, p. 160.
- ¹¹ L. De Cardinal. La province pendant la révolution, p. 305.
- ¹² A. Aulard. Recueil des actes..., t. VI, p. 266.
- ¹³ Там же, т. VII, стр. 169.
- ¹⁴ Я. М. Михайлов. Анаксароп Шометт. М., 1930, стр. 48—49.
- ¹⁵ M. Dommanget. Le dechristianisation à Beavais et dans Oise (1790—1801), Première Partie, 1918, p. 40.
- ¹⁶ A. Aulard. Recueil des actes..., t. VII, p. 493—495.
- ¹⁷ «Archives parlementaires», t. 78, p. 137—138.
- ¹⁸ Там же, т. 74, стр. 549—557.
- ¹⁹ «Новая и новейшая история», № 6, 1958, стр. 93.
- ²⁰ Там же, стр. 94.
- ²¹ «Archives parlementaires», t. 78, p. 374, 375.
- ²² Я. Михайлов. Анаксароп Шометт, стр. 55.
- ²³ «Archives parlementaires», t. 78, p. 549.
- ²⁴ Там же, стр. 550.
- ²⁵ Там же, стр. 550—551.
- ²⁶ А. Олар. Культ разума и культ Верховного существа во время французской революции. М., 1925, стр. 54—56.
- ²⁷ «Archives parlementaires», t. 80, p. 351.
- ²⁸ Там же, т. 79, стр. 548.

- ²⁹ J. Jaurès. Histoire socialiste de la Révolution française, t. VIII, p. 285.
- ³⁰ A. Aulard. Recueils des actes..., t. 8, p. 410.
- ³¹ «Père Duchêne», N 301, 1793.
- ³² А. Олар. Культ разума и культ Верховного существа во время французской революции. Л., 1925, стр. 97.
- ³³ «Père Duchêne», N 357, 1793.
- ³⁴ См. Я. Михайлов. Великая французская революция и церковь, т. I, стр. 234.
- ³⁵ A. Mathiez. Les origines des cultes révolutionnaires. 1789—1792. Paris, 1904, p. 24.
- ³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 93.
- ³⁷ Robinet, Le mouvement religieux à Paris pendant la Révolution, t. II, p. 335.
- ³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии. М., Госполитиздат, 1955, стр. 110.
- ³⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 372, 374.
- ⁴⁰ J. Jaurès. Histoire socialiste de la Révolution française t. VIII, p. 288.
- ⁴¹ «Archives parlementaires», t. 81, p. 300.
- ⁴² Pierre Caron. Paris pendant la terreur. Paris, t. I, 1910, p. 129.
- ⁴³ «Archives parlementaires», t. 79, p. 84.
- ⁴⁴ A. Aulard. Recueil des actes..., t. 8, p. 425.
- ⁴⁵ Жан Жак Руссо. Об общественном договоре. М., 1938, стр. 119, 120.
- ⁴⁶ J. Charrier. Histoire religieuse du département de la Nièvre pendant la révolution, t. I. Paris, 1926, p. 232.
- ⁴⁷ «Archives parlementaires», t. 78, p. 672.
- ⁴⁸ Там же, т. 79, стр. 21.
- ⁴⁹ A. Aulard. Recueil des actes..., t. 8, p. 58—59.
- ⁵⁰ Я. Михайлов. Великая французская революция и церковь, т. I, стр. 259.
- ⁵¹ «Moniteur», t. 18, p. 507.
- ⁵² Там же, стр. 507—509.
- ⁵³ «Archives parlementaires», t. 80, p. 164.
- ⁵⁴ Я. Михайлов. Анаксагор Шометт, стр. 76—77.
- ⁵⁵ A. Aulard. La Société des jacobins, t. V, p. 552.
- ⁵⁶ H. Dommange. Sylvain Marechal l'Egalitaire..., p. 276.
- ⁵⁷ «Archives parlementaires», t. 80, p. 693—694.
- ⁵⁸ Там же, т. 81, стр. 30.
- ⁵⁹ A. Aulard. Recueil des actes..., t. IX, p. 385.
- ⁶⁰ «Archives parlementaires», t. 81, p. 424, 564.
- ⁶¹ P. Caron. Rapports des agents..., t. I, p. 254.
- ⁶² Там же, т. 2, стр. 144.
- ⁶³ L. de Cardenal. La province pendant la révolution. Histoire des clubs des jacobins. 1789—1795. Paris, 1929, p. 299.
- ⁶⁴ A. Aulard. Recueil des actes..., t. 13, p. 107.
- ⁶⁵ L. de Cardenal. La province pendant la révolution..., p. 298.
- ⁶⁶ Там же, стр. 298—303.
- ⁶⁷ «Archives parlementaires», t. 82, p. 443—444.
- ⁶⁸ P. Caron. Rapports des agents, t. II, p. 133.
- ⁶⁹ A. Aulard. La Société des jacobins, t. V, p. 582.
- ⁷⁰ A. Aulard. Recueil des actes..., t. 9, p. 398.
- ⁷¹ Там же, т. 10, p. 306, 364—365, 366, 398, 561.
- ⁷² Там же, стр. 700.
- ⁷³ Там же, стр. 23.
- ⁷⁴ Там же, т. 12, стр. 520.
- ⁷⁵ Там же, т. 10, стр. 598—599.
- ⁷⁶ Там же, т. 9, стр. 780.
- ⁷⁷ Там же, стр. 285.
- ⁷⁸ Там же, стр. 441, 630—632.
- ⁷⁹ Там же, т. 10, стр. 229.
- ⁸⁰ J. Charrier. Histoire religieuse du département de la Nièvre pendant la révolution, t. I (1789—1795). Paris, 1926, p. 308.
- ⁸¹ A. Aulard. Recueil des actes..., t. 12, p. 398, 673.
- ⁸² Там же, т. 12, стр. 468.
- ⁸³ Там же, т. 13, стр. 136.
- ⁸⁴ Lafont. La politique religieuse de la révolution française, p. 98.
- ⁸⁵ Durieux. Table historique du diocèse de Lyon pendant la persécution religieuse de la grande révolution française. Lyon, 1869, p. 342, 353.
- ⁸⁶ А. Олар. Политическая история французской революции. 1818, стр. 327.
- ⁸⁷ «Moniteur», t. 20, p. 403—411.
- ⁸⁸ A. Aulard. La Société des jacobins, t. VI, p. 114.
- ⁸⁹ «Moniteur», t. 20, p. 683—684, 701—702.
- ⁹⁰ А. Олар. Культ Разума и культ Верховного существа, стр. 220.
- ⁹¹ Там же, стр. 220.
- ⁹² L. Detrez. La Flandre religieuse sous le révolution, t. I. Lille, 1928, p. XIX.
- ⁹³ Е. В. Тарле. Революционный трибунал в эпоху французской революции. Пг., 1918, стр. 77—78.
- ⁹⁴ A. Aulard. Recueil des actes..., t. 10, p. 207.
- ⁹⁵ А. Олар. Христианство и французская революция, стр. 83.